The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

To renew call Telephone Center, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

AUG 28 1985

AUG 01 1985

OCT 16 1985

L161—O-1096

291-Ma.-1

А. А. МАЙЕРЪ.

Sv. leiri 24

НАБРОСКИ И ОЧЕРКИ

АХАЛЪ-ТЭКИНСКОЙ

ЭКСПЕДИЦІИ

1880—1881.

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ РАНЕННАГО).

КРОНШТАДТЪ.
Печатано въ типографіи „Кронштадтскаго Вѣстника".
1886.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20-го сентября 1884 года.

958.4
M28n

Посвящается памяти „Бѣлаго Генерала“ и товарищей, павшихъ подъ стѣнами Геокъ-Тепе.

Digitized by the Internet Archive
in 2017 with funding from
University of Illinois Urbana-Champaign Alternates

https://archive.org/details/nabroskiiocherki00maie

Sv. leiri 24

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Взявшись за перо въ минуту тяжелой хандры и чувства полнаго одиночества, я вскорѣ съ искреннею радостію замѣтилъ, что процессъ приведенія на память впечатлѣній моей боевой жизни заполняетъ пустоту моего прозябанія... Длинной вереницей тянутся мысли одна за другою, сцена перехода по сыпучимъ пескамъ смѣняется сценами боя; лица товарищей явственно представляются глазамъ; всё это такъ живо, такъ рельефно!....

Незамѣтно для самаго себя увлекаешься воспоминаніями и въ результатѣ появляется изложеніе собственныхъ чувствъ и мыслей, пережитыхъ за одиннадцать мѣсяцевъ похода. Поэтому, читатель, вы и не найдете въ предлагаемыхъ вашему вниманію очеркахъ объективнаго взгляда на экспедицію, не найдете критической оцѣнки дѣйствій того или другаго начальника, не найдете характеристики, по крайней мѣрѣ обширной, распоряженій и образа веденія всего предпріятія покойнымъ Михаиломъ Димитріевичемъ Скобелевымъ. То, что вы прочтете, если хватитъ терпѣнія, есть сумма личныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ мною за время участія въ экспедиціи.

Будучи морякомъ, я могъ быть вполнѣ безпристрастнымъ ко всѣмъ остальнымъ родамъ оружія, что даже и въ очеркахъ, а не въ историческомъ изслѣдованіи, все таки играетъ значительную роль.

Проглядывающее въ моей книгѣ боготвореніе покойнаго „бѣлаго генерала“, по всѣмъ вѣроятіямъ, ни одному истинно русско-

му человѣку не покажется удивительнымъ—Скобелевъ былъ у насъ одинъ, обладавшій способностью привлекать на всегда сердца тѣхъ людей, кровь которыхъ, по словамъ недоношеннаго критика Градовскаго, онъ такъ мало берегъ...

Выступая впервые на литературное поприще, я сознаю себя слишкомъ слабымъ, чтобы бороться съ вышепоименованнымъ г. Градовскимъ, авторомъ извѣстнаго пасквиля на покойнаго героя. Да, собственно говоря, борьбы и быть не можетъ—дѣйствіе этаго пасквиля было совершенно обратное тому, что ожидалъ г. Градовскій; всякій, прочтя его брошюру, проникался еще большимъ уваженіемъ къ памяти великаго покойника, забрызгать котораго грязью не удастся не только одной, но и цѣлой сворѣ чернильныхъ „мосекъ“.

Впрочемъ, лично для меня, брошюра г. Градовскаго кажется изданною не съ цѣлію „облаянія“ памяти Скобелева, а съ цѣлію болѣе практичною—финансовою.

У покойника было и есть много завистниковъ, какъ у всякаго выдающагося человѣка, особенно въ числѣ разныхъ, лыкомъ шитыхъ генераловъ и другихъ не признанныхъ военныхъ геніевъ. Эта публика раскупала брошюру рьяно, нѣтъ сомнѣнія. Почитатели покойнаго Скобелева тоже покупали книжонку, чтобы собственными глазами убѣдиться до чего можетъ дойти, характеризующее вообще нашу эпоху, нахальство бумагомарателей... Въ результатѣ—хорошій „гешефтъ“ для г. Градовскаго, который, будучи истиннымъ героемъ нашего продажнаго времени, логично разсудилъ, что за тычкомъ или обруганіемъ гнаться не слѣдуетъ, а деньги—вещь хорошая!....

Въ моихъ воспоминаніяхъ объ экспедиціи собственно Михаилу Димитріевичу Скобелеву отведено мало мѣста. Я выше уже говорилъ, что излагалъ главнымъ образомъ собственныя впечатлѣнія, произведенныя на меня исключительною обстановкою степнаго

похода. Всякій разъ, когда передо мною являлся „бѣлый генералъ“—онъ являлся въ ореолѣ героя... Онъ производилъ на меня трудно объяснимое впечатлѣніе... Много разъ, напр., у меня являлось страстное желаніе быть убитымъ у него на глазахъ, съ какою цѣлію—я не могу себѣ отдать отчетъ..... Его присутствіе въ бою производило особенный подъемъ всей нервной системы....

Чувствуя себя не въ силахъ дать какую нибудь характеристику для этаго человѣка, бывшаго всегда въ моихъ глазахъ чѣмъ то особеннымъ, я и не брался за эту непосильную работу, а удовольствовался изображеніемъ наиболѣе выдающихся картинокъ экспедиціи, для большинства читающей публики остающейся малоизвѣстною.

Александръ Майеръ.

Николаевъ 1884 года.

I.

На бивакѣ.

„Фельдфебеля къ командеру!“ крикнулъ рыжій, весь въ веснушкахъ, солдатъ, старательно раздувавшій голенищемъ дыряваго сапога маленькій нечищенный самоваръ съ изломанной трубой, несомнѣнно составлявшій собственность „командера“, сидѣвшаго у входа въ палатку и дымившаго толстую папиросу изъ короткаго обгрызаннаго мундштука. Вокругъ ревѣли развьючиваемые верблюды, ржали лошади, гремѣлъ голосъ батарейнаго командира, „разносившаго“ какого-то унтеръ-офицера, на запыленной, мѣднокрасной физіономіи котораго выражалась апатія въ соединеніи съ чувствомъ удивленія къ необычайному краснорѣчію усатаго начальника, начинавшаго, впрочемъ, уже исчерпывать свой лексиконъ ругательныхъ выраженій и закончившаго такимъ словцомъ, что даже пѣхотный солдатикъ, поблизости протиравшій винтовку, въ полголоса произнесъ: „ишь ты, ловко!“

Придерживая на бѣгу лѣвой рукой гремѣвшую саблю, явился фельдфебель и истуканомъ сталъ предъ „командеромъ“. Послѣдній выпустилъ изо-рта облако дыма и, глубокомысленно почесавъ кончикъ носа, изрекъ:

— „Выставить немедленно аванпосты, да смотри у меня,

назначить не по наряду, а людей посвѣжѣе. Какъ бы не было, чего сегодня ночью"...

— „Слушаю, ваше в—діе", рявкнулъ молодцоватый фельдфебель и, повернувшись налѣво кругомъ, сразу исчезъ въ хаосѣ людей и лошадей.

Описываемая сцена происходила на одномъ изъ биваковъ колонны, шедшей изъ Чикишляра въ Бами, въ началѣ іюля 1880 года.

Тэкинцы бродили шайками по степи и поэтому, дѣйствительно, можно было „чего нибудь" ожидать. Солнце собиралось заходить; длинныя тѣни падали отъ всѣхъ предметовъ и хребетъ Копетъ-Дага какъ-бы удалялся отъ глазъ наблюдателя, принимая все болѣе и болѣе темнолиловые оттѣнки.

Синева безоблачнаго неба обѣщала скоро обратиться въ черный сводъ, вся же степь окрашивалась въ блѣдно-оранжевый цвѣтъ. Красноватые лучи солнца играли на кончикахъ штыковъ ружей, составленныхъ въ пирамиды и освѣщали причудливымъ образомъ фантастически одѣтыхъ въ разноцвѣтныя лохмотья верблюдовожатыхъ, копошившихся около разведеннаго въ сторонѣ огня, на которомъ готовился пловъ. Гортанные звуки ихъ говора далеко разносились и покрывали собой голоса солдатъ, лежавшихъ тутъ и тамъ.

— „Куда тебя черти несутъ? не вишь нѣшто—человѣкъ лежитъ!" крикнулъ солдатъ казаку, несшему вязанку колючекъ и наступившему ему на руку.

— „А ты чего идоломъ разлегся на дорогѣ,—степь, чай, узка тебѣ?

— Вотъ какъ накостыляю бока, тогда узнаешь, хохлацкая твоя образина!" отвѣчалъ солдатъ, разобидѣвшійся дѣльнымъ замѣчаніемъ казака.

— „Нехай его бреше, сучій москаль, то чай стынетъ", увѣ-

щевалъ другой таманецъ товарища, собиравшагося отмстить солдату за названіе „хохлацкая образина“. И оба казака побрели къ большому костру, откуда слышался малороссійскій говоръ и громкіе окрики на лошадей, бившихъ другъ дружку на коновязи.

Солнце сѣло и на мѣстѣ заката оставались багровыя полосы, золотившія на горизонтѣ холмы.

Невыносимая духота дня смѣнилась пріятною прохладою. Показались звѣзды и серповидный кусочекъ луны, которая скоро должна была скрыться. Послышались пѣсни и смѣхъ солдатъ, позабывшихъ объ усталости дня.

Господа офицеры выползли изъ палатокъ и собрались пить чай. Деньщики забѣгали съ переметными сумами; зазвенѣли стаканы, явилась бутылка съ водкой и классическая закуска офицера въ походѣ—коробки съ сардинками и колбаса, пригодная по своей твердости замѣнить картечь въ критическій моментъ боя. Вотъ, на двухъ разостланныхъ на землѣ буркахъ, размѣстилось человѣкъ 8 офицеровъ: тутъ и пѣхотинцы, и артиллеристы, и два моряка, и казакъ—словомъ всѣ роды оружія.

Первое время неслышно ничего кромѣ бульканья и покрякиванья—бутылка обходитъ компанію; съ болѣзненною напряженностью слѣдятъ взоры тѣхъ, до кого она не дошла, за количествомъ остающейся въ ней влаги. А вдругъ мнѣ не хватитъ? думается непившимъ; но все благополучно: всѣмъ хватило и выпить и закусить.

— „А что, господа, не къ ночи будь сказано, какъ-бы эти черти тэкинцы не надѣлали намъ хлопотъ“, сказалъ офицеръ самурецъ, прожевывая кусокъ чернаго сухаря.

— „Ну, вотъ тоже! возразилъ усатый артиллеристъ, столь энергично разносившій недавно унтеръ-офицера: пускай явятся, узнаютъ, что значитъ хорошій картечный выстрѣлъ“! При этомъ онъ опрокинулъ въ ротъ вторую порцію водки.

Артиллеристы въ походѣ счастливѣйшіе люди: у нихъ всегда есть возможность набрать съ собой массу закусокъ и винъ, такъ какъ въ зарядныхъ ящикахъ можетъ помѣститься, помимо смертельныхъ гранатъ и шрапнелей, много и другихъ вещей. Начали пить чай; разговоръ принялъ оживленный характеръ.

Посыпались остроты, шутки; посмѣялись добродушно надъ моряками, попавшими совершенно неожиданно не въ свою стихію, поговорили о далекомъ сѣверѣ и, какъ всегда въ обществѣ офицеровъ, разговоръ перешелъ къ скабрезнымъ анекдотамъ, при чемъ каждый обязывался разсказать по одному. Между тѣмъ наступила полная темнота. Завыли шакалы; на душѣ становилось какъ-то жутко; чувствовалось, что въ случаѣ нападенія неминуемо должна произойти, вслѣдствіе темноты, суматоха, могущая не особенно хорошо для насъ кончиться.

Наступила тишина, прерываемая только чавканьемъ верблюдовъ, пережевывавшихъ свою жвачку, да храпомъ спящихъ солдатъ; изрѣдка на коновязи начинала ржать и биться лошадь и тогда слышался полусонный окрикъ дежурнаго по коновязи, и снова все замирало, и въ степи мелькала масса огоньковъ—глаза степныхъ хищниковъ, издававшихъ звуки въ родѣ плача маленькаго ребенка.

— „Однако пора спать“, заявилъ кто-то изъ офицеровъ и, тяжело поднявшись съ бурки, поплелся во свояси, натыкаясь на спящихъ и въ полголоса ругаясь на темноту. Вся компанія разошлась. Слышно было, какъ звали разныхъ Ивановъ, Петровъ и пр. —это деньщики должны были помогать своимъ господамъ ложиться спать и затѣмъ, послѣ неоднократнаго зова, слышалось зѣванье, потягиваніе и неизмѣнное: „сейчасъ, ваше б—діе“.

Бивакъ погрузился окончательно въ сонъ и только аванпосты зорко всматривались въ темноту, ожидая нечаяннаго нападенія.

II.

Переходъ въ степи.

Жарко, душно... Губы и языкъ запеклись, глаза налились кровью, потъ струится по исхудалымъ, обожженнымъ лицамъ, оставляя грязныя полосы. Ноги съ трудомъ передвигаются, шаги неровные, колеблющіеся; винтовка кажется пудовою тяжестію и немилосердно давитъ плечо, а солдатикъ все идетъ, идетъ машинально, пока не завертится все въ глазахъ, не покроется кровавымъ облакомъ и сотни молотовъ не застучатъ въ виски; тогда представитель касты „пушечнаго мяса“ закачается, взмахнетъ руками, берданка вывалится и съ тихимъ, душу надрывающимъ стономъ, свалится онъ на горячій песокъ съ закатившимися глазами, съ пѣной у рта. Немедленно являются „земляки“, такіе же измученные, едва движущіеся, приподымаютъ товарища, льютъ ему въ горло теплую, мутную воду изъ баклажки, смачиваютъ голову, освѣжаютъ воздухъ, размахивая своими отрепанными фуражками, но „землякъ“ лежитъ безъ чувствъ; хриплое дыханіе со свистомъ вырывается изъ его конвульсивно подымающейся груди, онъ скрежещетъ зубами и пѣна съ кровью течетъ по его обострившемуся подбородку на смоченную потомъ изорванную рубашку, въ многочисленныя дыры которой видны ребра, обтянутыя смуглой ко-

жей, давно невидавшей бани. У солдатика солнечный ударъ—явленіе обыкновенное въ Средней Азіи. Но вотъ является представитель медицины—фельдшеръ, въ большинствѣ случаевъ семитическаго происхожденія. Съ помощію нашатырнаго спирта больной приводится въ чувство и счастіе его, если открывается кровотеченіе носомъ: жизнь спасена. Поддерживаемый товарищами бредетъ онъ къ ротному фургону, гдѣ уже сидитъ не одинъ „слабый“; тутъ же помѣщается фельдшеръ, который чрезъ краткіе промежутки времени мочитъ ему водой голову, забинтованную кускомъ полотна, и старается мѣшать ему уснуть, такъ какъ сонъ послѣ солнечнаго удара можетъ имѣть смертельный исходъ. Дремлющій возница понукаетъ лошадей и фургонъ торопится снова занять свое мѣсто въ длинномъ ряду другихъ повозокъ и фургоновъ.

Безконечною желтою скатертью раскинулась степь. Какъ можетъ обнять взглядъ, видна только пустыня, изрѣзываемая кое-гдѣ блестящими бѣлыми полосами,—это солончаки. Ни клочка зелени, ни деревца, ни холма—словомъ ничего, на чемъ бы могъ отдохнуть глазъ, утомленный однообразіемъ этой, Богомъ обиженной страны.

На блѣдно-голубомъ небѣ нѣтъ ни облачка,—да откуда бы, впрочемъ, могло оно взяться, когда нѣтъ воды для испареній? Удушливый воздухъ неподвиженъ, нѣтъ ни малѣйшаго вѣтра и это счастіе! Сколько разъ мнѣ приходилось слышать отъ новичковъ въ степномъ походѣ пожеланіе, чтобы задулъ вѣтеръ, и затѣмъ, когда желаніе это случайно исполнялось, какія проклятія посылались этому, столь нетерпѣливо ожидаемому вѣтерку! Да и было за что. Представьте себѣ удовольствіе въ теченіи 5 и 6 часовъ идти въ облакѣ мелкаго песку, не видя ничего въ 10 шагахъ и пропитываясь пылью, набивающейся въ носъ, въ ротъ, въ уши. Слезы льются градомъ, вѣки опухаютъ и краснѣютъ отъ постояннаго вытиранія глазъ платкомъ. Очки мало помогаютъ и

наконецъ на стекла насѣдаетъ такой густой слой пыли, что черезъ очки нѣтъ возможности ничего увидѣть, и въ довершеніе всего, вѣтеръ не приноситъ прохлады, и производитъ на тѣло впечатлѣніе, сходное съ тѣмъ, какое испытываешь въ банѣ на полкѣ, при взмахахъ вѣника, пригоняющаго на тѣло струю раскаленнаго воздуха.

Длинной вереницей тянутся верблюды, нагруженные провіантомъ, ротными хозяйственными принадлежностями, солдатскими и офицерскими вещами и патронами. На каждые 6 или 7 штукъ полагается по вожатому. Вожатые разныхъ національностей: персы, туркмены, киргизы. Каждый изъ нихъ сидитъ на горбѣ передняго верблюда, раскачиваясь съ апатическимъ видомъ взадъ и впередъ и мурлыча себѣ подъ носъ далеко не музыкальную пѣсенку. Остальные верблюды привязаны другъ къ другу за хвостъ или за сѣдло. У многихъ, изъ проткнутыхъ ноздрей, куда вдѣта палочка на веревкѣ, капаетъ кровь, что служитъ доказательствомъ дурнаго характера этого верблюда, желающаго освободиться отъ своеобразной „уздечки. На каждые десять верблюдовъ назначается солдатъ или казакъ, обязанность котораго смотрѣть за вожатымъ и останавливать свою партію въ случаѣ потери какой нибудь вещи, что случается довольно часто, такъ какъ веревки, коими привязывается грузъ, ослабляются отъ постоянно качающагося движенія верблюда.

Версты за 1½ или за 2 видны отдѣльныя группы наѣздниковъ въ 3, 4 человѣка каждая—это наши казачьи разъѣзды. По временамъ одинъ или два человѣка отдѣляются и рысью скачутъ въ сторону осмотрѣть какую нибудь балку или оврагъ и, не найдя ничего подозрительнаго, возвращаются на свое мѣсто.

— „Дяденька, а дяденька!“ робко обращается молодой солдатикъ-саперъ къ усатому ефрейтору, украшенному двумя креста-

ми и шагающему съ сосредоточеннымъ видомъ и съ какимъ-то озлобленіемъ.

— „Чего тебѣ?“ еле повернувъ голову, спрашиваетъ старый служака.

— „Скоро ли „стой“ съиграютъ? Просто моченьки нѣтъ, всѣ ноги стеръ“... плаксивымъ тономъ жалуется солдатикъ и неподдѣльное страданіе выражается на его молодомъ, безволосомъ и глуповатомъ лицѣ.

— „Ахъ ты... (тутъ почтенный ефрейторъ употребилъ довольно сильное выраженіе): кто виноватъ, что надѣлъ сапоги? Вотъ тебя еще въ ночные надо назначить, чтобъ слушался въ другой разъ; вѣдь есть поршни, а то сапоги надо! Деревня!“... и ефрейторъ сплюнулъ въ сторону. Солдатикъ замолчалъ и продолжалъ идти ковыляя, стараясь ступать больше на носки.

По наружности ефрейтора видно, что это не новичекъ въ степномъ походѣ. Все у него пригнано такъ, что не стѣсняетъ движеній. Сума съ 120 патронами, самодѣльная, изъ сукна. Снаружи сдѣлано нѣсколько гнѣздъ, откуда виднѣются шляпки патроновъ: это на случай быстрой, неожиданной надобности сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ. Сума на широкой перевязи черезъ правое плечо и перевязь проходитъ подъ поясной ремень, чтобы на бѣгу сума не хлопала по бедру. Сзади холщевый мѣшокъ, на которомъ ваксой написанъ № роты и начальныя буквы имени и фамиліи владѣльца. Мѣшокъ такъ приспособленъ, что не шелохнется на ходу; большая деревянная баклажка съ водой обтянута войлокомъ и помѣщается на правомъ боку очень удобно. Ноги обуты въ поршни, т. е. въ баранью кожу, безъ каблуковъ, и по своей мягкости не оставляютъ желать ничего лучшаго. На головѣ кэпи съ назатыльникомъ изъ куска полотна, защищающаго отчасти шею и затылокъ отъ жгучихъ лучей солнца. Одѣтъ ефрейторъ въ бѣлые штаны

и красную кумачевую рубашку, такъ какъ въ походѣ, въ Средней Азіи, форма не соблюдается и какой нибудь генералъ прежнихъ временъ, навѣрное, умеръ-бы отъ апоплексіи при видѣ роты во фронтѣ, одѣтой въ самые комичные и разнообразные костюмы.

Шагахъ въ 50 передъ ротою шагаетъ верзила поручикъ съ кавалерійскимъ карабиномъ па плечѣ, въ сопровожденіи двухъ вольноопредѣляющихся, одинъ изъ которыхъ горецъ, уроженецъ Кавказа, обладаетъ физіономіей, способной въ сумеркахъ испугать и не очень робкаго человѣка.

Поручикъ, пресимпатичнѣйшая личность, весь обросшій бородой, съ высокимъ, умнымъ лбомъ, останавливается и поджидаетъ свою роту.

— „Что, ребята, устали небось?“ спрашиваетъ онъ солдатъ, и измученные солдатики сразу подтягиваются, подбадриваются, и въ одинъ голосъ отвѣчаютъ: „никакъ нѣтъ, ваше б-діе“.

Эта черта характера нашего солдата постоянно мною замѣчалась: измученный, обезсилѣвшій, онъ всегда старается передъ начальникомъ показать себя бодрымъ и скорѣе заявитъ о своей усталости строгому, нелюбимому командиру, чѣмъ хорошему—„отцу, что называется“.

— „А-ну ка, Пузыревъ, затяни, братъ, что нибудь“, обратился поручикъ къ широкоплечему малому, мурлыкавшему что-то себѣ подъ носъ.

Во фронтѣ роты произошло маленькое перемѣщеніе: человѣкъ пятнадцать вышли изъ рядовъ и сгруппировались на правомъ флангѣ.

Пузыревъ еще разъ затянулся изъ своей коротенькой, почернѣвшей трубочки, откашлянулся, сплюнулъ и высокимъ дискантомъ началъ:

„Среди долины ровныя
На гладкой высотѣ...“

Хоръ подтянулъ. Лица солдатъ повеселѣли, а при припѣвѣ:

„Ахъ вы Сашки, канашки мои,
Разиѣняйте вы бумажки мои...“

у многихъ совершенно непроизвольно зашевелились плечи и ноги. Въ сосѣдней ротѣ затянули плясовую, а какой-то солдатикъ выскочилъ и началъ „откалывать“ передъ фронтомъ трепака съ винтовкой на плечѣ и съ полуторопудовымъ багажемъ на себѣ, подымая облака пыли, въ которыхъ мелькала его присѣдавшая и прыгавшая фигура...

А солнце жжетъ, немилосердно жжетъ... Лошади совершенно измучены и на понуканія и удары нагайки отвѣчаютъ размахиваніемъ головою и хвостомъ, какъ бы желая сказать: „ну, братъ, мнѣ теперь все равно, бей не бей, а скорѣе не пойду“. Колонна сдѣлала съ утра 24 версты и остановка была только два раза по полчаса; еще 3 версты—и привалъ на 2 часа. Боже праведный, да когда же наконецъ будетъ этотъ проклятый холмъ! Утромъ, въ 4 часа, при выступленіи съ послѣдней станціи, онъ казался такъ близокъ, а вотъ уже идемъ семь долгихъ часовъ и все еще не добрались до него! Впереди колонны ѣдутъ нѣсколько офицеровъ; среди нихъ выдѣляется фигура сѣдаго маіора, стараго кавказца; онъ начальникъ колонны. Шагахъ въ 15 сзади ѣдутъ 2 казака и горнистъ—комичнѣйшая фигура пѣхотнаго солдата на обозной лошади пѣгой масти, съ винтовкой съ примкнутымъ штыкомъ за плечами, стремянъ нѣтъ, почему ноги болтаются на воздухѣ и самъ всадникъ каждую минуту подвергается опасности слетѣть со своего Буцефала.

Офицеры ѣхали молча; на физіономіи каждаго видно было утомленіе и желаніе какъ можно скорѣе добраться до мѣста привала.

Маіоръ оглянулся назадъ, посмотрѣлъ, далеко-ли отсталъ арріергардъ и велѣлъ горнисту съиграть „стой“.

Горнистъ снялъ съ перевязи горнъ, высыпалъ предварительно

набившійся туда песокъ, поднесъ горнъ къ губамъ, надулъ щеки, выпучилъ глаза—не тутъ то было: изъ трубы вылетали облака пыли, но ничего похожаго на сигналъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ усилій горнъ захрипѣлъ и издалъ нѣчто похожее на сигналъ „стой“. Колонна остановилась. Солдаты и офицеры сейчасъ же легли на раскаленный песокъ; во многихъ мѣстахъ видны были фигуры, лежавшія на спинѣ, поднявши ноги къ верху—лучшее средство, чтобы ноги отдохнули, такъ какъ при подобномъ положеніи прекращается приливъ крови къ наиболѣе уставшимъ частямъ тѣла. Нѣкоторые изъ солдатъ жуютъ сухари, иные, наиболѣе утомленные, заснули тяжелымъ сномъ; артиллеристы улеглись подъ передками и зарядными ящиками, чтобы хотя немножко воспользоваться тѣнью; словомъ, каждый старается не потерять ни одной минуты кратковременнаго отдыха, пока подтянутся отсталые. Къ кружку офицеровъ, лежащихъ на буркѣ, подходитъ торопливо деньщикъ, останавливается противъ одного изъ пѣхотныхъ офицеровъ, выпучиваетъ глаза и громко выпаливаетъ:

— „Лопнулъ, ваше благородіе!“

Баринъ его, сладко дремавшій, при этомъ громкомъ, странномъ восклицаніи, быстро вскакиваетъ.

— „Кто лопнулъ? Что ты городишь такое?

— Тилимометра, ваше благородіе!“ При этомъ деньщикъ вытаскиваетъ изъ за обшлага маленькій 40° термометръ Реомюра съ лопнувшей трубкой. Раздается гомерическій хохотъ офицеровъ. Оказалось, что владѣлецъ термометра велѣлъ своему Санхо-Панчо имѣть термометръ „подъ рукой“, тотъ засунулъ его за обшлагъ и какъ температура въ этотъ день была около 47° R., то термометръ и лопнулъ.

Горнистъ съигралъ „подъемъ“. Съ неохотою поднялись солдатики, выстроились и пошли бодрѣе однако, такъ какъ давно

желанное мѣсто привала было всего только въ 2-хъ верстахъ. Еще полчаса и тамъ 3 часа отдыха, чай, супъ. ..

Офицеры заранѣе отдали распоряженіе деньщикамъ на счетъ закуски и всѣмъ стало казаться, что солнце вовсе не такъ сильно жжетъ, какъ прежде, и что вообще степной походъ ничего себѣ, пока есть что закусить и выпить; таковъ человѣкъ: съѣстъ бочку дегтя и въ предвкушеніи ложки меда находитъ, что и деготь не особенно дуренъ.

Но вотъ и холмъ... Ура, привалъ! Пьемъ, ѣдимъ и спимъ.

III.

Укрѣпленіе Бендессенъ и охотники.

Трудно рѣшить вопросъ, когда впервые появились охотничьи команды въ русскихъ войскахъ? Исторія передала намъ имена знаменитыхъ начальниковъ партизанъ отечественной войны 1812 года: Фигнера, Сеславина, Дениса-Давыдова и др. Были-ли они основателями охотниковъ или только расширили дѣятельность этихъ послѣднихъ—не знаю, но мнѣ кажется, что начало существованія охотниковъ во время войны восходитъ до глубокой древности. Во всякое время и вездѣ были люди, мало дорожившіе жизнью и ставившіе ее на карту или изъ любви сильнаго ощущенія, или для пріобрѣтенія отличія; такіе то люди и положили краеугольный камень въ основаніе охотничьихъ командъ.

Но что такое охотники? спроситъ, быть можетъ, читатель, какой нибудь мирный гражданинъ, трепещущій при словѣ „война“ и видѣвшій кровь только въ мало прожаренномъ бифштексѣ.

Охотники, многоуважамый читатель,—люди, идущіе „охотно“ на смерть. Вамъ, можетъ быть, это покажется смѣшнымъ и вы, пожавъ плечами, скажете: не понимаю людей, желающихъ рисковать жизнью изъ за полученія ордена, когда послѣдній можно получить и за мирныя отличія, и вы, быть можетъ, съ важнымъ

видомъ поправите орденъ Станислава, висящій на шеѣ и полученный за просиженную въ 20 лѣтъ службы дюжину стульевъ въ департаментѣ „препонъ“.

Представьте себѣ, многоуважаемый читатель, что находятся люди, подставляющіе лобъ даже не ради креста или чина, а ради ощущенія: пылкая кровь бурлитъ у нихъ въ жилахъ, ударяетъ въ голову и заставляетъ дѣлать сумасбродно храбрыя вещи. Подобные-то организмы, понятно, неиспорченные плѣсенью сидячей канцелярской жизни и поставляютъ главный контингентъ людей въ охотничьи команды. Этими искателями сильныхъ ощущеній являются главнымъ образомъ офицеры и вольноопредѣляющіеся, т. е. люди образованнаго класса, солдатики же въ большинствѣ случаевъ идутъ въ „охотники“ въ силу присущаго имъ фатализма—виноватаго найдетъ, или же изъ честолюбія—для полученія „Егорія;“ попадаются иногда и поистинѣ отчаянныя головы, нетерпимыя въ ротѣ, какъ единицы въ регулярной части, но неоцѣнимыя въ охотничьей командѣ. Вообще же, какъ я замѣчалъ, охотники народъ развитой, ловкій, сообразительный, не теряющійся въ минуты самой страшной опасности и наиболѣе способный обойтись въ дѣлѣ безъ указаній офицеровъ.

Но, можетъ быть, читатель спроситъ, какая же обязанность охотниковъ? Чѣмъ отличается ихъ дѣятельность отъ дѣятельности обыкновенныхъ регулярныхъ командъ?

Охотникамъ обыкновенно поручаются самыя опасныя предпріятія: имъ поручается развѣдываніе силъ непріятеля, отыскиваніе удобныхъ мѣстъ для нападенія на лагерь или укрѣпленіе, они обязаны тревожить непріятеля, уничтожать мелкія непріятельскія команды, отбивать транспорты, узнавать движеніе непріятеля и мѣшать ему неожиданно напасть на наши главныя силы, но главное и наиболѣе почетное—это обязанность первыми идти на штурмъ.

Хорошій охотникъ долженъ обладать качествами сѣверо-аме-

риканскаго дикаря: безъ шума, какъ змѣя, проползти черезъ линію непріятельскихъ аванпостовъ, все что надо высмотрѣть при случаѣ, не производя тревоги, покончить съ какимъ нибудь черезъ- чуръ внимательнымъ часовымъ и вернуться обратно съ необходимыми свѣдѣніями—вотъ что долженъ умѣть исполнить каждый, претендующій на почетное названіе охотника. Для этого требуется извѣстная подготовка или, вѣрнѣе сказать, способность сбросить съ себя цивилизованную оболочку и вернуться къ тому доброму, старому времени, когда люди соперничали съ дикими звѣрями въ легкости движеній и въ изощреніи органовъ зрѣнія, слуха и обонянія.

Сообщивъ читателю общія, краткія свѣдѣнія объ охотникахъ вообще, я начну теперь описаніе укрѣпленія Бендессенъ, какъ главнаго мѣстопребыванія охотничьей команды Ахалъ-Тэкинской, экспедиціи, и познакомлю читателя съ нѣкоторыми типичными личностями маленькаго гарнизона этого важнаго пункта.

Бендессенъ лежитъ довольно высоко надъ уровнемъ моря около тысячи футъ и господствуетъ надъ долиной, находящейся между горами Копетъ-Дага. Долина эта представляетъ одно изъ немногихъ мѣстъ, на которыхъ можетъ успокоиться взоръ наблюдателя, утомленный однообразіемъ глинистой или песчаной почвы такъ называемаго Ахалъ-Тэкинскаго оазиса. Орошаемая ручейками, берущими начало изъ источниковъ у подножія скалъ Копетъ-Дага, долина эта въ первый разъ предстала моимъ глазамъ, покрытая роскошной растительностью. Трава въ нѣкоторыхъ мѣстахъ превышала ростъ человѣка. Но, Боже мой, что сталось съ этимъ плодороднымъ уголкомъ послѣ основанія въ Бендессенѣ верблюжьяго лазарета или, вѣрнѣе сказать, верблюжьяго кладбища, такъ какъ изъ этого лазарета ни одинъ верблюдъ не выходилъ живымъ! Но объ этомъ послѣ, вернемся къ Бендессену. Самое укрѣпленіе находится на вершинѣ скалы и представляетъ почти неприступное

мѣсто, для тэкинцевъ по крайней мѣрѣ; только съ тыла оно плохо защищено, такъ какъ здѣсь гора, на которой находится этотъ ахалъ-тэкинскій Гибралтаръ, пологостію соединяется съ близь лежащими холмами и путемъ къ Бендессенскому перевалу.

Укрѣпленіе Бендессенъ расположено на углѣ, образуемомъ двумя перпендикулярно пересѣкающимися путями; одинъ изъ нихъ, по долинѣ, ведетъ въ укрѣпленіе Ходжа-Калу, другой, по ущелью, въ Бами—главный пунктъ стоянки нашихъ войскъ съ конца іюня по ноябрь 80 года. По другую сторону ущелья, въ разстояніи шаговъ 200, находится крутая, господствующая надъ укрѣпленіемъ скала, гдѣ днемъ помѣщается пикетъ отъ бендессенскаго гарнизона въ числѣ 5 или 6 человѣкъ. Этотъ пикетъ обозрѣваетъ долину на протяженіи верстъ 6 или 7. Самое укрѣпленіе Бендессенъ состоитъ изъ полукруглой траншеи, обороняющей тылъ и изъ маленькаго редутика, въ которомъ во время моего тамъ пребыванія находились два мѣдныхъ 4-хъ фунтовыхъ орудія. Гарнизонъ—2 роты: одна Самурскаго полка, другая Апшеронскаго; охотничью команду нельзя считать, такъ какъ она бывала почти всегда въ разбродѣ, въ горахъ, на охотѣ за тэкинцами. Обѣ роты находились собственно въ укрѣпленіи, т. е. на скалѣ, охотники же внизу, у подошвы. Высота утеса надъ долиною саженъ 25—30; въ углѣ его, на уровнѣ земли, находится родъ пещеры, обращенный еще тэкинцами въ родъ укрѣпленія, а именно—сдѣлана глиняная стѣнка съ бойницами, защищающая эту пещеру съ фронта, т. е. со стороны ущелья, ведущаго къ перевалу.

Со стороны долины, у подножія утеса, протекаетъ ручеекъ, затопляющій значительное пространство и одновременно оплодотворяющій почву и отравляющій воздухъ, такъ какъ гніющій въ стоячей водѣ тростникъ и другія органическія вещества порождаютъ зловоніе, обоняемое на далекомъ еще разстояніи отъ Бендессена. На берегу этого ручья расположена бивакомъ охотничья

команда. Въ недалекомъ разстояніи разбиты коновязи артиллерійскихъ лошадей, находящихся въ Бендессенѣ на подножномъ корму. На ночь здѣсь-же помѣщаются верблюды и бараны. Атмосфера вечеромъ невыносимая. Дыша теперь, когда я пишу эти строки, дивнымъ воздухомъ южнаго Тироля, для меня непонятно, какъ мы не задыхались въ этомъ газометрѣ углекислоты и сѣрководорода; присутствіе послѣдняго особенно чувствовалось въ водѣ, сильно отзывавшейся гнилыми яйцами. А между тѣмъ сколько счастливыхъ часовъ проводилъ я въ этой атмосферѣ, на берегу этого ручья, въ логовищѣ армянина маркитанта, въ дружеской бесѣдѣ съ товарищами, за бутылкой сквернаго кислаго вина, казавшагося тогда хорошимъ въ пылу разговора о сѣверѣ, о всемъ дорогомъ, что осталось дома, о предстоящихъ дѣлахъ и штурмѣ Геокъ-Тепе! Странное существо человѣкъ! Теперь, когда все миновало, тѣлесныя и душевныя раны закрылись, когда находишься въ иной, комфортабельной обстановкѣ, пользуешься благами цивилизованной жизни—тянетъ въ эту дикую степь, къ этимъ лишеніямъ и къ ставкѣ жизни на карту. Сердце ноетъ и щемитъ при взглядѣ на бурку, на которой годъ тому назадъ лежалъ и, при тускломъ освѣщеніи огарка, болталъ съ людьми, изъ которыхъ осталось на свѣтѣ меньше половины. Вспоминаются даже отдѣльныя фразы, какое кто занималъ мѣсто въ кибиткѣ, гдѣ чья шашка и револьверъ висѣли; чайникъ безъ ручки, фляга, заткнутая бумагой вмѣсто пробки, и глупая рожа деньщика, являющагося съ крышкой отъ кострюли полной дымящагося и шипящаго шашлыка —все это я вижу какъ теперь, какъ будто это было вчера. Вижу доброе, симпатичное лицо прапорщика Усачева, задумчиво смотрящаго куда то вдаль, въ неосвѣщенный уголъ кибитки, какъ будто предчувствующаго свою преждевременную смерть на штурмѣ. Вотъ смуглый Готто, подпоручикъ Апшеронскаго полка, барабанящій пальцами правой руки по надтреснутой тарелкѣ, а лѣвой

рукой крутящій свои черные усы. Бѣдняга! не думалъ я, что только эти черные усы будутъ признакомъ, по которому я узнаю твой обезображенный сабельными ударами трупъ послѣ вылазки 28 декабря! Не смѣйтесь, читатель, надъ этимъ сантиментальнымъ отступленіемъ, бываютъ минуты, когда воспоминанія о пережитомъ нахлынутъ въ голову и тогда, не смотря на всю дрессировку характера, становится тяжело и все это ощущеніе выливается на бумагу.

Человѣкъ, не бывавшій въ походѣ, не понимаетъ, что значитъ связь между людьми, являющаяся слѣдствіемъ бивачной, боевой жизни. Вѣсть о смерти людей, съ которыми я сталкивался и жилъ вмѣстѣ во время моей мирной жизни, не можетъ такъ на меня подѣйствовать, какъ смерть человѣка, съ которымъ я былъ въ походѣ. На бивакѣ, подъ открытымъ небомъ, подъ пулями— нѣтъ этикета, нѣтъ правилъ церемоній и приличій, не позволяющихъ людямъ сближаться. Все это порожденіе нашей цивилизаціи остается въ послѣднемъ цивилизованномъ пунктѣ и на мѣсто этого являются товарищескія, братскія отношенія, скрѣпленныя стремленіемъ достигнуть общей цѣли цѣною крови и желаніемъ той же дорогой цѣной поддержать блестящую славу нашего оружія. Вотъ почему два человѣка, бывшихъ вмѣстѣ на войнѣ, черезъ много лѣтъ встрѣчаются не какъ посторонніе, а какъ друзья, какъ братья по крови, пролитой для общаго дѣла. Воспоминанія о пережитыхъ вмѣстѣ трудахъ и опасностяхъ связали ихъ навсегда. Въ походной жизни мало мелкихъ интересовъ и интригъ, да и трудно предположить, чтобы въ виду смерти, грозящей каждому, являлось желаніе подставлять другъ другу ногу, повредить одинъ другому, что мы видимъ въ мирное время въ городахъ, гдѣ идетъ такъ называемая борьба за существованіе.

На войнѣ, гдѣ эта борьба между національностями достигаетъ грандіозныхъ размѣровъ, гдѣ идея борьбы олицетворяется

свистомъ пуль и потоками крови, нѣтъ мѣста для единичной борьбы; тамъ царствуетъ товарищество въ широкихъ размѣрахъ и воспоминанія о пережитомъ остаются на всю послѣдующую жизнь соединяющимъ звѣномъ между повсюду раскинутыми, знакомыми между собой соратниками.

Послѣ этого немного длиннаго отступленія, я введу читателя въ укрѣпленіе Бендессенъ. Человѣкъ съ самими здоровыми легкими почувствуетъ отдышку, подымаясь на эту крутизну по извилистой, каменистой тропинкѣ, вьющейся подъ угломъ градусовъ въ 40. Съ передышкой, наконецъ, мы съ вами на вершинѣ.

Вы видите не особенно большую площадку, ограниченную съ 3-хъ сторонъ крутыми обрывами и занятую кибитками и палатками. Почти въ центрѣ маленькій редутикъ, гдѣ на солнышкѣ прохаживается артиллеристъ часовой, оберегая два мѣдныхъ орудія и два передка. Передняя часть площадки, обращенная къ долинѣ, занята преимущественно офицерскими кибитками. Всѣ кибитки поставлены фронтомъ и выравнены, какъ солдаты на парадѣ. Въ центрѣ офицерскихъ кибитокъ находится комендантская. Но прежде чѣмъ ввести васъ туда, читатель, я объясню вамъ, что такое кибитка.

Для человѣка, небывшаго на нашихъ восточныхъ окраинахъ, кибитка можетъ представиться родомъ опрокинутаго допотопнаго русскаго экипажа, какъ одна наивная барыня и предполагала. Кибитка есть круглое, переносное зданіе, настолько обширное, что въ немъ можетъ помѣститься болѣе 12 человѣкъ, спящихъ на землѣ по радіусамъ. Представьте себѣ четыре или пять рѣшетокъ, вышиною около сажени; рѣшетки эти не прямыя, а выгнутыя. Составленныя вмѣстѣ, онѣ образуютъ цилиндръ, діаметръ основанія котораго можетъ быть различный; снаружи этотъ цилиндръ обтягивается кусками кошмы, причемъ, чтобы вѣтеръ снизу не поддувалъ, къ низу на полъ аршина присыпается земля. Крыша

состоитъ изъ дугъ, образующихъ полушаріе и также обтянутыхъ кошмой—вотъ вамъ примитивное жилище нашихъ кочевниковъ, а также и войскъ на походѣ въ тѣхъ мѣстахъ, куда Макаръ телятъ не гонялъ.

Теперь, читатель, когда вы, обладая нѣкоторой дозой воображенія, представили себѣ, что такое кибитка, я введу васъ къ милому, что называется душѣ-человѣку, подполковнику генеральнаго штаба В—ву, занимающему постъ коменданта укрѣпленія Бендессенъ и командующаго войсками этого укрѣпленія. Не пугайтесь громкаго титула, обладатель коего встрѣтитъ васъ очень любезно.

Обѣденное время, т. е. полдень. Немножко жарко, иначе говоря на солнцѣ 46°R., въ кибиткѣ же всего 39 или около этого; не смотря на эту температуру на столѣ стоятъ бутылки со спиртомъ, водкой и коньякомъ на половину пустыя: вы попали какъ разъ во время закуски, когда господа офицеры выпили „по второй“. Пара коробокъ съ сардинками и кусокъ сыра составляютъ для похода роскошную закуску. Сборныя тарелки, всевозможныхъ и невозможныхъ видовъ ложки и ножи красуются на столѣ, ибо угощеніе отъ коменданта, но каждый является съ своимъ приборомъ, такъ какъ большихъ сервизовъ въ походѣ не полагается возить съ собою. Такъ какъ дамъ нѣтъ, то хозяинъ и гости относятся довольно небрежно къ своему туалету, иначе говоря сидятъ безъ сюртуковъ, при чемъ любезный читатель извинитъ, если замѣтитъ, что сорочки не первобытной бѣлизны: виноватъ не недостатокъ чувства опрятности, а недостатокъ прачекъ.

Представлять вамъ, читатель, общество офицеровъ не буду, скажу только, что ребята всё славные.

— Ухъ жарко, замѣчаетъ совсѣмъ черный поручикъ съ сильнымъ восточнымъ акцентомъ и вытираетъ лицо мохнатою рукой, похожею на лапу медвѣдя.

— Ну, еще сегодня ничего, это тебѣ кажется отъ водки, возражаетъ сонный гардемаринъ флота, наливая, вопреки своимъ словамъ, полстакана какой-то мутной жидкости изъ бутылки съ этикетомъ „Столовое вино вдовы Попова“.—Крякъ!.. стаканъ опрокинулся въ горло, страшная гримаса и огромный кусокъ хлѣба исчезаетъ въ пасти достойнаго сына русскаго флота, хватившаго по ошибкѣ вмѣсто водки чистаго 80° спирта.

— Ну и глотка, глубокомысленно замѣчаетъ сотникъ Таманскаго казачьяго полка, курящій передъ обѣдомъ, вопреки всѣмъ правиламъ приличія, свою люльку и выпуская клубъ дыма прямо въ ротъ подпоручика артиллеріи, собирающагося проглотить кусокъ сыра. Послѣдній начинаетъ кашлять, давится сыромъ, слезы градомъ льются. На помощь является командиръ охотниковъ, молодой капитанъ, и могучимъ ударомъ кулака въ шею спасаетъ соннаго артиллериста отъ позорной смерти задушенія. Общій хохотъ, при чемъ пострадавшій вознаграждаетъ себя за претерпѣнное мученіе хорошимъ глоткомъ коньяку.

— Господа, супъ идетъ, восклицаетъ гардемаринъ, видя входящаго деньщика съ миской и начинаетъ приводить въ порядокъ тарелку, смахивая ее чѣмъ-то похожимъ и на салфетку, и на носовой платокъ, и на полотенце, но болѣе всего на грязную тряпку. Крошки хлѣба летятъ въ лицо тому же злосчастному артиллеристу. Послѣдній въ негодованіи вскакиваетъ и наступаетъ на лапу большаго пса, смирно лежащаго подъ столомъ. Визгъ, лай, сдѣланный на живую руку столъ наклоняется на одну сторону; падаетъ одна изъ бутылокъ съ драгоцѣнною влагой и содержимое выливается на красные, кожанные, туркестанскіе штаны коменданта.

— Ну, что вы расшалились, вотъ ей Богу малые ребята, замѣчаетъ добродушно комендантъ, вытирая пострадавшую часть костюма салфеткой. Воцаряется спокойствіе. Слышны только стукъ

ложекъ, жеванье и неистовый шумъ, производимый миріадами мухъ. Повременамъ энергичное восклицаніе кого нибудь изъ сотрапезниковъ, которому сразу упало въ супъ штукъ пять мухъ или, что еще непріятнѣе, одно изъ этихъ насѣкомыхъ влетѣло въ ротъ или ноздрю. Несмотря на жару аппетитъ превосходный и тарелки съ горячимъ, какъ кипятокъ, супомъ очищаются преисправно.

— Что второе?—спрашиваетъ хозяинъ у деньщика, вытирая свои длинные русые усы. Деньщикъ, стоящій у дверей и съ сосредоточеннымъ видомъ вытирающій тарелки замасленнымъ рукавомъ сюртука, глупо осклабляется и пріятнымъ тономъ докладываетъ: бикштепсъ съ рысомъ, ваше в—діе! Является и это кушанье; но, Боже мой, читатель, что это за блюдо: объяденіе, да и только —черные обуглившіеся куски чего то безъ подливки, прилипшіе къ крышкѣ отъ кастрюли и огромная миска круто сваренаго риса. Но какъ это вкусно въ походѣ! Во мгновеніе ока все это исчезаетъ въ непретендательныхъ офицерскихъ желудкахъ и является сладкое блюдо: пловъ съ бараниной, изюмомъ и черносливомъ и все это плаваетъ въ прогорькломъ маслѣ. Это лучшее и любимое кушанье въ средней Азіи представляетъ то удобство, что ни одинъ деньщикъ, онъ же и поваръ, не можетъ испортить блюдо, такъ какъ хуже, чѣмъ оно есть, оно быть не можетъ.

Офицерство сыто; закурены папиросы, трубки, люльки—все дышетъ и наслаждается кейфомъ. Въ это время за кибиткой слышатся странные звуки: пуфъ, пуфъ, пуфъ... Это деньщикъ или ординарецъ раздуваетъ самоваръ. Вотъ наконецъ и чай на столѣ, и неизмѣнный клюквенный экстрактъ Мартонса, и коньякъ, и даже, о роскошь!—англійскія печенья! Буквально сегодня пиршество. Несмотря на 40° температуру, любители чая выпиваютъ стакановъ по шести, по восьми; можно подумать, что находишься въ обществѣ чревообъемистыхъ московскихъ купцовъ; оно, впрочемъ, и понятно—организмъ требуетъ пополненія жидкихъ веществъ,

теряемыхъ въ большомъ количествѣ черезъ испарину при этой жарѣ.

Послѣ чаепитія въ обществѣ замѣчается сонливость. Шутки и остроты слышатся рѣже, не столь энергично уже отмахиваются отъ мухъ и раздаются проклятія, посылаемыя этому общему врагу. Гардемаринъ М—ръ правда дѣятельно занимается уничтоженіемъ крылатаго противника, для чего насыпается на столѣ небольшая кучка мелкаго сахара; мухи черной массой покрываютъ сахаръ, тогда на эту массу осторожно опрокидывается стаканъ дномъ къ верху. Боже мой, что за содомъ происходитъ въ стаканѣ! Страданія несчастныхъ крылатыхъ плѣнниковъ прекращаются, послѣ того, какъ подъ стаканомъ осторожно просовываютъ двѣ—три зажженныхъ сѣрныхъ спички. Сѣра задушаетъ мухъ и онѣ, одна за другою, падаютъ бездыханными на сахаръ. Но и это занятіе наконецъ надоѣдаетъ нашему молодцу; изрекая глубокомысленно: такъ наказывается обжорство, онъ позѣвывая уходитъ. Черезъ минуту слышится его сильный, грудной голосъ: „Хрящатый (фамилія матроса деньщика), раздѣнь меня!“ И черезъ пять минутъ изъ кибитки, гдѣ покоится молодой морякъ, раздается храпъ; черезъ нѣсколько минутъ во многихъ мѣстахъ слышится повтореніе этого храпа басомъ, дискантомъ или съ присвистомъ: гарнизонъ укрѣпленія Бендессенъ погрузился въ послѣобѣденный сонъ.

Пользуясь этимъ общимъ сномъ, я разскажу читателю вкратцѣ исторію основанія укрѣпленія Бендессенъ и трагическую кончину доктора Студитскаго, послужившую отчасти причиной къ этому основанію.

Когда отрядъ проходилъ въ половинѣ іюня мѣсяца изъ Ходжа-Калы въ Бами, укрѣпленія Бендессенъ еще не существовало. Отъ Ходжа-Калы до Бами болѣе 40 верстъ и эти 40 верстъ обыкновенно составляли одинъ переходъ. Уже тогда начальствующими лицами была сознана необходимость устроить укрѣпленіе въ

Бендессенѣ, которое, помимо важнаго стратегическаго пункта, лежащаго на пересѣченіи двухъ главныхъ тэкинскихъ дорогъ, должно было бы служить пунктомъ пастьбы лошадей, какъ единственное мѣсто, изобилующее травой; но всетаки тогда Бендессенъ не былъ занятъ, вѣроятно по причинѣ малаго размѣра отряда, дробить который Скобелевъ не могъ, имѣя уже вѣроятно въ виду предпринятіе рекогносцировки 6-го іюля.

Въ это время около Бендессена постоянно шлялись тэкинцы болѣе или менѣе значительными партіями. Нѣсколько джигитовъ, т. е. мирныхъ туркменъ, находившихся у насъ на службѣ и употреблявшихся для почтоваго сообщенія по военной линіи, были убиты и ограблены, такъ что стало трудно заставлять джигитовъ исполнять возлагаемую на нихъ обязанность. Стали посылать джигита вмѣстѣ съ казакомъ.

Въ послѣднихъ числахъ іюня мѣсяца случилось, что джигитъ вернулся съ Бами безъ казака и сообщилъ, что послѣдній убитъ и ограбленъ тэкинцами, а что онъ самъ спасся, благодаря быстротѣ своей лошади. Явилось подозрѣніе въ правдивости его словъ и непричастности его къ убійству казака. Докторъ Студитскій, состоявшій въ распоряженіи генералъ-адъютанта Скобелева, былъ имъ командированъ для вскрытія трупа и для опредѣленія, если окажется возможнымъ, въ какомъ направленіи и на какомъ разстояніи послѣдовалъ выстрѣлъ, убившій казака.

Студитскій поѣхалъ съ конвоемъ изъ 12 человѣкъ казаковъ; конвоемъ командовалъ увядникъ баронъ Л—нъ. До Бендессена этотъ маленькій отрядецъ добрался благополучно, но здѣсь, повернувъ въ долину, увидѣлъ нѣсколько тэкинцевъ. Покойный Студитскій, человѣкъ пылко храбрый, немедленно порѣшилъ напасть на нихъ, но намѣреніе это не могло быть приведено въ исполненіе, такъ какъ появилась масса тэкинцевъ въ числѣ около 300 человѣкъ. Казаки спѣшились, взвели лошадей на пригорокъ

и залегли за каменьями; позиція была не изъ хорошихъ, но выбирать не было времени, оставаться же на открытомъ мѣстѣ было равносильно немедленной гибели. Тэкинцы подошли смѣло на очень близкую дистанцію и были встрѣчены дружнымъ залпомъ, что сразу убавило у нихъ храбрости, при видѣ нѣсколькихъ павшихъ товарищей. Тогда началось баснословное дѣло—борьба 12 съ 300.

Тэкинцы начали заходить во флангъ и перестрѣлка уже началась на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ шаговъ, при чемъ обѣ стороны пользовались камнями для закрытія. Для того, чтобы читатель лучше понялъ условія боя, онъ долженъ себѣ представить цѣпь утесовъ, передъ которой, шагахъ во ста разстоянія, тянется небольшая цѣпь каменистыхъ холмовъ.

Студитскій съ своими казаками засѣлъ съ наружной стороны вершины одного изъ этихъ холмовъ, то есть со стороны, обращенной къ долинѣ, тэкинцы же пробрались въ промежутокъ между главною цѣпью и холмами и заняли позицію по внутреннюю сторону, такъ что враги были раздѣлены только вершиною холма. Большинство тэкинцевъ было вооружено берданковскими винтовками, отбитыми у насъ на штурмѣ Геокъ-Тепе въ несчастную экспедицію 1879 года, въ такъ называемую экспедицію трехъ геніальныхъ сіятельныхъ вождей: графа Берга, князя Долгорукова и князя Витгенштейна.

Наиболѣе смѣлые тэкинцы подползали на нѣсколько шаговъ разстоянія и падали жертвами своей смѣлости. Одинъ былъ убитъ на такомъ близкомъ разстояніи, что казакъ, протянувъ руку, взялъ ружье, оказавшееся нашей берданкой съ вновь сдѣланной ложей, украшенной серебромъ. Этотъ неровный, невозможный бой продолжался съ 9 часовъ утра до 4 вечера, при чемъ замѣчательнѣе всего то, что тэкинцы не рѣшались броситься въ шашки, что было бы неминуемою гибелью для нашихъ храбрецовъ.

Студитскій стрѣлялъ изъ револьвера, а потомъ изъ отбитой

винтовки и при всякомъ удачномъ выстрѣлѣ произносилъ энергическое словцо. Казаки, по ихъ собственнымъ словамъ, останавливали его, а равно не совѣтывали высовываться; при чемъ они мнѣ сами говорили, что приписываютъ его смерть главнымъ образомъ его невоздержному языку. Надо знать религіозность казаковъ и вообще солдатъ. Они во время боя настолько же скромны въ выраженіяхъ, насколько грубы и нескромны въ обычной жизни; они считаютъ громаднѣйшимъ грѣхомъ въ дѣлѣ браниться, боясь предстать на страшный судъ съ оскверненными устами, и человѣкъ, бранящійся въ бою, по ихъ мнѣнію, навѣрное дѣлается жертвою пули. Привожу подлинныя слова одного изъ казаковъ, разсказывавшаго мнѣ, на самомъ мѣстѣ смерти милаго, симпатичнаго Студитскаго, весь ходъ этого геройскаго дѣла.

„Убили ихъ б—діе господина дохтура потому, что они ругались. Статочное ли дѣло въ бою сквернословить? А они, какъ выпалятъ изъ ливолвера, увидятъ что попали, сейчасъ въ ладоши хлопаютъ и говорятъ: а, такъ, говорятъ, тебя такого—сякого и надо. Мы имъ, ваше б—діе, говорили, что молъ, ваше б—діе, нехорошо ругаться, а они все.... и потомъ совсѣмъ безстрашные—высовываются поминутно изъ за камня, одна проклятая и зацѣпила имъ ухо; они это отерли кровь и говорятъ: пустякъ, плохо, братъ, прицѣлился! Пострѣляли они еще и стало имъ отселева стрѣлять неловко (указываетъ на большой камень, весь испещренный свинцовыми блестками—слѣдами ударявшихся пуль), захотѣли они перейдтить на другое мѣсто и только это приподнялись, какъ пальнетъ одинъ оттудова (казакъ показываетъ на камень шаговъ въ 20—25, гдѣ лежалъ выстрѣлившій текинецъ). Они схватились за бокъ, упали и говорятъ: „прощайте братцы, кланяйтесь женѣ“. Пошла у нихъ ртомъ кровь и померли. Вотъ и кровь ихъ, ваше б—діе“, и казакъ указалъ на большое темное пятно на камнѣ и, снявъ папаху, набожно перекрестился.

Замѣчателенъ также фактъ, что одинъ казакъ съ раздробленною нижнею челюстью продолжалъ стрѣлять. Полученная имъ вторая рана въ бедро не заставила его выпустить ружья изъ рукъ, пока пуля не попала въ грудь; тогда онъ перевернулся на спину, перекрестился и отдалъ Богу свою мужественную, преданную отечеству душу. Великъ русскій человѣкъ въ своей вѣрѣ и умѣетъ такъ умирать, какъ ни одинъ другой народъ!

Со смертію Студитскаго казаки почувствовали на половину уменьшеніе энергіи. Баронъ Л—нъ, плохо говорящій по русски, не могъ ихъ воодушевить, да и по своему характеру не могъ быть начальникомъ этой горсти храбрецовъ. Къ счастію оставшихся въ живыхъ, въ пятомъ часу показалась рота, шедшая изъ Ходжа-Калы въ Бами или наоборотъ—не помню уже теперь. Тэкинцы, неожидавшіе подобнаго сюрприза, обратились въ бѣгство, но не настолько быстро, чтобы не успѣть получить отъ роты привѣтствія въ видѣ залпа.

Тѣла доктора Студитскаго и убитыхъ казаковъ были ствезены въ Ходжа-Калу, гдѣ и преданы землѣ со всѣми почестями, приличествующими подобнымъ героямъ.

Оставшіеся въ живыхъ получили по два знака отличія военнаго ордена: 4 ст. отъ Скобелева и 1-й ст. отъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра II.

Вѣсть о смерти Студитскаго сильно поразила Скобелева. Черезъ нѣсколько дней было отдано приказаніе занять Бендессенъ и устроить тамъ укрѣпленіе на двѣ роты, во избѣжаніе возможности повторенія несчастныхъ случаевъ съ джигитами или вообще небольшими отрядами, проходящими черезъ наиболѣе любимое пристанище тэкинскихъ шаекъ.

Теперь, читатель, я васъ сведу внизъ и покажу такъ называемый верблюжій лазаретъ. Отдавая справедливость геніальнымъ военнымъ способностямъ Михаила Дмитріевича Скобелева, я,

тѣмъ не менѣе, долженъ сказать, что онъ, во время приготовленій къ началу военныхъ дѣйствій, слѣдовалъ совѣтамъ близкихъ къ нему людей, не вполнѣ способныхъ совѣтовать. Характеръ Скобелева на столько увлекающійся, что онъ, въ первомъ порывѣ, найдетъ совѣтъ хорошимъ и приводитъ его въ исполненіе, когда же позднѣе увидитъ, что теорія съ практикой не сходится, то отмѣнять отданнаго распоряженія онъ не станетъ, слѣдуя тому правилу, что разъ отданное военноначальникомъ приказаніе свято должно быть исполняемо.

Кто-то далъ ему совѣтъ устроить въ Бендессенѣ верблюжій лазаретъ, а можетъ быть и самому ему пришла въ голову эта идея, съ перваго взгляда вполнѣ удобная для исполненія. Бендессенъ дѣйствительно изобилуетъ травой и по своему мѣстоположенію представляетъ всѣ удобства для охраны значительнаго количества скота, находящагося у подножія скалы подъ покровительствомъ ружейнаго и орудійнаго огня съ вершины этой скалы. Но мало устроить лазаретъ и имѣть ветеринарнаго врача съ фельдшеромъ: надо имѣть медикаменты и возможность не посылать на работу больныхъ верблюдовъ, эти два послѣднія обстоятельства были упущены изъ виду и верблюжій лазаретъ сталъ общимъ посмѣшищемъ. Былъ даже начальникъ этого лазарета, исписавшій массу бумаги, донося ежедневно о кончинѣ такого-то и такого количества верблюдовъ. Теперь надо вамъ объяснить, читатель, чѣмъ страдали эти бѣдныя животныя, которымъ всѣмъ обязана экспедиція. Въ этихъ странахъ верблюдъ главное перевозочное средство, такъ какъ телѣги ломаются ежеминутно и упряжныя лошади не выдерживаютъ пути, „корабль же пустыни“ идетъ себѣ, переваливаясь, 3—4 дня безъ пищи и воды, неся на себѣ грузу около 8 пудовъ.

Главная болѣзнь этихъ животныхъ заключается въ пораненіи спины, являющемся слѣдствіемъ дурныхъ сѣделъ и тяжелой

нагрузки; это впрочемъ вполнѣ понятно: если у верховыхъ лошадей, при превосходно пригнанныхъ и укрѣпленныхъ сѣдлахъ, очень часто „набивается“ спина, то что же удивительнаго, что при раскачивающейся походкѣ верблюда примитивно устроенное сѣдло, лежащее на тонкомъ, изодранномъ потникѣ и ничѣмъ почти не укрѣпленное на спинѣ, съ тяжелымъ грузомъ, постоянно ёрзаетъ взадъ и впередъ и въ концѣ концевъ сдираетъ бѣдному животному мясо на спинѣ и бокахъ. Климатическія же условія таковы, что самая небольшая рана разбаливается отъ пыли и массы мухъ, не говоря о жгучихъ лучахъ солнца, способствующихъ воспаленію и гніенію; являются черви и, за недостаткомъ медикаментовъ и ухода, остановить увеличеніе раны невозможно. Кромѣ того, верблюды, начинающіе поправляться, посылаются на работу, отчего подживающія раны растравляются и животное, которое при 5 или 6 дневномъ отдыхѣ выздоровѣло бы, тутъ околѣваетъ; но выбирая между тѣмъ, что солдаты будутъ нѣсколько дней сидѣть безъ провіанта или дровъ или, что еще хуже, безъ патроновъ, или что околѣетъ дюжина верблюдовъ, понятно приходится жертвовать послѣдними.

И такъ, читатель, пойдемъ теперь съ вами и посмотримъ на этихъ бѣдныхъ, страждущихъ „кораблей пустыни“. Они теперь возвращаются съ пастбища и сейчасъ будетъ производиться такъ называемая перевязка. Вотъ впереди идетъ, покачиваясь, верблюдъ съ сравнительно короткой мохнатой шеей и хохломъ, падающимъ на лобъ: это одинъ изъ уроженцевъ киргизскихъ степей, которые считаются самыми здоровыми и выносливыми. На горбу сидитъ вожакъ персъ въ разноцвѣтныхъ лохмотьяхъ и тянетъ какую-то невозможно дикую и унылую мелодію. Длинной вереницей двигаются паціенты, оглашая пространство скрипучимъ крикомъ и заражая воздухъ отвратительнымъ запахомъ гніющихъ ранъ. Наконецъ всѣ явились и заняли четыреугольникъ, ограниченный широ-

кимъ, но мелкимъ рвомъ; начинается укладываніе ихъ на колѣни, при чемъ ревъ становится оглушительнымъ: упрямые звѣри не хотятъ слушаться вожаковъ, при чемъ не помогаетъ самое энергичное дерганье за веревку, продѣтую въ носъ. Являются помощники-солдаты съ полѣньями и палками въ рукахъ; нѣсколько добрыхъ ударовъ по переднимъ ногамъ и верблюдъ, хотя и съ яростнымъ ревомъ, но опускается на колѣни; большинство уложено, но вотъ одинъ изъ наиболѣе сварливыхъ неожиданно подымается, сосѣди слѣдуютъ его примѣру и пошла потѣха! Воздухъ оглашается ревомъ, руганью вожаковъ на непонятныхъ нарѣчіяхъ и русскими крѣпкими славцами. Содомъ и Гоммора! Наконецъ паціенты успокоились и съ самымъ глупымъ видомъ жуютъ свою вѣчную жвачку. Является фельдшеръ съ какимъ-то сосудомъ, наполненнымъ скипидаромъ; подходитъ къ верблюду, котораго за веревку держитъ вожатый и льетъ скипидаръ на рану; верблюдъ реветъ, хочетъ приподняться, не можетъ и ограничивается тѣмъ, что съ яростью выплевываетъ свою жвачку.

На рану накладывается тряпка, напитанная скипидаромъ же и прикрѣпляется двумя веревочками, проходящими подъ брюхо. Та же операція повторяется со всѣми больными; но вотъ одному надо разрѣзать наростъ, который, созрѣвши, можетъ образовать опасную рану, это одна изъ верблюжьихъ болѣзней. Верблюжій эскулапъ ставитъ бутыль съ скипидаромъ на землю, съ важнымъ видомъ вынимаетъ изъ кармана фельдшерскій наборъ и собирается приступить къ дѣлу. Вожакъ, заинтересованный операціей, выпускаетъ веревку изъ рукъ и наклоняется посмотрѣть; фельдшеръ, для удобства взмостившійся на самого паціента, вонзаетъ ланцетъ въ наростъ и быстрымъ, круговымъ движеніемъ разрѣзываетъ его. Верблюдъ съ ужасающимъ, яростнымъ ревомъ быстро подымается; операторъ летитъ вверхъ ногами на землю, верблюдовожатый получаетъ ударъ задней ногой въ брюхо

отъ неблагодарной скотины и отъ этого могущественнаго удара отлетаетъ въ сторону; слышится звонъ разбитаго стекла, крикъ и и несчастный персъ, съ искаженнымъ лицомъ, устремляется въ ручей; онъ при паденіи усѣлся на бутыль и осколками стекла произвелъ себѣ пораненіе ниже спины, а скипидаръ еще прижегъ ему эти невольныя раны. Верблюдъ, пользуясь обстоятельствами, бѣжитъ къ мостику черезъ ровъ и своимъ крикомъ пугаетъ лошадей, начинающихъ ржать и биться на коновязи. Артиллеристы и казаки устремляются ихъ успокоивать, ругая верблюдовъ и давая на ходу пинки ни въ чемъ неповиннымъ верблюдовожатымъ, старательно связывающимъ переднія ноги своимъ питомцамъ, такъ какъ дѣло идетъ къ ночи. Наконецъ смятеніе утихаетъ, верблюды жуютъ, неподвижно лежа на колѣняхъ, озаряемые розовыми лучами заходящаго за горы солнца и картина имѣетъ самый мирный характеръ; но долго еще не умолкаетъ хохотъ солдатъ, бывшихъ свидѣтелями комичной сцены съ операторомъ-фельдшеромъ и персомъ.

Теперь, читатель, поднимимтесь снова на холмъ, такъ какъ пора пить чай, а послѣ чая составится маленькій штоссикъ. Пріятная свѣжесть смѣняетъ раскаленный зной дня; обитатели кибитокъ и палатокъ сидятъ у входа на складныхъ стульяхъ и курятъ, наслаждаясь dolce-far-niente. Темнота наступаетъ быстро и лиловыя краски Копетъ-Дага и Персидскихъ горъ пріобрѣтаютъ болѣе темные оттѣнки.

Мысли невольно принимаютъ сантиментальный характеръ подъ впечатлѣніемъ хора солдатъ, затянувшихъ заунывную пѣсню. На темно-синемъ небѣ зажигаются одна за другой звѣзды, но луна еще ни показалась изъ за горъ; вотъ наконецъ и царица ночи начинаетъ слабо освѣщать верхушки хребта матовыми лучами, подымается все выше и выше и заливаетъ своимъ блѣдноголубымъ свѣтомъ свю равнину, отражаясь въ зеркальной поверхности ручья.

Глиняная башня, въ полуверстѣ разстоянія, кажется какимъ то призракомъ въ бѣломъ саванѣ. Картина чудная, на душѣ и хорошо, и щемитъ сердце отчего то. Внизу блестятъ огоньки костровъ, разложенныхъ верблюдовожатыми и гортанная рѣчь ихъ далеко разносится въ ночной тишинѣ. Нѣтъ—нѣтъ, и на коновязи послышится ржаніе бьющихся лошадей и окрикъ артиллериста или казака: „ну, легче, дуй-те горой“, и снова все погружается въ тишину. Но вотъ слышится голосъ деньщика коменданта: „самоваръ поданъ, ваше б—діе“. Подполковникъ В—овъ, задумчиво смотрѣвшій на равнину, медленно подымается съ походной табуретки и, захватывая ее съ собой, приглашаетъ насъ выпить чаю. Но чай безъ водки и закуски немыслимая вещь; въ той же кибиткѣ, гдѣ мы были ранѣе съ вами, читатель, на столѣ стоитъ самоваръ и дымящійся шашлыкъ: сначала закусимъ, а потомъ выпьемъ чайку; уютно, хорошо чувствуешь себя въ обществѣ славныхъ товарищей; разговоръ вертится на разныхъ случаяхъ, на предположеніяхъ о движеніи впередъ и на происшествіяхъ дня.

Часовъ 9 вечера.

— А что это транспортъ не идетъ?.. Пора бы, говоритъ молодой артиллеристъ, ни къ кому въ отдѣльности не обращаясь. Никто не успѣваетъ ему отвѣтить, какъ дверь кибитки отворяется, просовывается голова нашего ветеринарнаго врача, изрекающая: „транспортъ показался, господа“. Вся компанія бросаетъ чаепитіе и устремляется изъ кибитки встрѣчать транспортъ.

Великое дѣло въ жизни гарнизона маленькой крѣпостцы приходъ транспорта! Есть надежда получить письма, газеты; являются арбы торговцевъ армянъ съ разными явствами и питіями; отъ начальника транспорта узнаешь разныя новости изъ тыла или изъ передоваго отряда, смотря откуда двигается транспортъ, словомъ—развлеченіе большое.

Версты три отъ Бендессена, по дорогѣ въ Хожда-Калу,

виднѣлось облако пыли, среди котораго иногда выдѣлялось нѣчто блестящее и затѣмъ снова пропадало: это луна играла на штыкахъ роты, конвоировавшей траспортъ. Слышался глухой шумъ массы двигавшихся животныхъ и людей и иногда чуть слышно выдѣлялся скрипучій звукъ, но не было возможности отличить, крикъ ли это верблюда или скрипъ арбы. Уже совсѣмъ близко отъ Бендессена виднѣлись человѣкъ 5 всадниковъ, быстро приближавшихся рысью; у двухъ или трехъ фигуръ блестѣли погоны.

А вотъ и еще партнеры для штосса, замѣтилъ радостно Александръ Ивановичъ Сл—скій, командиръ охотниковъ, храбрѣйшій офицеръ и страстнѣйшій любитель азартныхъ игръ.

Фигуры подъѣхали къ подножію холма; послышалось приказаніе подольше водить лошадей и черезъ нѣсколько минутъ наши глаза узрѣли, кого посылаетъ намъ въ гости судьба. Пріѣхали два пѣхотныхъ офицера и казакъ; за ними шелъ джигитъ туркменъ, привезшій почту. Офицеры оказались знакомыми всѣмъ намъ и вотъ вся компанія гурьбой вернулась къ чайному столу, гдѣ вновь пріѣзжіе начали разсказывать новости и утолять свой голодъ и жажду. Съ нетерпѣніемъ слѣдимъ мы за распечатываніемъ комендантомъ большаго пакета съ почтой. Каждый интересуется получить вѣсточку съ далекаго сѣвера и узнать новости изъ газетъ. Вотъ и письма, мѣсяца $1\frac{1}{2}$ или 2 путешествующія изъ Россіи. Нарасхватъ берутся газеты и узнается, что творится въ цивилизованномъ мірѣ.

Наиболѣе интересное читается вслухъ и неописуемая радость выражается на лицахъ при извѣстіи, что боэры поколотили англичанъ и что дѣла ихъ въ Кандахарѣ очень плохи. Несчастливцы, не получившіе писемъ и не успѣвшіе поживиться газетами, разспрашиваютъ вновь пріѣзжихъ о дѣлахъ въ тылу, узнаютъ чекешлярскія новости, справляются, какъ идутъ дѣла съ доставкою провіанта и войскъ съ западнаго берега Кас-

нія и о томъ, когда, наконецъ, есть надежда двинуться подъ Геокъ-Тепе.

Но вотъ пріѣзжіе утолили наконецъ свой голодъ и жажду; главныя газетныя новости узнаны; предметы разговора истощились, пора наконецъ приняться и за карты.

Я не принадлежу къ числу людей, защищающихъ картежную игру, хотя и самъ не прочь иной разъ поставить „туза въ цвѣтъ и въ масть по рублю око“; безспорно, картежная игра, азартная, развиваетъ дурные инстинкты въ человѣкѣ, разжигаетъ его страсти и пріучаетъ къ мысли о возможности легкаго обогащенія, такъ какъ ни одинъ истый игрокъ, садясь метнуть малую толику, не допускаетъ мысли проиграть; итакъ, безусловно, азартная игра вещь безнравственная, но.... Здѣсь читатель навѣрное подумаетъ, а можетъ быть и громко скажетъ: „ну хорошъ гусь: только что высказалъ ходячія истины о безнравственности игры и осмѣливается еще ставить но!“

Да, читатель, не во гнѣвъ вамъ ставлю „но“ и продолжаю далѣе.

Но въ походѣ, тамъ, гдѣ полный недостатокъ пищи для ума, гдѣ тѣ же люди, случайно сведенные судьбой, составляютъ въ теченіи долгихъ мѣсяцевъ замкнутое общество, элементы котораго не обновляются, гдѣ все давно переговорено, гдѣ каждый узналъ привычки и характеръ другого до мельчайшихъ подробностей, гдѣ по этому царствуетъ скука и невыносимая апатія; тамъ игра въ карты, помоему, не является такимъ порокомъ, какъ въ центрахъ общественной жизни, въ большихъ городахъ, гдѣ жизнь даетъ всѣ средства развлекать умъ, гдѣ исполненіе обязанностей гражданина и семьянина не даетъ времени скучать, гдѣ, слѣдовательно, карты являются приманкой для быстрой и легкой наживы. Всему свое мѣсто: въ обществѣ людей, измученныхъ однообразной жизнью, гдѣ никто не можетъ поручиться за

1½ часа дальнѣйшаго существованія, игра не является порокомъ и не производитъ на посторонняго наблюдателя того чувства нравственнаго омерзенія и негодованія, которое должно являться при взглядѣ на толпу игроковъ, окружающихъ съ искаженными страстью лицами рулетку въ Монако, куда ихъ привело желаніе легко и быстро нажиться. Итакъ, читатель, отнеситесь снисходительно къ этому злу, общераспространенному повсюду, какъ въ походѣ, подъ кровомъ палатки, гдѣ „гнется“ офицерство, такъ и въ Питерѣ, въ чертогахъ знатныхъ людей „винтящихъ по высокой, и посмотримъ на игру.

Со стола убраны всѣ принадлежности закуски и чаепитія. Двѣ свѣчи поставлены на углахъ и лежатъ чистые листы бумаги по числу играющихъ.

Публика разсаживается; распечатаны нѣсколько колодъ картъ.

— Ну, господа, кто же держитъ банкъ? спрашиваетъ усатый сотникъ, постукивая колодой картъ по столу. Отвѣтомъ служитъ молчаніе.

— Если никто не хочетъ, я заложу, отзывается молодой морякъ.

— Нѣтъ, нѣтъ господа, говоритъ комендантъ: это не модель. Вынимайте карты и у кого младшая—тотъ банкометъ; въ банкѣ не меньше 25 р. с., сорвутъ—можетъ заложить еще разъ, а затѣмъ банкъ переходитъ поочередно слѣва на право. Согласны?

Предложеніе нашего милаго коменданта принимается съ шумнымъ одобреніемъ. Жребій выпадаетъ Сл—кому, командиру охотниковъ. Пока Александръ Ивановичъ Сл—кій старательно мѣшаетъ карты, я воспользуюсь свободнымъ временемъ, чтобы обрисовать его наружность и характеръ, такъ какъ читателю этихъ очерковъ еще не разъ придется сталкиваться съ нимъ.

Высокаго роста, широкоплечій, Александръ Ивановичъ имѣлъ видъ молодаго человѣка лѣтъ 19, хотя на самомъ дѣлѣ ему бы-

ло уже 24. Едва пробивающіеся бѣлокурые усики мало гармонируютъ съ погонами капитана арміи. Сѣрые глаза смѣло и даже вызывающе смотрятъ на свѣтъ Божій. На тонкихъ губахъ почти всегда играетъ саркастическая улыбка; лицо блѣдно, но не имѣетъ болѣзненнаго вида и въ минуты душевнаго волненія эта блѣдность смѣняется нѣжнымъ, ровнымъ румянцемъ—а глаза темнѣютъ и взглядъ ихъ становится пронизывающимъ. Описавъ наружность Александра Ивановича, перехожу къ краткой исторіи его жизни.

Будучи по происхожденію полякъ, онъ воспитывался въ одной изъ гимназій, откуда и былъ исключенъ, какъ говорится, „за громкое поведеніе и малые успѣхи въ наукахъ“. Пребываніе въ нѣсколькихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ окончилось столь же печально: рѣзвая живая натура мальчика не поддавалась умерщвленію по правиламъ сухой педагогики, не входила въ тѣсныя рамки нашей убійственной школьной жизни.

Какъ разъ въ это время начиналась хивинская экспедиція.

Мальчикъ, не достигши еще 16 лѣтъ, пошелъ вольноопредѣляющимся и преодолѣлъ всѣ трудности степнаго похода; пылкая, съумасшедшая храбрость его была вознаграждена 2 крестами и званіемъ унтеръ-офицера, но и тутъ случился казусъ, испортившій карьеру молодаго человѣка. Во время дѣла баталіонный командиръ Александра Ивановича, какой-то бурбонъ, изволилъ себѣ выбранить его такъ, какъ у насъ расходившійся старшій офицеръ относится къ матросу.

Бѣшенно вспыльчивый Сл—кій, не думая что онъ дѣлаетъ и чѣмъ поплатится, приложился въ своего свирѣпаго командира и тррахъ...

Пуля, къ счастью Александра Ивановича, попала въ другое животное, а именно въ лошадь, на которой возсѣдалъ баталіонный командиръ.

Военно-полевымъ судомъ Александръ Ивановичъ былъ при-

говоренъ къ разстрѣлянію, но генералъ-адъютантъ Кауфманъ помиловалъ его и ограничилъ наказаніе разжалованіемъ въ рядовые, съ лишеніемъ 2-хъ знаковъ отличія военнаго ордена.

Два года тянулъ онъ солдатскую лямку, наконецъ штрафъ былъ снятъ и онъ получилъ право поступить въ юнкерское училище. Два года пробылъ онъ тамъ и вышелъ передъ турецкой войной съ полными баллами по наукамъ, но съ невозможной отмѣткой за поведеніе, что и лишило его возможности окончить по первому разряду.

Въ турецкую кампанію онъ командовалъ охотниками Елизаветпольскаго пѣхотнаго полка, былъ нѣсколько разъ раненъ, получилъ чины подпоручика и поручика и орденъ Св. Владиміра 4 ст. Въ первую Ахалъ-Тэкинскую экспедицію Александръ Ивановичъ, состоявъ при князѣ Долгорукомъ, отбилъ десятокъ тысячъ барановъ съ полусотнею казаковъ. Не буду распространяться обо всѣхъ его подвигахъ, скажу только, что человѣкъ онъ безусловно храбрый, во время опасности находчивый и хладнокровный, въ общежитіи хорошій товарищъ, къ сожалѣнію немного заносчивый и вспыльчивый. Когда я познакомился съ Александромъ Ивановичемъ, онъ былъ уже капитанъ и получилъ за экспедицію 79 года Станислава на шею и золотое оружіе.

Само собой понятно, что у него была масса завистниковъ, пользовавшихся малѣйшимъ поводомъ, чтобы чернить его и вредить ему въ глазахъ начальства, а онъ своимъ вспыльчивымъ, заносчивымъ характеромъ давалъ не мало поводовъ къ этому. Позже, описывая рекогносцировку аула Нухуръ, я сообщу вамъ, читатель, обстоятельства, заставившія Сл—скаго выѣхать изъ отряда, не будучи даже награжденнымъ за его блестящее дѣло на колодцахъ Кара-Сенгеръ; случилось это вслѣдствіе особенной довѣрчивости генералъ-адъютанта Скобелева, черезъ-чуръ вѣрившаго словамъ и интригамъ казачьяго полковника Ар—аго; впрочемъ, объ

этомъ впереди. Теперь, познакомивъ васъ съ личностью Александра Ивановича, буду продолжать разсказъ далѣе.

— Господа, готово! обращается Александръ Ивановичъ къ играющимъ, вынимая изъ боковаго кармана сюртука толстый бумажникъ и выкидывая на столъ 25 рублевую бумажку.

— Ва банкъ, мычитъ свирѣпо казакъ, вытаскивая изъ колоды не глядя карту, оказавшуюся восьмеркой пикъ. Александръ Ивановичъ поворачиваетъ колоду лицомъ къ верху и, о несчастный сотникъ! восьмерка убита на срѣзкѣ.

— Атанде, еще свирѣпѣе рычитъ казакъ, ва банкъ на ту же карту. Играющіе придвигаются ближе: карта въ 50 р. с.; Сл—кій хладнокровно мечетъ, на 5 абцугѣ карта сотника еще разъ убита и онъ шлетъ въ банкъ 75 р. с.

Начинается новая талія. Гардемаринъ, долго выбиравшій карту, изрекаетъ:

— Десятка бубенъ въ цвѣтъ и въ масть по полтиннику око.

— Ты знаешь ли, обращается къ нему артиллеристъ, что эта карта можетъ выйдти очень большая?

— Знаю, сердито отвѣчаетъ морякъ и впивается глазами въ карты, равномѣрно падающія направо и налѣво.

— ..... Шесть, семь, восемь, шепчетъ онъ считая абцуги.

— Да чего считать, на двадцатомъ абцугѣ на право въ цвѣтъ и въ масть, говоритъ артиллеристъ.

— Типунъ тебѣ... дана! вскрикиваетъ гардемаринъ.

— Десять да одинадцать абцуговъ—21, пять за круглое —двадцать шесть, въ цвѣтъ—вдвое... Пожалуйте двадцать шесть рублей, обращается онъ къ Александру Ивановичу.

— Да вы запишите за мной и идите угломъ, совѣтуетъ тотъ, тщательно раскладывая колоду четырьмя кучками и складывая потомъ кучки крестъ на крестъ.

Какъ всѣ игроки, онъ суевѣренъ и придерживается извѣст-

ныхъ правилъ при тасовкѣ, какъ то: раскладыванія на 4 кучки, снятія одной карты снизу и т. д.

Комендантъ, до этого времени сидѣвшій и смотрѣвшій только на игру, выбралъ карту, положилъ подъ нея что-то и, подвинувъ къ банкомету, невиннѣйшимъ тономъ заявилъ:

— Подъ картой фигура.

Публика пришла въ оживленіе.

— Охъ, брандера подпустилъ, вздохнулъ Александръ Ивановичъ и началъ метать.

Король упалъ на право, но В—овъ покачалъ отрицательно головой; дама была дана, но и на этотъ разъ на вопросительный взглядъ банкомета послѣдовалъ отрицательный кивокъ коменданта.

— Сойдите съ карты, предложилъ Александръ Ивановичъ.

— Что вы, Богъ съ вами, изъ за чего я буду вамъ дарить, возразилъ съ улыбкою комендантъ.

— А вотъ я васъ сейчасъ накажу за самоувѣренность, отвѣтилъ банкометъ и.. положилъ валета на лѣво.

В—овъ не торопясь открылъ карту и Александръ Ивановичъ къ своему ужасу узрѣлъ подъ картой портретъ Екатерины Великой!

— Банкъ сорванъ, я думаю, сказалъ гардемаринъ: но я раньше получаю двадцать шесть рублей.

Тяжко вздохнувъ, подвинулъ банкометъ кучку денегъ своему счастливому сопернику и полѣзъ въ карманъ за новою 25 рублевкою.

Подполковникъ В—овъ отдалъ моряку 26 рублей и, подозвавъ вѣстоваго, подалъ ему десяти рублевую бумажку съ приказаніемъ принести 3 бутылки пива; бутылка пива въ это время стоила у насъ въ Бендессенѣ 3 рубля. Цѣна хорошая, не правда ли, читатель?

— Ну-съ, господа, новый банкъ, авось онъ будетъ долго-

вѣчнѣе стараго, проговорилъ Сл—кій, приготовивъ карты.

— Ва банкъ, крикнулъ морякъ.

— Ну и убьютъ, философски замѣтилъ артиллеристъ, все время стоявшій позади него.

— Вотъ зловѣщая птица! Понятно, если ты пророчишь, а самъ не играешь, то добра не будетъ.... Такъ и есть—убили, съ грустью добавилъ онъ и послалъ деньги въ банкъ.

Второй банкъ оказалось сорвать труднѣе, чѣмъ первый.

Счастье буквально повернулось къ пентирующимъ спиной, Александръ Ивановичъ билъ безпощадно. Въ самое короткое время банкъ достигъ рублей шестисотъ, такъ что не было надежды сорвать его, не рискуя сильно проиграть.

— Ну, господа, стопъ пока, закусимъ, выпьемъ пива, а потомъ и будемъ продолжать, заявилъ комендантъ.

Морякъ сидѣлъ насупившись: онъ проигралъ триста рублей, на которые собирался купить себѣ „тэкинскаго коня“.

— Что, братъ, продулся? поддразнивалъ его артиллеристъ: я вотъ завтра напишу Николаю Николаевичу, онъ тебя разнесетъ.

— Убирайся ты..... видишь человѣкъ въ горѣ, а ты пристаешь, вскипятился гардемаринъ и съ ожесточеніемъ затянулся чуть не цѣлою папиросой.

Сотникъ сидѣлъ тоже сумрачный: онъ проигралъ рублей 200.

Не въ характерѣ моряка было долго грустить. Бросивъ папироску, онъ повернулся на одной ногѣ, далъ такъ называемаго киселя пріятелю своему артиллеристу и, ставъ среди кибитки, разставя ноги и засунувъ руки въ карманы, докторальнымъ тономъ произнесъ:

— Судьба, сегодня проигралъ—завтра выиграю.

— Эй, сотникъ, теперь фуражныя деньги хорошія, о чемъ печалиться! Выпьемъ, душа-человѣкъ! И, доставъ изъ подъ кровати бутылку коньяку, будущій адмиралъ прямо изъ горлышка

„хватилъ“ и передалъ казаку. Послѣдній сразу повеселѣлъ и, пробурчавъ что-то подъ носъ, поднесъ бутылку ко рту и очень долго смотрѣлъ вверхъ, такъ что Александръ Ивановичъ, окончивъ считать выигранныя деньги, нашелъ нужнымъ отнять драгоцѣнную влагу.

Посмотрѣвъ на свѣтъ и промолвивъ: ишь вѣдь, хохолъ, сколько выцѣдилъ, онъ приложился въ свою очередь и докончилъ бутылку, которую артиллеристъ налилъ на половину водой и съ невиннымъ видомъ поставилъ опять на мѣсто.

— Вотъ и выигралъ дѣтишкамъ на молочишко, замѣтилъ Александръ Ивановичъ, усаживаясь на постель коменданта.

— Все равно не впрокъ, проиграешься, замѣтилъ сотникъ.

— А не проиграется, такъ вѣдь завтра пойдетъ въ горы и все равно ухлопаютъ, промолвилъ прапорщикъ самурецъ, тоже отдавшій „сотенную“ Сл—кому.

— Чтобъ вамъ пусто было! вскричалъ Александръ Ивановичъ, съ какой стати ухлопаютъ? На меня еще пуля не вылита.

Вошелъ комендантъ, выходившій посмотрѣть какъ размѣстился вновь прибывшій транспортъ.

— Ну и темень, господа, обратился онъ къ офицерамъ; и нужно же лунѣ заходить такъ рано, какъ разъ когда у насъ внизу транспортъ совсѣмъ беззащитный. Навѣрное ночью пальба будетъ.

— Это совсѣмъ не кстати, замѣтилъ Александръ Ивановичъ, мнѣ вставать въ 4 часа утра, а тутъ еще ночью безпокоить будутъ.

— Я не понимаю для чего вставать, возразилъ артиллеристъ: вѣдь каждому изъ насъ извѣстно, что стрѣльба въ аванпостахъ не есть что либо серьезное, а подползаніе отдѣльныхъ тэкинцевъ, такъ изъ за чего взбудораживаться?

— Да, братъ, съ такою философіею когда нибудь и безъ

головы останешься, послышался голосъ моряка, улегшагося на двухъ табуреткахъ въ неосвѣщенной кибиткѣ:—десять разъ это можетъ быть вздоръ, а въ одинадцатый—серьезное нападеніе. Да и самъ ты, братъ, вѣдь только на словахъ безпеченъ, а помнишь, четвертаго дня въ потьмахъ выскочилъ по одному только выстрѣлу изъ кибитки въ полномъ неглиже, обалдѣлъ и схватилъ меня за шиворотъ съ требованіемъ картечи?

Общій хохотъ окончательно сконфузилъ бѣднаго соннаго артиллериста.

— Да что вы ему вѣрите! оправдывался онъ. М—ръ былъ самъ въ одномъ сапогѣ и съ переполоху шашку надѣлъ черезъ лѣвое плечо, а туда же смѣется, что я въ темнотѣ принялъ его за фейерверкера.

— Что же, ты такъ въ одномъ сапогѣ и былъ во все время тревоги? спросилъ сотникъ.

— Понятно нѣтъ, отвѣчалъ гардемаринъ: вижу, что все спокойно, крикнулъ Хрящатаго и сталъ надѣвать другой сапогъ, а надѣть въ потьмахъ такую махину не легко! И онъ при этомъ показалъ дѣйствительно длиннѣйшіе сапоги, четверти полторы выше колѣнъ.—Въ это время, продолжалъ онъ, съ аванпостовъ раздалось выстрѣловъ пять, а такъ какъ снимать легче, чѣмъ надѣвать, я снялъ оба сапога, схватилъ берданку и побѣжалъ съ Кочв—мъ на аванпосты; изодралъ ноги, какъ чортъ знаетъ что, теперь не знаю, какъ пойду завтра въ горы.

— Вотъ, охота пуще неволи, шляться по горамъ! замѣтилъ зѣвнувши сотникъ.

— Ты, кавалерія, этого удовольствія не понимаешь, да потомъ и противъ цынги полезно; у меня, братъ, ноги пухнуть стали.

— И для чего это моряковъ сунуло въ степь? Рѣшительно безполезный народъ на сушѣ, поддразнивалъ артиллеристъ.

— Рѣшать этотъ вопросъ не твоего ума дѣло, огрызнулся морякъ.

— Цыцъ вы, ребятишки, шутливо крикнулъ комендантъ; чѣмъ спорить, лучше выпьемъ, закусимъ, да и на покой.

На столѣ уже стоялъ сыръ, холодная говядина и неизмѣнныя сардинки.

Комендантъ нагнулся и вытащилъ изъ подъ кровати бутылку, въ которой былъ коньякъ, теперь замѣненный водой.

Артиллеристъ не выдержалъ и фыркнулъ. Сотникъ засунулъ оба свои громадные уса въ ротъ и еще сдерживался. Гардемаринъ началъ надуваться отъ внутренняго смѣха и ежеминутно готовъ былъ разразиться хохотомъ.

Комендантъ налилъ воображаемаго коньяку въ стаканъ и ахнулъ, но такъ комически, что вся публика разразилась гомерическимъ хохотомъ. Гардемаринъ, лежавшій на табуреткахъ, хохоталъ до того, что табуретка выскочила изъ подъ ногъ и онъ слетѣлъ на полъ; комендантъ, не знавшій виновниковъ опорожненія бутылки, переводилъ свой недоумѣвающій взглядъ съ одного на другаго. Наконецъ публика успокоилась и трое виновныхъ покаялись.

— Ну, что теперь дѣлать? спросилъ комендантъ;—посылать поздно.

— Какъ поздно? зарычалъ казакъ. Всего половина перваго, армяшка долженъ открыть, вы только скажите, что для васъ, а не отпуститъ, такъ..... и казакъ докончилъ жестомъ, проведя рукой по нагайкѣ, висѣвшей рядомъ съ шашкой.

— Ну, такъ пошлемъ, согласился комендантъ.

— Нѣтъ, господа, позвольте ужъ мнѣ устроить маленькую пирушку, такъ какъ я сегодня въ изрядномъ выигрышѣ, отозвался Александръ Ивановичъ. Я пойду къ армяшкѣ и притащу что у него есть лучшаго.

Предложеніе его было встрѣчено общимъ одобреніемъ.

— Чортъ знаетъ что, какъ ни бьешься—къ вечеру напьешься, съ видомъ покорности къ предопредѣленіямъ судьбы произнесъ артиллеристъ и вышелъ изъ кибитки вслѣдъ за командиромъ охотниковъ.

Темная, звѣздная ночь окутывала своимъ мракомъ все окружающее. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кибитки, въ редутѣ, едва виднѣлся силуетъ артиллериста часоваго.

Въ воздухѣ была пріятная свѣжесть: дышалось легко, полною грудью.

Повсюду царила мертвая тишина; только гдѣ то далеко кричалъ шакалъ, подражая плачу ребенка; крикъ этотъ то приближался, то удалялся, смолкалъ на минуту и снова проносился въ воздухѣ, раздражая нервы молодаго человѣка, стоявшаго на краю обрыва.

Подъ ногами у него, въ долинѣ, свѣтился огонекъ потухавшаго костра; онъ то вспыхивалъ и своимъ краснымъ пламенемъ на мгновеніе освѣщалъ арбу, казавшуюся фантастически высокою, то потухалъ и едва выдѣлялся свѣтлою точкою въ общемъ мракѣ.

Но вотъ до слуха артиллериста донесся голосъ Александра Ивановича:

— Ну вставай, что-ли!

Какъ то странно звучалъ этотъ голосъ изъ мрака, изъ глубины нѣсколькихъ десятковъ саженъ, доносившійся на вершину холма. Снова послышался тотъ же голосъ:

— Лучше вставай самъ, а то подыму нагайкой! Ну-же!

Прошло нѣсколько времени и до слуха подпоручика донесся короткій, сухой звукъ: шшлепъ, шшлепъ и недоумѣвающе болѣзненное восклицаніе: А-а, ой!—это Александру Ивановичу удалось наконецъ разбудить армянина.

— Пойдти развѣ, помочь ему нести бутылки, пробормоталъ

артиллеристъ и сталъ осторожно спускаться по крутой тропинкѣ, извивавшейся въ темнотѣ бѣловатыми зигзагами. Онъ прошелъ уже добрыя три четверти пути, какъ вдругъ услышалъ издалека донесшійся окрикъ аванпостнаго часоваго „Кто идетъ?“ Черезъ мгновеніе тотъ же окликъ, но уже повторенный безпокойнымъ голосомъ и затѣмъ—ттрахъ, тахъ-тахъ, ттрахъ!—четыре выстрѣла гулко загремѣли въ ущельи, перекатываясь по горамъ и повторяясь безконечнымъ эхомъ Бендессенскихъ холмовъ.

— Начинается спектакль, проворчалъ артиллеристъ, попробовалъ легко ли вынимается изъ ноженъ шашка и уже безъ всякой осторожности сталъ сбѣгать по тропинкѣ.

Эти четыре выстрѣла произвели необычайную перемѣну въ тихомъ, сонномъ лагерѣ; повсюду слышны были крики: въ ружье! Казачья труба неистово играла тревогу. Верблюды подняли ревъ, такъ какъ безцеремонные солдатики, спѣша на свои мѣста, пробирались между спутанными кораблями пустыни и безпокоили ихъ; лошади на коновязи начали биться и ржать, перепуганныя верблюжьимъ ревомъ. Персы, не отличающіеся храбростью, стали взбираться на холмъ и своими гортанными криками увеличивали суматоху; два изъ такихъ храбрецовъ, лѣзшихъ гуськомъ по тропинкѣ, на свое несчастіе натолкнулись на артиллериста и во мгновенье ока полетѣли съ двухъ саженъ высоты въ ручей, напутствуемые энергическими: кепе—оглы! (самое забористое татарское ругательство) сердитаго подпоручика.

Слышался звонкій голосъ Сл—каго, разносившаго своихъ охотниковъ за медленное выстраиванье фронта.

— Какіе вы охотники, бабы! Вамъ, чортовымъ куклам, юбки надѣть надо! Сто разъ вамъ говорено не одѣваться, а брать ружье, подсумокъ и хоть голымъ становиться во фронтъ! Послѣдній разъ вамъ повторяю, а еще разъ случится—вся команда простоитъ во фронтѣ до утра. Пока разойдтись, да быть по первой

командѣ готовыми, а то ползутъ, точно... Сдѣлавъ очень не лестное для охотниковъ сравненіе, Александръ Ивановичъ исчезъ въ темнотѣ.

Артиллеристъ между тѣмъ уже подходилъ къ аванпостамъ. Шагахъ въ 20-ти передъ нимъ едва виднѣлось нѣчто двигавшееся.

— Кто идетъ? крикнулъ ему темный силуэтъ.

— Солдатъ! отвѣчалъ подпоручикъ.

— Солдатъ стой! что пропускъ?

— Гайка!

— Проходи!

— Вы, ребята, стрѣляли? спросилъ офицеръ.

— Никакъ нѣтъ, ваше б—діе, сосѣдній постъ, отвѣчалъ старшій въ звенѣ, беря на плечо.

— А вы ничего не видали?

— Никакъ нѣтъ, слышали какъ что-то прошуршало передъ нами, а видѣть—ничего не видали.

— Посматривай хорошенько ребята, а то вѣдь эти прохвосты подкрадутся, такъ и оглянуться не успѣешь, какъ горло перехватятъ.

— Оно точно, ваше б—діе, больно ужъ ловкій народъ.

— Что тутъ между вами и сосѣднимъ постомъ нѣтъ ямъ или рытвинъ, а то пойдешь да и свалишься.

— Никакъ нѣтъ, камневъ только ваше б—діе много. Да позвольте я васъ проведу, и услужливый солдатикъ повелъ артиллериста къ сосѣднему посту.

Здѣсь за старшаго былъ вольноопредѣляющійся, хорошій знакомый его, который и разсказалъ, что они слышали долгое время шорохъ по близости себя и наконецъ явственный шопотъ, такъ что онъ и приказалъ выстрѣлить, послѣ чего послышался легкій стонъ и шумъ катившихся камней.

Узнавъ въ чемъ дѣло, подпоручикъ отправился обратно и

наткнулся на коменданта, шедшаго въ сопровожденіи прапорщика Коч—ва справиться о причинѣ пальбы. Не смотря на увѣренія артиллериста, что все благополучно, комендантъ всетаки продолжалъ путь къ аванпостамъ, а подпоручикъ полѣзъ на холмъ и въ комендантской кибиткѣ нашелъ Сл—скаго, разставлявшаго на столѣ разные деликатессы, пріобрѣтенныя отъ такъ неделикатно разбуженнаго армянина.

Лагерь началъ успокоиваться и только въ комендантскомъ дворцѣ было суетливое движеніе: готовился лукулловскій ужинъ.

Не буду подробно описывать этого ужина; много ѣлось, говорилось, но болѣе всего пилось и только когда вершины горъ освѣтились мягкимъ, розоватымъ свѣтомъ зари, собутыльники вышли изъ кибитки покурить на свѣжемъ воздухѣ. Было довольно холодно и собесѣдники кутались въ бурки.

— Однако пора собираться въ дорогу, промолвилъ потягиваясь Сл—скій; что же, идемъ вмѣстѣ или нѣтъ? обратился онъ къ гардемарину.

— Идемъ, отвѣчалъ тотъ и скрылся въ свою кибитку окачиваться водой и собираться къ экспедиціи въ горы.

Черезъ часъ внизу холма была выстроена охотничья команда во фронтѣ. Солнце играло на штыкахъ и освѣщало своими косыми лучами разнообразные, живописные костюмы охотниковъ. Два казака держали подъ устцы двухъ вьючныхъ лошадей.

— Смирр-но! крикнулъ фельфебель, увидя подходящаго Александра Ивановича. Онъ былъ въ высокихъ сапогахъ, неизмѣнныхъ красныхъ туркестанскихъ кожанныхъ штанахъ и сюртукѣ; въ рукахъ кавалерійскій карабинъ.

Гардемаринъ, ему сопутствовавшій, былъ въ синей матросской рубашкѣ, высочайшихъ сапогахъ, съ револьверомъ на боку и карабиномъ о 16 выстрѣлахъ Винчестера на перевязи черезъ плечо.

— На плечо, рявкнулъ фельдфебель.

— Здорово молодцы! обратился Александръ Ивановичъ къ охотникамъ, окидывая фронтъ опытнымъ взглядомъ.

— Здравія желаемъ, радостно крикнули головорѣзы, привѣтствуя любимаго начальника.

— Пѣсенники на правый флангъ! Рота на право! Ряды сдвой! Шагомъ маршъ!

Впереди шагалъ Александръ Ивановичъ съ гардемариномъ. Пѣсенники затянули „Ахъ вы сѣни, мои сѣни!....“ и охотники отправились на поиски приключеній въ горы. Въ одномъ изъ слѣдующихъ очерковъ читатель узнаетъ подробности объ этихъ прогулкахъ въ горы, иногда кончавшихся нешуточными дѣлами съ непріятелемъ, а теперь пожелаемъ охотникамъ всего лучшаго и поставимъ точку.

IV.

Право-фланговая Кала.

„Первое—пли“!..... Мѣдное, 4-хъ фунтовое орудіе изрыгаетъ пламя, раздается грохотъ, звонъ откатывающагося орудія, свистъ удаляющейся гранаты и черезъ нѣсколько мгновеній далекій гулъ разрыва. Отъ выстрѣла сыплется земля съ бруствера и нѣкоторое время, въ облакѣ пыли, ничего нельзя разобрать, что дѣлается около орудія. Но вотъ облако разсѣялось и взорамъ наблюдателя представляется длиннѣйшій поручикъ Бергъ, артиллеристъ, съ самой свирѣпой наружностью, но съ сердцемъ незлобивымъ, какъ у агнца. Разставя ноги, стоитъ онъ, высовываясь на полъ груди изъ за бруствера и смотритъ въ бинокль на дѣйствіе снаряда.

— Фу ты какъ разлетѣлась, ха, ха, ха, ишь улепетываютъ! А два верблюда остались таки на мѣстѣ! Батюшки мои! Да они нахалы собираются ихъ развьючивать! Второе готово? спрашиваетъ онъ фейерверкера.

— Точно такъ, ваше б—діе! отвѣчаетъ молодцоватый фейерверкеръ.

— Второе—пли!

Снова грохочетъ орудіе, снова летитъ чугунная визитная карточка тэкинцамъ.

Такъ въ послѣобѣденное время памятнаго 28 декабря занимались мы въ право-фланговой Калѣ.

Читателямъ надо объяснить, что это такое „Кала“ и сообщить кое-что о ея обитателяхъ.

„Кала“ по туркменски значитъ укрѣпленіе; право-фланговой она называлась потому, что была послѣднимъ пунктомъ нами занятымъ на правомъ флангѣ осадныхъ работъ противъ Геокъ-Тепе. Правѣе были сады Петрусевича, занятіе которыхъ обошлось намъ дорого 23 декабря, когда былъ убитъ доблестный генералъ, именемъ котораго они названы, храбрый маіоръ Булыгинъ, командиръ дивизіона драгунъ и эсаулъ Ивановъ. Тогда же заступившій мѣсто начальника отряда полковникъ Арцышевскій очистилъ сады, нами уже занятые, не подобравъ даже всѣхъ убитыхъ....

Право-фланговая Кала представляетъ изъ себя, какъ всѣ тэкинскія крѣпостцы, четыреугольникъ изъ высокихъ глиняныхъ стѣнъ, почти квадратный; послѣ занятія нами этой крѣпостцы, съ фронта, обращеннаго къ Геокъ-Тепе и садамъ Петрусевича, былъ вырытъ ровъ, очень широкій и глубокій, и насыпанъ брустверъ, за которымъ и были поставлены два 4-хъ фунтовыя орудія и 2 морскія картечницы.

Въ Калу вела маленькая дверца въ правой стѣнѣ и другая съ тыла; на заднемъ лѣвомъ углу была башня, въ которой находился геліографный станокъ.

Право-фланговая Кала имѣла большое значеніе, какъ наблюдательной пунктъ, съ котораго ясно было видно движеніе непріятеля въ крѣпости. Тщательныя наблюденія, производившіяся въ Калѣ, были причиной отбитія третьей вылазки непріятеля на лѣвый флангъ 4-го января. Лейтенантъ Ш—нъ, бывшій комендантомъ, передъ вечеромъ донесъ начальнику штаба о движеніи не-

Sv. leiri 24

пріятеля къ лѣвому флангу; были приняты мѣры и тэкинцы, ободренные двумя первыми успѣшными вылазками, понесли въ этотъ разъ страшныя потери. Есть вещи, которыя неизвѣстно почему, проходятъ незамѣченными, такъ и это обстоятельство осталось безъ особеннаго вниманія....

Въ самой Калѣ были устроены у стѣнъ подмостки, на которыхъ помѣщались стрѣлки; такимъ образомъ Кала представляла двухъ ярусную оборону, позиція была безусловно сильная, что и давало возможность, правда съ рискомъ, держать въ ней очень малый гарнизонъ — человѣкъ 60 или 70, какъ это было во время нападенія 28 декабря въ описываемый мною день.

Около одного изъ орудій, у самаго бруствера, вырыта четыреугольная яма, очень напоминающая могилу: это квартира гардемарина М—ра, представляющая самое безопасное убѣжище; длину она имѣетъ футовъ 5 и въ ширину фута 4, глубиной около 3; на днѣ постлана кошма.

Рядомъ, прямо на землѣ, „живетъ“ комендантъ—лейтенантъ Николай Николаевичъ Ш—нъ. Какъ начальникъ—онъ свирѣпъ безгранично, и случись родному отцу у него быть подъ командой—онъ и того бы за упущенія „разнесъ“ бы въ дребезги; какъ человѣкъ и товарищъ—превосходный.

Рядомъ съ нимъ помѣщается вышеупомянутый поручикъ Бергъ, молодой офицеръ, храбрый до сумасшествія, которому особенное удовольствіе доставляетъ постоянно служить мишенью тэкинцамъ; онъ всѣхъ увѣряетъ, что пуля его тронуть не можетъ, такъ какъ тэкинцы уже „продырявили“ его одинъ разъ въ неудачную экспедицію 79 года: онъ тогда служилъ въ ракетной сотнѣ и участвовалъ въ знаменитой атакѣ этой сотни, прорубившейся черезъ массу тэкинцевъ и прикрывшей „отступленіе“.

Въ самой Калѣ стоитъ верхъ отъ кибитки и тамъ живутъ два пѣхотныхъ офицера: штабсъ-капитанъ Юн—кій и прапорщикъ

Ст—кинъ; первый командуетъ ротой Самурскаго полка, второй у него субалтерномъ. Тутъ же помѣщается старикъ лекарскій помощникъ, эскулапъ, потерявшій на охотѣ глазъ, комичная, но храбрая личность. Вотъ вамъ и все интеллигентное общество право-фланговой.

Часа четыре послѣ обѣда; тэкинцы изрѣдка пострѣливаютъ; наши солдатики кто отдыхаетъ, кто чинитъ пришедшую въ вѣтхость амуницію; человѣка 4 сидятъ и... заранѣе прошу извиненія у моихъ читательницъ, если таковыя найдутся, и, снявъ рубахи, занимаются уничтоженіемъ „нечисти“, грызущей несчастныхъ воиновъ на-пропалую.

— И откуда только онѣ проклятыя берутся? удивляется солдатикъ артиллеристъ, чуть уже не полчаса сидящій безъ рубашки.

— Откуда? Извѣстное дѣло изъ грязи, отвѣчаетъ матросикъ, сидящій безъ сапогъ, одинъ изъ которыхъ у него въ рукахъ и подвергается тимберовкѣ.

— Ты думаешь у ихъ б-дій нѣтъ этой „нечести?“ Я это давича былъ въ лагерѣ, такъ ихъ б-діе господинъ Г-ковъ ажъ сжечь приказалъ рубаху, потому скрозь вся ими покрыта!

— А что земляки не заварить-ли чаю? предлагаетъ подошедшій комендоръ матросикъ.

— А дрова то у тебя есть?

— Да вотъ земляки поди щепочекъ отъ снарядныхъ ящиковъ дадутъ, обратился онъ къ группѣ артиллеристовъ.

— Ишь братъ ловкій тоже, у насъ у самихъ мало, не знаемъ хватитъ-ли до завтрева! Ахъ ты, несъ тебя заѣшь, ишь какъ жарнулъ. Послѣднее замѣчаніе относилось къ фальконетной пулѣ, съ шумомъ шлепнувшейся въ самый верхъ бруствера.

Жжии-шлепъ!—еще одна взвизгнула и щелкнула въ стѣнку.

Тахъ, тахъ, тахъ—затрещали отвѣтные выстрѣлы въ цѣпи.

— И чего это его подъ вечеръ кажинный день палить заставляетъ, говоритъ матросъ, вколачивая камнемъ гвоздь въ подошву починяемаго сапога.

— А это потому, братецъ мой, говоритъ поручикъ Бергъ, подходя къ брустверу съ биноклемъ, что подъ вечеръ солнце, какъ заходитъ, такъ насъ лучше освѣщаетъ, ему виднѣе, вотъ онъ и палитъ....

Шлепъ, шлепъ....

— Фу ты дьявольшина, эти скоты читать не даютъ, слышится голосъ разсерженнаго гардемарина, лежащаго поджавши ноги въ своей берлогѣ и читающаго какую-то книгу, на которую, также какъ и на фуражку, насыпалось порядочно земли отъ попавшей въ брустверъ пули.

— А ты не сердись, потому вредно, замѣчаетъ Бергъ, и со вниманіемъ что-то разсматриваетъ въ бинокль.

— Выпалилъ опять ваше б-діе, говоритъ молодой солдатикъ, осторожно высматривающій, что называется однимъ глазомъ, изъ за бруствера и при этомъ колѣни у него сами собой подгибаются и голова уморительно уходитъ въ плечи.

Фьюить!—фальцетомъ запѣла пуля и шлепнулась въ орудіе, сильно зазвенѣвши отъ удара.

— Ахъ землякъ, землякъ, укоризненно качаетъ Бергъ головою, обращаясь какъ бы къ выстрѣлившему тэкинцу, и не стыдно тебѣ казенную вещь портить?

Солдаты хохочутъ; поручикъ ихъ любимецъ: вѣчно веселый, разговорчивый, гуманный къ солдатамъ, никогда не кланяющійся пулямъ, онъ сталъ солдатамъ особенно симпатиченъ.

— Да что ты все читаешь Александръ Александровичъ, брось, обращается Бергъ къ гардемарину.

— Ахъ не мѣшай; тутъ братъ такой раздирательный романъ: убійство на убійствѣ.

— Вотъ тоже голова! восхищается убійствами въ книгѣ; да кабы ты не читалъ, такъ самъ бы убилъ давно пару, другую тэкинцевъ! Посмотри только сколько ихъ выползло!

Какъ бы въ подтвержденіе словъ Владиміра Александровича завизжало нѣсколько пуль; посыпалась глина со стѣны Калы.

Гардемаринъ выскочилъ изъ свей ямы, взялъ бинокль и подошелъ къ брустверу.

— Посмотри лѣвѣе, противъ дерева, видишь четыре папахи, указываетъ Бергъ; вотъ одинъ выстрѣлилъ, видишь дымъ? Ахъ нахалъ, одинъ въ красномъ халатѣ бѣжитъ къ башенкѣ....

Трахъ, та-та-тахъ.... затрещали берданки стрѣлковъ впереди Калы.

— Ага, пропалъ, видно убитъ... Нѣтъ опять, эхъ ушелъ за башню!

— Петровъ! кричитъ гардемаринъ; берданку и патроновъ! Живо.

— Есть! отзывается матросикъ.

Черезъ нѣсколько минутъ является матросикъ съ требуемыми предметами.

— Сколько до башни? Спрашиваетъ морякъ у Берга.

— Двѣсти сажень съ хвостикомъ, отвѣчаетъ тотъ. Ну стрѣляй, я смотрѣть буду въ бинокль.

— Подождите, подождите господа и я поохочусь, слышится голосъ прапорщика Ст—кина, вылѣзающаго изъ низенькой двери Калы и идущаго медленнымъ шагомъ какъ разъ по обстрѣливаемому непріятелемъ пути. Свистнуло нѣсколько пуль и прапорщикъ схватился за лѣвое плечо.

— Кажется зацѣпило, проговорилъ онъ сквозь зубы и при этомъ посмотрѣлъ на пальцы правой руки, отнимая ее отъ плеча; нѣтъ ничего, крови не видать, значитъ контузило только, и онъ пошелъ на встрѣчу Бергу, бѣжавшему узнать, что съ нимъ.

— Ну что? спросилъ на ходу Бергъ.

— Пустяки, погонъ сорвало только. Эй, Наумовъ! дай ка винтовку, да десятка два патроновъ, вотъ я имъ покажу, какъ пугать добрыхъ людей!

— Ступайте живѣе, голубчикъ, послышался голосъ гардемарина, я уже нашелъ славную мишень для начала, только чуръ не горячиться, стрѣлять съ выдержкою, а то какъ вчера упустимъ!

— Слава Богу! не первый день держу винтовку въ рукахъ и не перваго человѣка подстрѣливать приходится, немного обидчиво отвѣтилъ прапорщикъ и подошелъ къ гардемарину, зарядившему винтовку и въ кого то тщательно прицѣливавшемуся.

— Ты въ кого? спрашиваетъ Бергъ.

— А вотъ у завала, подъ деревомъ, какой-то храбрецъ высунулся по поясъ. Ну смотри же хорошенько!

Медленно нажимаетъ морякъ на спускъ. Тррахъ.

— Направленіе чудесное, но недолетъ, говоритъ Бергъ, со вниманіемъ слѣдившій въ бинокль: „кувырнется“ тэкинецъ или нѣтъ.

Противникъ не замедлилъ отвѣтить. Шмелемъ прогудѣла фальконетная пуля и очень близко.

— Вотъ дурень то, замѣчаетъ Владиміръ Александровичъ, ты стрѣляешь, а онъ на меня сердится, чуть чуть не убилъ, даже вѣтромъ въ ухо пахнуло, такъ близко.

Прапорщикъ и морякъ окончательно входятъ во вкусъ и на перерывъ посылаютъ пулю за пулей халатникамъ.

— Вбили однаго, ваше б-діе! кричитъ солдатикъ изъ цѣпи; вотъ видать въ крѣпость несутъ.

— Такъ что-же вы чертовы куклы не стрѣляете?

Отвѣтомъ служитъ перекатный залпъ стрѣлковъ.

— Ловко! изъ несущихъ одинъ упалъ, а другой бѣжитъ, такъ его ребята! жарь! эхъ ушелъ таки!

— Онъ, ваше б-діе, помирать пошелъ, навѣрно ужъ его поранили, остритъ матросикъ.

— Что за трескотня такая? слышится голосъ коменданта, лейтенанта Ш—на, только что проснувшагося и подымающагося безъ фуражки съ своего ложа.

— А ты фуражку то надѣнь, совѣтуетъ пресерьезно Бергъ, а то цѣль больно хорошая, добавляетъ онъ, намекая на огромную лысину, украшающую голову почтеннаго коменданта.

Ш—нъ хохочетъ и поднимаетъ свою фуражку, свалившуюся во время сна.

— Много грѣховодники отправили вы народу въ Магометовъ рай! обращается комендантъ къ гардемарину и прапорщику, зорко всматривающимся впередъ, держа винтовки на изготовку.

— Однако подвалили, съ прежде бывшими шестой.

Группа офицеровъ, съ сверкающими на солнцѣ погонами, привлекаетъ вниманіе тэкинцевъ и они начинаютъ „угощать“.

— Вотъ бестіи пристрѣлялись, замѣчаетъ Ш—нъ, отмахиваясь отъ зыкнувшей мимо уха пули, какъ отъ надоѣдливой мухи.

— А что Владиміръ Александровичъ „успокой“ ихъ продолжаетъ онъ.

— А и то правда! Прислуга къ первому орудію! Шрапнелью!

Трубка поставлена на должную дистанцію и самъ Бергъ садится на хоботъ и начинаетъ наводить.

— Чуточку вправо, еще.... Много! возьми влѣво, такъ.... Стой!

— Первое!

— Пли! добавляетъ фейерверкеръ.

Гулко хлопаетъ четырехфунтовка. Вотъ противъ завала въ воздухѣ появляется дымокъ молочнаго цвѣта, слышится слабый

звукъ разрыва шрапнели и большой участокъ земли покрывается дымками пыли отъ падающихъ картечныхъ пуль.

— Ну теперь они надолго угомонятся, говоритъ Ш—нъ и, позѣвывая, идетъ осматривать свои владѣнія.

Внутри Калы расположились пѣхотные солдаты; большинство лежитъ. Ружья составлены въ козлы. Надо имѣть особую ловкость, чтобы пройдти не наступивши кому нибудь на ноги, или на голову, или не наткнуться на штыки, торчащіе изъ козелъ; тѣснота страшная; у задней стѣнки отдѣльной группой сидятъ джигиты туркмены, изъ кучки которыхъ рѣзко выдѣляется своей наружностью старшина Нефесъ-Мергенъ съ 4 георгіевскими крестами на халатѣ; худощавый старикъ лѣтъ за шестьдесятъ, съ рѣденькою, сѣдоватой бородой, крючковатымъ носомъ и проницательными глазами, хитро высматривающими изъ подъ нависшихъ бровей. Нефесъ-Мергенъ племени іомудовъ и всей силой своей восточной мстительной души ненавидитъ тэкинцевъ, вѣчныхъ притѣснителей и враговъ его племени. Тэкинцы платятъ ему той же монетой и не мало между ними нашлось бы джигитовъ, готовыхъ пасть въ бою, лишь бы добыть голову старика, забывшаго Аллаха и служащаго „гяурамъ“—бѣлымъ рубахамъ.

Нефесъ-Мергенъ сидитъ въ центрѣ кружка своихъ джигитовъ, тянетъ кальянъ и что-то разсказываетъ, вѣроятно о своихъ боевыхъ схваткахъ, такъ какъ по временамъ глаза его сверкаютъ и онъ характерно проводитъ кистью правой руки по горлу или же машетъ рукой по воздуху, показывая взмахъ шашки; возлѣ него лежитъ драгунская винтовка Крынка, которой старикъ почему то очень дорожитъ и ни за что не хочетъ взять вмѣсто этого устарѣлаго оружія берданку.

Въ этой Калѣ почти безопасно отъ пуль, развѣ какая нибудь шальная, пущенная подъ очень большимъ угломъ возвышенія, шлепнется въ середину и является нарушительницею общественнаго

спокойствія; кто нибудь выругается по поводу появленія незванной гостьи и все успокоивается снова.

Ш—нъ обошелъ кругомъ и вошелъ въ желомейку ротнаго командира Юн-каго, который лежалъ на буркѣ, задравъ ноги на переплетъ желомейки и читалъ одну изъ книжекъ „Изумруда“ — собранія переводныхъ романовъ.

При входѣ коменданта онъ опускаетъ ноги, очищаетъ возлѣ себя мѣсто и предлагаетъ присѣсть.

— Ну что какъ у васъ тамъ? спрашиваетъ онъ лейтенанта, показывая по направленію къ выходу изъ Калы, откуда слышатся отдѣльные выстрѣлы.

— Да ничего, пощелкиваютъ по обыкновенію, отвѣчаетъ зѣвая комендантъ и разговоръ прерывается. Юн-кій крутитъ себѣ папироску.

— Не выпить-ли чайку? обращается онъ къ Ш-ну. Послѣдній утвердительно киваетъ головой.

— Да что вы такой задумчивый? допытывается штабсъ-капитанъ, стараясь въ глазахъ Ш-на прочесть причину его хандры.

— Такъ себѣ; думаю обо всемъ понемногу, а главнымъ образомъ о Зубовѣ, жаль его!

— Ну что-же, съ нимъ особенно дурнаго ничего не случилось, прострѣлили мякоть ноги, не опасно!

— Богъ его знаетъ опасно или нѣтъ, а все жаль такую симпатичную личность.

— Да, хорошій человѣкъ; хладнокровный въ огнѣ, только молчаливый черезъ чуръ, видно многое переиспыталъ въ жизни.

— Очень много, подтверждаетъ задумчиво Ш-нъ, затѣмъ быстро подымается, какъ бы стараясь стряхнуть съ себя непріятныя мысли и уже веселымъ тономъ начинаетъ будить лекарскаго помощника, немилосердно храпящаго на буркѣ, постланной возлѣ Юн-каго.

— Вставайте, пора! Пойдемъ чай пить.

— А, что? вскакиваетъ тотъ. Ранили кого нибудь?

— Типунъ вамъ на языкъ, говоритъ Юн-кій. Вотъ еще что пророчитъ!

— Я думалъ, что я нуженъ, такъ какъ меня разбудили, говоритъ одноглазый эскулапъ, снова собираясь заснуть.

— Нужны чай пить, вотъ зачѣмъ!

— А, ну это дѣло другаго рода, и старикъ начинаетъ приводить въ порядокъ свой тоалетъ, натягиваетъ теплые сапоги и позѣвывая достаетъ коробку съ табакомъ, чтобы утѣшить себя за прерванный сонъ.

Всѣ втроемъ выходятъ изъ жаломейки и направляются къ брустверу, гдѣ гардемаринъ и прапорщикъ сидятъ уже въ ямѣ, „квартирѣ“ моряка, и пьютъ чай, болѣе похожій на желтоватую воду, изъ стакановъ, сдѣланныхъ изъ бутылокъ. Можетъ статься читателю никогда не приходилось видѣть такой своеобразной операціи, практикуемой солдатами въ походѣ, поэтому я сообщу этотъ способъ. Берутъ пустую бутылку и, смотря по желаемой длинѣ стакана, накладываютъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ горлышка одинъ шлагъ бичевкой, концы которой сильно тянутся въ разныя стороны руками одного изъ „фабрикантовъ“, тогда какъ бутылка вращается руками другаго, третій стоитъ на готовѣ съ кружкой холодной воды; когда отъ тренія бутылка разгорячится въ мѣстѣ тренія, льютъ воду на эту часть; затѣмъ достаточно небольшаго усилія и бутылка ровно ломается и вы имѣете импровизированный стаканъ, обращеніе съ которымъ должно быть тѣмъ не менѣе осторожно, такъ какъ очень легко обрѣзать губы.

Изъ такой-то „посуды“ пили два юныхъ офицера чай или нѣчто на него похожее, когда явилось новое тріо и усѣлось около чайника.

— А ты что же, начальникъ артиллеріи, не хочешь раз-

вѣ прополаскать горло? обратился Ш—нъ къ Бергу, возившемуся около орудія.

— Сейчасъ, братецъ мой, дай навести орудіе по горизонту; вѣдь скоро стемнѣетъ, а на ночь надо, чтобы орудіе было готово къ дѣйствію картечью, и длинный поручикъ снова усѣлся на корточки у втораго орудія и началъ наводить „въ горизонтъ".

Тѣни ложились все гуще и гуще на степь; кроваваго цвѣта солнечный дискъ былъ на линіи горизонта; покрытыя снѣгомъ вершины Копетъ-Дага казались въ пламени, тогда какъ подножье и средина горъ были фіолетоваго цвѣта; стѣнки Геокъ-Тепе, окрашенныя послѣдними лучами заходящаго солнца, казались въ этомъ общемъ красивомъ пейзажѣ не столь страшными. Ружейный огонь прекратился съ обѣихъ сторонъ и ничто не предвѣщало той страшной рѣзни, которая должна была начаться черезъ нѣсколько часовъ и стоила жизни нѣсколькимъ тысячамъ людей. Сколько жертвъ, не подозрѣвавшихъ своей участи, въ это время наслаждались спокойствіемъ послѣ тревогъ дня!

V.

Разговоръ не вязался какъ-то въ кружкѣ офицерства, кончившаго чаепитіе. Ни одинъ изъ нихъ не принадлежалъ къ числу такъ называемыхъ «сантиментальныхъ» — кислосладкихъ людей, но особенность обстановки и чудная картина природы на каждаго производили свое дѣйствіе. Наступилъ отдыхъ, перестрѣлки не было; нервы, бывшія въ напряженіи цѣлый день, стали приходить въ нормальное состояніе и вмѣстѣ съ этимъ явилась способность думать и мечтать и дать волю своему воображенію; у каждаго изъ сидѣвшихъ подъ брустверомъ, какъ и у всякаго чело-

вѣка, было что нибудь на сердцѣ, особенно интересовавшее его и мысль объ этомъ то и препятствовала оживленію разговора.

Комендантъ сидѣлъ, обнявши руками колѣни, сдвинувъ на затылокъ свою морскую фуражку и задумчиво смотрѣлъ въ землю; его красивые глаза были утомлены и глубокая морщина лежала между бровями, видно было, что невеселыя мысли овладѣли имъ, да и можетъ-ли быть весело человѣку, на которомъ тяжелымъ камнемъ лежитъ отвѣтственность передъ закономъ и собственною совѣстью за жизнь многихъ людей и сохраненіе важнаго пункта; а можетъ быть вспомнилось ему что нибудь изъ далекаго прошлаго, изъ его плаваній и, какъ это часто бываетъ, необъяснимая грусть о невозвратномъ прошломъ овладѣла бравымъ комендантомъ.

Гардемаринъ стоялъ облокотившись грудью о брустверъ и смотрѣлъ на бѣлѣвшія стѣны Геокъ-Тепе; трудно сказать видѣлъ ли онъ въ данный моментъ эти твердыни или же направленіе его взоровъ было чисто машинальное и мысли были на далекомъ сѣверѣ, гдѣ осталось все дорогое его сердцу или же онъ думалъ о предстоящемъ штурмѣ и хотѣлъ проникнуть въ будущее, скрывавшее вопросы о жизни и смерти! Играла ли въ немъ молодая кровь и въ головѣ рисовались картины боя, отличія и возвращенія въ Петербургъ съ бѣленькимъ крестикомъ, предметовъ мечтаній всякаго военнаго человѣка, или же ему представлялась сцена отчаянія его стариковъ при полученіи извѣстія о смерти, единственнаго сына... Богъ его знаетъ, что за мысли роились въ головѣ молодаго моряка; читателямъ это не интересно, да и трудно узнать.

Длинный поручикъ Бергъ ходилъ отъ одного конца фаса до другаго саженными шагами, звеня шпорами. Даже команда какъ-то пріумолкла.

Совсѣмъ стемнѣло; наступила ночь хотя и звѣздная, но мрачная; въ нѣсколькихъ шагахъ стало трудно различать предметы;

посвѣжѣло. Тишина была мертвая; гдѣ-то въ крѣпости, далеко, далеко виднѣлся огонекъ; стрѣльбы не было ни съ чьей стороны.

Офицерство поднялось съ своихъ мѣстъ; ротный командиръ ушелъ въ Калу, а субалтернъ съ унтеръ-офицеромъ пошелъ осматривать аванпостную цѣпь.

Комендантъ прохаживался по наружному фасу; солдаты и матросы кутались въ свои шинели и лежали у орудій; тутъ и тамъ вспыхивали огоньки трубочекъ и папиросъ; изъ Калы доносились гортанные окрики джигитовъ на своихъ коней.

Вдругъ на темномъ небѣ появилась полоса свѣта и бомба, медленно поднимаясь по кривой линіи, опустилась въ крѣпость; за ней послѣдовала другая, третья... Прорѣзывая темноту понеслась ракета; весь горизонтъ освѣтился огнемъ. Послышался шумъ безпорядочныхъ залповъ и крики, вырывавшіеся изъ многихъ тысячъ грудей... Стрѣльба участилась; сотнями летѣли въ крѣпость снаряды, бомбы и ракеты, освѣщая ея внутренность красными вспышками разрыва.

Непрерывная линія огня, линія ломанная, показывала, что всѣ наши траншеи лѣваго фланга аттакованы. Крики: „Алла! Магометъ!“ явственно доносились до право-фланговой, сомнѣнія не было—тэкинцы сдѣлали вылазку!

Всѣ офицеры снова собрались у бруствера и съ напряженнымъ вниманіемъ всматривались и вслушивались въ то, что дѣлалось въ лѣвомъ флангѣ... А залпы и орудійные выстрѣлы все чаще и чаще освѣщали темноту багровыми вспышками; весь воздухъ казалось наполнился трескомъ и гуломъ и дикими криками..

— А жаркая драка идетъ тамъ, промолвилъ наконецъ Бергъ, они вѣдь доберутся и до насъ.

— Меня даже удивляетъ, что до сихъ поръ нѣтъ нападенія, отвѣтилъ комендантъ.

— Какъ будто стихаетъ перестрѣлка, замѣтилъ гардемаринъ, не выпускавшій изъ рукъ бинокля.

— Плохой братъ признакъ, значитъ связались въ рукопашную, а нашихъ на лѣвомъ флангѣ вѣдь немного, отвѣтилъ Бергъ.

Какъ разъ противъ середины Калы, на гребнѣ стѣны, у непріятеля вспыхнуло нѣсколько огоньковъ и надъ головами офицеровъ провизжало нѣсколько пуль.

— Вотъ и у насъ началось, замѣтилъ лейтенантъ Ш—нъ и крикнулъ: гарнизонъ въ ружье! Прислуга къ орудіямъ!

Все быстрѣе и быстрѣе замелькали огоньки передъ Калой; больше и больше стало посвистывать пуль и шлепаться въ стѣну Калы.

— Прислугѣ у орудій лечь, стрѣлкамъ не высовываться! послышалась команда.

— Господамъ офицерамъ наблюдать, чтобы не было никакихъ разговоровъ, соблюдать полную тишину! распоряжался комендантъ, ухитряясь быть вездѣсущимъ.

Но вотъ какъ будто цѣлая сотня или тысяча шмелей прогудѣла надъ Калой. Послышалось шлепанье по стѣнамъ, по землѣ, поднялась пыль отъ стѣнъ Калы... Въ право-фланговую былъ пущенъ залпъ своими же съ лѣваго фланга! Наступила гробовая тишина...

— Всѣ цѣлы? послышался голосъ коменданта.

— Кажись всѣ, раздалось съ разныхъ сторонъ.

Горизонтъ освѣтился снова... и снова раздалась эта музыка, оледѣняющая нервы самаго храбраго человѣка—звукъ залпа пролетающаго надъ головой.

— Чортъ знаетъ что, они насъ переколотятъ, шепотомъ сказалъ подошедшій Бергъ.

— Значитъ тэкинцы обошли насъ, если наши стрѣляютъ въ эту сторону и ихъ залпы летятъ къ намъ, замѣтилъ гардемаринъ.

Изъ темноты вынырнулъ солдатикъ и подошелъ къ группѣ офицеровъ.

— Ваше бл-діе, обратился онъ къ прапорщику С—кину, на аванпостахъ лежать нельзя, потому свои пули сзаду падаютъ.

Офицеры переглянулись.

— А ты вели имъ, чтобъ не падали, пошелъ на мѣсто! крикнулъ прапорщикъ. Солдатъ сконфуженно повернулся налѣво кругомъ и исчезъ въ темнотѣ.

— Однако на солдатъ это производитъ очень дурное впечатлѣніе, если бьютъ своими же пулями, проговорилъ комендантъ и хотѣлъ еще что то сказать, но новый залпъ, посыпавшійся кругомъ, прервалъ его; тэкинцы тоже открыли усиленный огонь и наступилъ въ полномъ смыслѣ адъ. Отъ свиста и шлепанья своихъ и чужихъ пуль не было возможности разобрать даже громкой команды. Прислуга лежала у орудій свернувшись комочкомъ; кто могъ умѣститься подъ передкомъ или лафетомъ—залѣзъ туда. Аванпосты усердно отвѣчали непріятелю Атмосфера переполнилась порсховымъ дымомъ. Офицеры какъ то злобно расхаживали взадъ и впередъ.

— Николай Николаевичъ, послышался голосъ Берга, на насъ идутъ съ двухъ сторонъ.

Комендантъ быстро подошелъ къ поручику, стоявшему у бруствера, и взявъ бинокль увидѣлъ черную двигавшуюся массу— тэкинцы шли съ двухъ перпендикулярныхъ сторонъ на правофланговую.

Орудійная прислуга безъ команды сама поднялась и стала у орудій.

Многіе солдатики крестились.

— Ты, братецъ мой, въ случаѣ убьютъ меня, пойдешь въ деревню, такъ не забудь снести женѣ поклонъ и деньги, слышались фразы эти и такого же содержанія, произносимыя въ раз-

ныхъ мѣстахъ вдоль бруствера, гдѣ тѣсною стѣною стояли пѣхотные солдатики, положивъ ружья на брустверъ, готовые грудью встрѣтить тэкинцевъ.

— Ребята не шумѣть и слушать команду, раздался голосъ Ш—на. Помните, что помощи намъ ждать не откуда, значитъ надо драться до послѣдняго. Непріятель не выдержитъ хорошаго залпа, а кто и вскочитъ того приколемъ! Помните, что отступать некуда, остается умирать на своихъ мѣстахъ, будьте же молодцами!

— Постараемся, грянуло въ отвѣтъ изъ сотни людей и это „постараемся“ было не пустой фразой въ устахъ солдатъ; по тону было слышно, что люди не робѣютъ, а вполнѣ понимаютъ доводы начальника о необходимости не двигаться съ мѣста и умирать тамъ, гдѣ приказано

Наступила тишина; непріятель не стрѣлялъ по право-фланговой, боясь перебить своихъ, подходившихъ все ближе и ближе къ Калѣ. Свои, русскіе, залпы, такъ щедро сначала на насъ сыпавшіеся, тоже прекратились; только на лѣвомъ флангѣ продолжались глухіе раскаты орудійныхъ выстрѣловъ и ружейная трескотня, бомбы и ракеты также часто съ посвистываніемъ прорѣзывали темноту и несли смерть въ крѣпость, стѣны которой противъ лѣваго фланга продолжали покрываться вспышками ружейныхъ выстрѣловъ; словомъ тамъ, въ траншеяхъ, повсюду царила битва, разсыпая смерть направо и налѣво, а въ право-фланговой царило ожиданіе смерти! Послѣдняя вещь несравненно хуже; въ бою страхъ пропадаетъ, такъ какъ нѣтъ времени бояться, ожиданіе же штурма, когда видишь въ ночномъ мракѣ нѣчто черное, еще чернѣе самой ночи, движущееся тихо къ тебѣ, знаешь, что это черное—масса враговъ страшныхъ, звѣрскихъ, безпощадныхъ, съ которыми черезъ нѣсколько минутъ сцѣпишься грудь съ грудью въ ожесточенномъ и неравномъ бою, это ожиданіе производитъ впечатлѣніе ни съ чѣмъ несравнимое.

Комендантъ нервными шагами прохаживался по фасу, не сводя глазъ съ двигавшагося непріятеля. Поручикъ Бергъ сидѣлъ на хоботѣ праваго орудія, готовясь немедленно повернуть орудіе въ сторону нападенія.

У картечницы, со вставленнымъ питомникомъ, полнымъ патроновъ, стоялъ гардемаринъ, готовясь дать сигналъ вертѣть рукоятку и послать 500 выстрѣловъ въ минуту въ эту грозную черную массу, шумъ отъ движенія которой ясно уже доносился...

Но вотъ шумъ прекратился и изъ мрака послышался голосъ, но послышался такъ близко, что казалось говорившій или, лучше сказать, кричавшій былъ въ нѣсколькихъ шагахъ; затрещало изъ мрака нѣсколько выстрѣловъ, раздались крики... и гарнизонъ право-фланговой вздохнулъ свободно: тэкинцы не рѣшились атаковать. Тщетно звалъ ихъ предводитель, оставшійся передъ укрѣпленіемъ, призывалъ Аллаха на помощь для борьбы съ „урусомъ“—все было напрасно: полная, грозная тишина, царствовавшая въ Калѣ, навела на нихъ ужасъ и соблюденію этой тишины гарнизонъ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ. Ничто не наводитъ такого страха на аттакующаго, какъ готовность къ бою противника, выражающаяся въ этой подавляющей тишинѣ; можетъ хватить духу пройдти большое разстояніе, не подвергаясь выстрѣламъ непріятеля, но подойдти къ самому рву и здѣсь получить залпъ картечи и изъ винтовокъ—не дисциплинированному непріятелю трудно; гробовая тишина аттакуемаго показываетъ, что это люди выдержанные, не пускающіе выстрѣловъ на воздухъ; тэкинцы поняли это и отступили...

Вздохъ облегченія вырвался у всѣхъ; да не подумаетъ читатель, что въ право-фланговой Калѣ были люди робкіе, трепетавшіе при видѣ опасности, нѣтъ, на оборотъ, подборъ офицеровъ былъ очень хорошій; каждому изъ нихъ приходилось много разъ смотрѣть въ упоръ въ глаза смерти, каждый изъ нихъ раньше

или впослѣдствіи своею кровью упрочилъ за собой почетное имя храбраго, такъ что да не припишетъ читатель вздохъ облегченія радости труса, увидѣвшаго, что опасность миновала—нѣтъ, это была радость при сознаніи, что право-фланговая нами удержана; каждый изъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ понималъ, что перейди право-фланговая въ руки тэкинцевъ, нашъ лѣвый флангъ, уже аттакованный, былъ бы окончательно снятъ и Богъ вѣсть чтобы изъ этого было!

Повсюду снова послышался сдержанный шопотъ и разговоры; солдатики зло подсмѣивались надъ предводителемъ аттаковавшихъ, оставшимся solo.

— Ну и воинство, братецъ ты мой, говорилъ пѣхотный солдатикъ, присѣвшій на землѣ и раскуривавшій трубочку, матросу, пользовавшемуся минутой затишья, чтобы погрызть сухарь; и чего это они спужались?

— Чего? извѣстно пасъ! Вѣдь нѣшто они не знаютъ, что у насъ и пушки и картечницы есть, поди чай днемъ вѣдь видятъ, ну и ровъ тоже широкій, не перелѣзешь, вотъ и заворотили оглобли! отвѣчалъ матросикъ съ полнымъ сознаніемъ непоколебимой истины своихъ словъ.

Въ группѣ артиллеристовъ слышалась бесѣда о плохой дисциплинѣ непріятеля, выражавшаяся въ очень нелестныхъ для тэкинцевъ формахъ.

— Тоись взялъ бы ихъ прохвостовъ всѣхъ да банникомъ, банникомъ, горячился фейерверкеръ; нѣшто это виданное дѣло, чтобы начальства не слушать? Онъ имъ кричитъ: „пойдемъ ребята впередъ, не бойсь“, а они говорятъ: „не хотимъ“ и въ разныя тоись сейчасъ стороны!

— Да вѣдь дяденька у нихъ начальство не настоящее, потому они вѣдь не солдаты, вставилъ словечко молодой солдатъ.

— Ахъ ты деревня, прервалъ его фейерверкеръ, да рази

можетъ быть, чтобъ у нихъ не было начальства? Гдѣ-жъ есть такая земля, чтобъ не было солдата съ начальствомъ? У нихъ все начальство въ красныхъ халатахъ, вотъ это и есть ихъ самые офицера!

— Шутъ тебя возьми! слышъ какъ кричатъ доселева еще, проговорилъ матросикъ у картечницы, подкладывая камешки подъ колеса, чтобы она отъ стрѣльбы не сдвинулась съ мѣста.

Дѣйствительно въ отдаленіи все еще слышался голосъ тэкинскаго „начальства“.

— Ну и горло же, какъ онъ не охриплетъ, кричитъ, кричитъ,—все толку нѣтъ, острили солдаты, продолжавшіе стоять вдоль по брустверу.

— А какъ бы онъ не накричалъ чего нибудь, замѣтилъ Владиміръ Александровичъ Бергъ, они, пожалуй, и вторично подойдутъ.

— Теперь братъ не бѣда, страшенъ первый натискъ, разъ у нихъ не хватило храбрости броситься безъ выстрѣла въ шашки—едва-ли они повторятъ нападеніе, возразилъ гардемаринъ.

— Все таки не мѣшаетъ принять мѣры предосторожности, сказалъ подошедшій прапорщикъ С—кинъ; эй, солдатикъ! принеси-ка братъ уголька или лучинку посвѣтить мнѣ!

Черезъ нѣсколько времени солдатъ явился съ пылавшей лучиной. Прапорщикъ вынулъ изъ кобура револьверъ и началъ осматривать его, ворочая барабанъ и пробуя спускать курокъ, чтобы убѣдиться можно ли его пустить въ ходъ въ критическій моментъ боя; не успѣлъ онъ окончательно осмотрѣть его, какъ нѣсколько пуль свиснуло очень близко около офицера и солдата, державшаго лучину; послѣдній отъ неожиданности выронилъ импровизованный свѣточъ.

— Ты что оболдѣлъ, что ли? крикнулъ разсерженный С—кинъ.

— Вишь палитъ, ваше б—діе, смущенно отвѣтилъ хохолъ солдатикъ, затоптывая ногою тлѣвшуюся лучину.

— А тебѣ какое дѣло до того, что онъ палитъ? Въ лучину онъ что ли тебѣ попалъ или въ руку? Какой же ты солдатъ, коли боишься пули, когда она летитъ мимо! Смотри братъ, трусовъ всегда прежде всѣхъ убиваютъ. Ступай на мѣсто!

Прапорщикъ вложилъ револьверъ въ кобуру, перелѣзъ черезъ брустверъ и его фигура пропала въ темнотѣ въ направленіи, гдѣ лежали аванпосты. На лѣвомъ флангѣ перестрѣлка то замолкала, то снова разгоралась. Артиллерійская стрѣльба не умолкала; бомбы летѣли въ крѣпость цѣлыми букетами по 6, по 8 штукъ; ракеты по прежнему на мгновеніе освѣщали мракъ своимъ длиннымъ хвостомъ и съ шипѣніемъ падали въ крѣпость, гдѣ крики не уменьшались..

Право-фланговая Кала пользовалась непродолжительнымъ отдыхомъ; снова съ двухъ сторонъ засвистали пули и послышались воинственные крики тэкинцевъ и снова повторилась описанная выше картина; грозная тишина панически подѣйствовала на непріятеля и эта грозная масса отхлынула, не смотря на одобреніе ея громкими криками вожаковъ и предводителей....

Не прошло 10 минутъ, какъ съ новыми криками, при учащенной пальбѣ части непріятеля съ другой стороны и со стороны крѣпости, тэкинцы атаковали право-фланговую. Атака велась энергично; непріятель подошелъ ближе чѣмъ на сотню шаговъ; пришла пора открыть огонь. Послышался голосъ лейтен. Ш—на.

— Открыть огонь по моей командѣ! Стрѣлкамъ дать по два залпа. Орудіямъ и картечницамъ начать дѣйствовать вмѣстѣ съ пѣхотой.

— Рота—товсь! Рота—пли!

Грянулъ дружный, согласный залпъ стрѣлковъ.. Блеснувъ краснымъ пламенемъ рявкнуло орудіе, послышался пронзительный

свистъ удаляющейся картечи и весь этотъ шумъ покрылся отчетливымъ тактомъ картечницы: та-та-та... звукомъ непрерывныхъ періодическихъ ударовъ... Второе орудіе изгрыгнуло пламя и при свѣтѣ выстрѣла ясно были видны фигуры непріятеля; выстрѣлъ этотъ произвелъ должно быть страшное опустошеніе въ рядахъ враговъ: послышались крики, вопли... а двѣ картечницы продолжали трещать, наполняя весь воздухъ свистомъ пуль... Второй залпъ прорѣзалъ мракъ огненной линіей, неся дождь пуль атаковавшимъ... Этого было черезъ чуръ много для тэкинцевъ... Крики стали удаляться, послышался шумъ бѣгущей толпы... Правофланговая отстояла себя.

— Окончить стрѣльбу, аванпосты на свои мѣста, послышалась команда лейтенанта Ш—на, произнесенная такъ спокойно, какъ будто ничего особеннаго не случилось и все это происходило только на ученьи.

Длинный поручикъ, все время сидѣвшій на хоботѣ орудія, уже вновь заряженнаго картечью и наводившій его, всталъ, вытянулся во весь ростъ, зѣвнулъ, потянулся и изъ подъ усовъ промычалъ:

— Ну кажется все кончилось, теперь бы и соснуть...

А крики все еще раздавались передъ Калой... Особенно рѣзко выдѣлялся чей-то голосъ, звавшій кого то; солдатикъ татаринъ на вопросъ гардемарина „кто это кричитъ тамъ и зоветъ кого то такъ жалобно“, отвѣтилъ:

— Это онъ, ваше б-діе, кричитъ брата, гдѣ ты? говоритъ.

Очень и очень близко слышались переговаривавшіеся голоса; нѣтъ, нѣтъ и въ отвѣтъ на разговоры сверкнетъ нѣсколько выстрѣловъ съ нашихъ аванпостовъ, все примолкнетъ на минуту и снова послышатся гортанные звуки, кого-то зовущіе. Какое-то странное щемящее сердце впечатлѣніе производили въ густомъ мракѣ ночи эти крики... Изъ крѣпости тоже доносились крики,

обращенные вѣроятно къ непріятелю, бродившему около нашей Калы ..

Офицерство собралось у бруствера; сколько удовольствія слышалось въ голосахъ говорившихъ! Оно и понятно—удачно отбитый штурмъ, безъ потерь съ нашей стороны, представлялся громаднымъ успѣхомъ для людей, уже собиравшихся умирать и хлопотавшихъ умереть только „съ шикомъ“, не съ тѣмъ гвардейскимъ шикомъ, которымъ отличаются на паркетѣ въ Петербургѣ иные щеголи въ раззолоченныхъ мундирахъ, нѣтъ, съ шикомъ „глубокаго армейца“, умирающаго, не покидая ввѣреннаго ему поста, на грудѣ убитыхъ имъ враговъ.

Всѣ повеселѣли и гардемаринъ даже „загнулъ“ такой анекдотъ, что вся публика покатилась со смѣху и заявила, что такихъ анекдотовъ нельзя разсказывать даже и въ степи... Всѣ стали такъ близки другъ другу послѣ испытанной опасности, какъ будто это были члены одной семьи, семьи дружной. Оживленная, страстная бесѣда, полная высказываемыхъ откровенно другъ другу впечатлѣній, велась въ этой кучкѣ людей, много пережившихъ въ какіе нибудь полчаса; если пришлось бы встрѣтиться черезъ много, много лѣтъ двумъ изъ этого общества, то я убѣжденъ, что разговоръ начнется фразой: „а помнишь право-фланговую“? и польются воспоминанія рѣкой...

Прошло слишкомъ два года, но воспоминанія и впечатлѣнія этой ночи не изгладились у меня; такъ и кажется, что это было вчера! И жалко иной разъ станетъ, чуть не до слезъ, что все это миновало и приходится вращаться въ будничной средѣ, въ пошлой свѣтской обстановкѣ, полной грязи и дрязгъ житейскихъ... Хочешь найдти что нибудь подходящее къ нравамъ и отношеніямъ боевыхъ товарищей и натыкаешься на буржуазные, мелочные типы... Душно, скверно становится и поневолѣ углубляешься въ самого себя и живешь воспоминаніями, вызываешь въ своей па-

мяти типы и лица съ ихъ лагернымъ отпечаткомъ въ характерѣ и привычкахъ, чуждыхъ этому „отполированному“ свѣту, гдѣ люди, вмѣстѣ съ полировкою, теряютъ свои лучшія качества.

Посмотришь по внимательнѣе на представителей разныхъ слоевъ общества, проведешь параллель между нашими людьми, съ которыми жилъ тревожною походною жизнью цѣлый годъ и невыразимое чувство омерзенія вскипаетъ на душѣ и такъ и тянетъ въ степь, съ ея пескомъ и 50 градусной жарой—тамъ лучше, безконечно лучше, нѣтъ ни Рыковыхъ, похищающихъ милліоны, не омерзительныхъ кокодесовъ съ одноглазкой, гуляющихъ по Невскому съ цѣлью попасть на содержаніе къ какой нибудь купчихѣ, ни прочей иной гадости....

Впрочемъ увлекаться не полагается; оставляю на время проводить параллель между свѣтскою и лагерною жизнью и возвращаюсь къ описанію событій въ право-фланговой.

Тэкинцы, оказалось, не удовольствовались этимъ нападеніемъ: прошло нѣсколько времени и снова раздались выстрѣлы и крики и снова неугомонный непріятель двинулся на Калу, безмолвно его ожидавшую...

Въ это время съ лѣваго фланга ясно раздались въ ночной тишинѣ мелодичные и торжественные звуки „марша добровольцевъ“ и громкіе раскаты „ура“!... Прошло мгновеніе и непріятель бросился бѣжать, не выдержавши этого новаго впечатлѣнія... Въ 4-й и послѣдній разъ право-фланговая была спасена, тэкинцы ушли назадъ въ Геокъ-Тепе.

Черезъ нѣкоторое время со стороны лѣваго фланга послышался конскій топотъ и прибѣжалъ солдатикъ доложить, что идетъ наша кавалерія. Генералъ Скобелевъ прислалъ эскадронъ драгунъ въ помощь гарнизону право-фланговой. Офицеры разсказали много печальныхъ вещей о событіяхъ на лѣвомъ флангѣ.

Постараюсь передать читателямъ эти событія на сколько можно вѣрнѣе и полнѣе.

Въ этотъ вечеръ наши саперные офицеры, съ нѣсколькими рядовыми, вышли изъ передовой, второй параллели, отмѣтить мѣсто для заложенія новой, ближайшей къ непріятелю траншеи. Едва они начали работу, какъ замѣтили какую-то черную массу, ползущую на нихъ: тэкинцы безъ шума, безъ выстрѣла, дѣлали вылазку. Офицеры бросились назадъ въ разныя стороны къ нашимъ параллелямъ, преслѣдуемые тэкинцами, которые, видя, что они замѣчены, перестали скрываться и съ дикими криками бросились въ аттаку; молодой герой, саперный поручикъ Сандецкій, бѣжалъ на брустверъ крича: „стрѣляйте, насъ немного, сзади тэкинцы!“ Солдаты въ траншеяхъ растерялись; непріятель вскочилъ въ траншеи, гдѣ былъ 4-й баталіонъ Апшеронскаго полка и началась страшная рѣзня....

Защищая свое знамя, легли на мѣстѣ: баталіонный командиръ князь Магаловъ, ротный командиръ поручикъ Чикоревъ, подпоручикъ Готто и батальонный врачъ Троцкій; изъ роты въ сто слишкомъ человѣкъ осталось 8 или 10 нижнихъ чиновъ... Все было изрублено и святыня баталіона — знамя попало въ руки непріятеля; знаменщикъ былъ найденъ въ безчувственномъ состояніи, покрытый сабельными ударами и умеръ, не придя въ себя и не разсказавъ подробности этой борьбы! Горное орудіе, бывшее въ траншеяхъ, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ картечью, попалось въ руки непріятеля, но бравые артиллеристы всѣ легли около: ни одинъ изъ прислуги не оставилъ своего мѣста...

Возлѣ орудія палъ смертью храбрыхъ полковникъ князь Мамацовъ, начальникъ артиллеріи лѣваго фланга и командиръ 4-й батареи 20-й артиллерійской бригады; тэкинцы, изрубивши все, что попалось на пути, широкой рѣкой разлились повсюду, собирая мертвыхъ, снимая съ нихъ даже платье. Большая часть бросилась

во вторую параллель, нѣкоторые же устремились на лагерь; прорвавшіеся во вторую параллель наткнулись на туркестанцевъ, подъ командою полковника Куропаткина; хладнокровные залпы этой части заставили тэкинцевъ повернуть и туркестанцы, къ которымъ примыкали по дорогѣ отдѣльные солдатики разбитыхъ защитниковъ 1-й параллели, шли очищая траншеи отъ непріятеля... Тэкинцы ушли въ крѣпость, по которой открылась страшная канонада изъ всѣхъ орудій.

Вотъ вкратцѣ описаніе этой страшной вылазки, такъ дорого стоившей намъ, но еще дороже непріятелю. Послѣ отбитія, генералъ Скобелевъ приказалъ играть музыкѣ и продолжать начатыя работы; убитые и раненые были убраны, траншеи усиленно заняты войсками и все вошло въ обычную колею; воспоминаніемъ о рѣзнѣ осталось только нѣсколько сотенъ непріятельскихъ труповъ, лежавшихъ повсюду и еще не прибранныхъ, да земля, пропитанная кровью..... На другой день въ траншеяхъ было найдено нѣсколько женскихъ труповъ; у одной убитой въ рукахъ была длинная палка съ насаженной на концѣ половиной ножницъ; красиво разбросавшись, лежала эта тэкинская Жанна Д'Аркъ съ нѣсколькими штыковыми ранами, сжимая свое импровизованное оружіе въ рукѣ, съ выраженіемъ ненависти на искаженномъ лицѣ....

Въ лагерѣ, на другой день, около одного изъ наметовъ собралась небольшая кучка офицеровъ по очередно входившихъ туда, снимая фуражки; на полу стояло около десятка носилокъ, покрытыхъ полотномъ, вошедшіе приподымали полотно и у многихъ навертывались слезы при видѣ обезображеннаго „нѣчто“, которое нѣсколько часовъ тому назадъ жило, думало, надѣялось.. Вотъ лежитъ Сандецкій съ перерубленнымъ горломъ и безъ верхней части черепа, снесеннаго шашкой; открытые глаза потускнѣли, ничего не выражаютъ... а недавно они еще блестѣли юморомъ, отвагой, добродушіемъ... Вотъ Готто, красивый нѣкогда брюнетъ,

котораго нельзя узнать, такъ какъ семь шашечныхъ ранъ обезобразили его лицо, и только усы, чудные, длинные усы заставляютъ его узнать....

Но опустимъ полу намета за собой и выйдемъ, перекрестившись за упокой души убитыхъ храбрецовъ; имъ можетъ быть теперь лучше, чѣмъ оставшимся въ живыхъ.

Война заставляетъ человѣка удивительно легко относиться къ жизни ближняго; смерть производитъ только минутное непріятное впечатлѣніе и за тѣмъ снова все входитъ въ свою колею.

Не дай вамъ Богъ читатель быть на войнѣ: скверно, очень скверно, сознаешь это самъ, а всетаки вновь тянетъ и тянетъ, такъ какъ тамъ только чувствуешь, что живешь, а не прозябаешь какъ въ нашихъ городахъ, среди плѣсени и скуки мирной жизни!

Война зло, но зло увлекательное.

VI.

Въ горахъ Коппетъ-Дага.

Для многихъ изъ моихъ читателей горный хребетъ Коппетъ-Дагъ есть нѣчто новое, о чемъ когда-то, давно, можетъ быть, и трактовалось въ географіи, но затѣмъ это названіе совершенно исчезло изъ памяти, да и неудивительно, если и исчезло; мыслимое ли дѣло помнить всѣ названія малозначущихъ возвышенностей, озеръ и рѣчекъ, которыми такъ изобилуютъ всѣ учебники географіи? Если уважаемый читатель не полѣнится возобновить немного въ своей памяти географическія свѣдѣнія, въ чемъ я охотно помогу ему, то я буду вполнѣ этимъ доволенъ, такъ какъ неудобно разсказывать о событіяхъ, происходящихъ для читателя въ совершенно неизвѣстной мѣстности, „гдѣ-то на поверхности земнаго шара“.

Къ восточному берегу Каспійскаго моря примыкаетъ обширная низменность, въ южной части которой и приходилось дѣйствовать нашимъ войскамъ во время всѣхъ предпринимавшихся экспедицій противъ туркменъ племени тэкке. Я не буду вдаваться въ подробное географическое и этнологическое описаніе этого края, такъ какъ въ отдѣльномъ очеркѣ намѣренъ ознакомить читателей съ характеромъ страны и ея обитателей, теперь же ска-

жу только, что юговосточная часть вышеназванной низменности изрѣзана нѣсколькими горными цѣпями. Отъ г. Красноводска, по берегу залива, до песковъ Чиль-Маметъ-Кумъ идетъ хребетъ Курямынъ-Кары; отъ этихъ песковъ на юго-востокъ тянется хребетъ Кюрянъ-Дагъ, продолженіе котораго, до развѣтвленій горъ Ала-Дагъ въ персидской провинціи Ширвань, носитъ названіе Копетъ-Дагъ или Даманъ и Кухъ. Этотъ хребетъ представляетъ собою югозападную границу Тэкинскаго оазиса; съ юго-востока служатъ границею пески; такимъ образомъ оазисъ представляетъ узкую полосу, изрѣзываемую во многихъ мѣстахъ ручейками и представляющую вслѣдствіе этого нѣкоторыя удобства для осѣдлой жизни. Читатель, интересующійся точнѣе узнать мѣстоположеніе хребета Копетъ-Дагъ, соблаговолитъ обратиться къ картѣ Закаспійскаго края, приложенной къ февральской книжкѣ „Морскаго Сборника“ за 1882 годъ; на этой картѣ нанесены всѣ пункты, упоминаемые въ моихъ очеркахъ; а теперь читатель послѣдуйте за мной въ горы, гдѣ вы, взбираясь по скалистымъ тропинкамъ, спускаясь въ зеленѣющія долины и проходя мрачныя, никогда не видавшія солнечнаго луча ущелья, найдете много интереснаго и новаго для себя.

Раннимъ, прохладнымъ утромъ, въ началѣ сентября 80 года, дорога на Бендессенскій перевалъ представляла чудный живописный видъ. Громадныя, нависшія скалы, покрытыя темною зеленью кипарисовъ, освѣщенныя блѣдно-розовымъ свѣтомъ восходящаго солнца пропадали въ перспективѣ картины въ безоблачномъ голубомъ небѣ... Извилистая тропинка то исчезала изъ глазъ наблюдателя, спускаясь въ глубокіе провалы, то снова, уже далеко, вилась бѣлой нитью, подымаясь въ гору; далеко, далеко громадной стѣной синѣлся главный хребетъ Копетъ-Дага; дорогу пересѣкалъ ручей; прозрачный, холодный вился онъ блестящій нитью, пропадая на берегу обрыва, куда низвергался съ мелодич-

нымъ шумомъ, сверкая на солнцѣ милліонами брызгъ и, расходясь на нѣсколько другихъ ручейковъ, орошалъ дно этого провала, покрытаго изумрудной зеленью травы, въ которой пропадаетъ для взора всадникъ вмѣстѣ съ лошадью. Красноватые голые утесы, образующіе стѣны этого провала, составляли своею безплодностію и обнаженнымъ видомъ полную противуположность съ этой чудною зеленью, покрывавшей дно обрыва; для наблюдателя эта котловина показалась бы замкнутой: нигдѣ не было видно выхода; съ трехъ сторонъ она замыкалась отвѣсными скалами около 800 футъ вышиною, съ четвертой стороны, обращенной къ дорогѣ на Бендессенскій перевалъ, снова имѣла покатость и выступы, съ лежавшими въ нихъ камнями громадной величины, вѣроятно когда нибудь оторвавшимися отъ утеса подъ вліяніемъ волканической работы почвы. Спуститься казалось невозможнымъ въ этотъ провалъ, а спуститься надо было той группѣ людей, которая въ это утро собралась на берегу ручья, на самомъ краю обрыва.

Здѣсь, въ самыхъ разнообразныхъ позахъ лежали, сидѣли и стояли субъекты, въ которыхъ, съ перваго раза, трудно было бы узнать солдатъ; царствовало полное смѣшеніе цвѣтовъ въ одеждѣ: виднѣлись красныя кумачевыя рубахи, бѣлыя гимнастическія, желтыя ситцевыя съ разными разводами; штаны красныя и зеленыя, кожанныя туркестанскаго издѣлія, казенныя суконныя съ большими заплатами на колѣняхъ изъ кожи; на нѣкоторыхъ, очень немногихъ, виднѣлись выцвѣтшіе мундиры, сдѣлавшіеся зелено-бутылочнаго цвѣта, сквозь изобильныя дыры которыхъ виднѣлась смуглая, загорѣлая кожа. Обувь была также разнообразна какъ и платье: высокіе сапоги, поршни изъ бараньей кожи, обращенные мѣхомъ къ верху, лапти, сплетенные изъ ремешковъ самыхъ разнообразныхъ фасоновъ и т. п. Единственно почему можно было догадаться, что передъ вами находятся русскіе воины, а не сбо-

рище разбойниковъ, это по фуражкамъ, околоши которыхъ, подъ слоемъ пыли и грязи, нельзя было различить по цвѣтамъ. Нѣсколько человѣкъ было въ папахахъ и верхнее платье ихъ состояло изъ черкесокъ съ подоткнутыми полами; шляпки бердановскихъ патроновъ выглядывали изъ газырей во всю ширину груди. Тамъ и сямъ валялись скатанныя шинели; винтовки не были составлены въ козлы, а лежали возлѣ сидѣвшихъ или же растянувшихся на землѣ солдатиковъ и были въ рукахъ у стоявшихъ или ходившихъ: мѣра предосторожности въ случаѣ нечаяннаго нападенія. Шагахъ въ 400 отъ этой группы, на вершинѣ холма, виднѣлся силуэтъ часоваго, осматривавшаго въ бинокль окрестности.

Эта кучка людей представляла изъ себя половину охотничьей команды штабсъ-капитана Сл—го; другая половина оставалась въ укрѣпленіи Бендессенъ. Самъ Сл—скій находился тутъ, равно какъ и гардемаринъ М—ръ, а также урядникъ баронъ Л—стернъ. Всѣ трое лежали на буркахъ, разосланныхъ на берегу ручейка, шагахъ въ десяти выше по теченію отъ мѣста расположенія солдатъ и пили чай изъ стакановъ, сдѣланныхъ изъ бутылокъ, раньше мною описаннымъ способомъ. Подойдемъ читатель поближе и послушаемъ о чемъ говоритъ это тріо, такъ какъ бесѣда ихъ быть можетъ объяснитъ намъ присутствіе охотниковъ въ этомъ мѣстѣ и ихъ дальнѣйшія намѣренія.

— Весь вопросъ въ томъ: имѣетъ ли эта котловина выходъ, говорилъ гардемаринъ прихлебывая чай и выпуская облака дыма изо рта; если нѣтъ выхода, то не стоитъ и спускаться туда, такъ какъ едва-ли тэкинцы вздумаютъ спуститься въ такую мышеловку, откуда выбраться труднѣе, чѣмъ попасть туда...

— Совершенно согласенъ, но вѣдь слѣды крови довели насъ какъ разъ до этого обрыва; надо предположить, что тэкинцы убили джигита, но не успѣли его обобрать и, заслышавъ

шумъ приближающагося транспорта, стащили его до обрыва и бросили туда, разсчитывая потомъ воспользоваться своей добычей, спустившись въ провалъ.

— Но они вѣроятно сейчасъ же и спустились туда, потому, что казаки не видали ни одного изъ нихъ, хотя лужа крови не успѣла еще высохнуть, когда они подъѣхали, значитъ времени прошло очень мало, вставилъ слово баронъ, говорившій по русски очень неправильно и съ сильнымъ иностраннымъ акцентомъ.

— Если они залѣзли только въ эту яму и нѣтъ другаго выхода, тогда имъ придется не особенно пріятно, съ холодною улыбкой замѣтилъ Александръ Ивановичъ.

— Много ли ихъ можетъ быть? спросилъ баронъ, ни къ кому въ особенности не обращаясь.

— Если бы было много, они напали бы на транспортъ; даже если бы и не хватило у нихъ на это храбрости, то всетаки большая толпа не могла такъ быстро исчезнуть, какъ будто сквозь землю провалилась, замѣтилъ молодой морякъ.

— Чѣмъ больше—тѣмъ лучше, господа; не забудьте насъ 37 человѣкъ, а баронъ съ своими 12 казаками дрался 9 часовъ противъ 300 человѣкъ, значитъ партія въ нѣсколько сотенъ не можетъ представлять для насъ опасности.

— Только бы не было тамъ другаго выхода, вотъ въ чемъ вопросъ, добавилъ Сла—скій и замѣтилъ—не пора ли подыматься?

— Да оно лучше, пока не жарко, согласился морякъ.

— Въ ружье! крикнулъ командиръ охотниковъ. Солдатики засуетились. Скатанныя шинели надѣты, баклажки наполнены водой, вся амуниція приспособлена такимъ образомъ, чтобы не мѣшать ходьбѣ и не шумѣть.

Фельдфебель выстроилъ команду.

Александръ Ивановичъ подошелъ къ командѣ съ неизмѣн-

нымъ бердановскимъ карабиномъ въ рукахъ и, остановившись по срединѣ фронта, произнесъ:

— Ребята! мы сейчасъ спустимся въ эту яму, которую вы видѣли; спускъ трудный, но такимъ молодцамъ, какъ вы, это ни почемъ, надѣюсь; на днѣ должно быть сидятъ тэкинцы, убившіе вчера джигита, придется подраться, смотри же молодцы не плошать. Безъ команды не стрѣлять и близко непріятеля къ себѣ не подпускать, на шашкахъ они дерутся больно хорошо; въ плѣнъ ни одного человѣка не брать! Слышите ребята?

— Постараемся, ваше б—діе! рявкнули молодцы.

— Штыки отомкнуть! Полурота—товсь!

Защелкали замки берданокъ, патроны вложены.

— Курки на первый взводъ!

— На пра-во! Ружья вольно! Шагомъ маршъ!

— Петровъ, Кузьминъ и ты Долбня ступайте впередъ, такъ шаговъ на 400 отъ насъ, да зорко смотрѣть; въ случаѣ чего—стрѣляй! приказалъ Александръ Ивановичъ.

Два солдатика и казакъ выдѣлились изъ полуроты, въ припрыжку побѣжали къ краю оврага и черезъ нѣсколько секундъ исчезли.

Сл—скій шелъ впереди команды; сзади него трубачъ и одинъ изъ рядовыхъ.

Начался спускъ; не было даже тропинки. Камни большіе и малые были нагромождены въ безпорядкѣ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно было поставить только одну ногу. Осторожно опираясь плечемъ объ отвѣсную стѣну слѣва и не смотря въ пропасть, глубиною сажень въ тридцать, справа, солдатики пробирались впередъ; иногда изъ подъ ногъ выскользалъ камешекъ и вотъ, вотъ кажется смерть неминуема, но солдатикъ не терялъ равновѣсія и, отдѣлавшись только испугомъ, продолжалъ медленно подвигаться впередъ; маленькій отрядъ растянулся длинной

лентой. Положеніе охотниковъ было таково, что два тэкинца, помѣстившіеся гдѣ нибудь за камнями съ бердановскими винтовками, могли ихъ перебить совершенно свободно; къ счастью для смѣльчаковъ тэкинцевъ не было видно и отрядъ по немногу подвигался впередъ. Но вотъ Александръ Ивановичъ остановился, солдатики стали одинъ за другимъ собираться, весь отрядъ тронулся и, прижавшись къ скалѣ, ожидалъ объясненія, что значитъ эта остановка.

— Не растягивайтесь очень, ребята, и не шумите, въ полъголоса обратился командиръ охотниковъ къ солдатамъ съ напряженнымъ вниманіемъ слушавшимъ его; если невзначай по насъ откроютъ пальбу, ложись, присѣдай кому какъ удобнѣе, а главное на вѣтеръ патроновъ не выпускай! Ну, съ Богомъ впередъ! И Александръ Ивановичъ снова пошелъ впередъ твердо и вмѣстѣ съ тѣмъ легко ступая по краю обрыва, слегка наклонившись въ лѣвую сторону; солдатики не отставали, обмѣниваясь между собой тихими фразами.

— Ну и дорога, неча сказать! пробормоталъ молодой саперъ охотникъ, у котораго изъ подъ сдвинутой на затылокъ кепи крупными каплями катился потъ; и чего бы кажись не прислать сюды нашу роту расчистить эту чертову гору....

— Эка тоже сказалъ! возразилъ идущій впереди апшеронецъ, не поворачивая головы въ сторону говорившаго, нешто можно кажинную горку расчищать! А кто бы сталъ на Бендессенскомъ перевалѣ работать, кабы вашу роту сюды послать?

Саперъ, убѣжденный непреложностью сужденій своего товарища, замолчалъ и только изрѣдка усиленно сопѣлъ носомъ, когда непривычные къ горной ходьбѣ ноги расползались и онъ рисковалъ полетѣть на дно обрыва.

Замыкалъ шествіе вышеупомянутый баронъ Л—стернъ, урядникъ Таманскаго казачьяго полка. Онъ едва поспѣвалъ за отря-

домъ, уморительно ковыляя. Его привыкшіе къ верховой ѣздѣ ноги окончательно отказывались отъ горнаго похода; за нимъ шелъ его человѣкъ, латышъ, сопровождавшій его повсюду и служившій вьючной лошадью: онъ несъ бурку барона, мѣшокъ съ съѣстными припасами, смѣну бѣлья для своего господина и всякаго рода рухлядь. Этотъ современный Санчо Пансо былъ дѣйствительно образцемъ слугъ; навьюченный такъ безжалостно, онъ бодро шагалъ и перекидывался съ своимъ бариномъ по временамъ нѣсколькими латышскими фразами, на которыя баронъ отвѣчалъ угрюмымъ ворчаніемъ; по временамъ изъ его устъ вылетало восклицаніе вродѣ „доннерветтеръ“! и затѣмъ онъ снова съ пыхтеніемъ торопился догнать шедшихъ впереди солдатъ, отъ которыхъ онъ отставалъ.

Личность барона на столько интересна, что я попытаюсь разсказать его исторію читателю, не боясь, что онъ за чтеніемъ похожденій этого ахалъ-тэкинскаго Донъ-Кихота соскучится.

Баронъ Л—стернъ, нѣмецъ jusqu' au bout des ongles; его фатерландъ—Курляндія. Тамъ находятся у него большія помѣстья, дающія ему около двадцати тысячъ годоваго дохода. Воспитаніе баронъ, какъ прилично нѣмцу, получилъ въ одномъ изъ германскихъ университетовъ; русскій языкъ представляетъ для него камень преткновенія и прочесть письмо, написанное по-русски, будетъ для него труднѣе, чѣмъ разобрать какую нибудь надпись гіероглифами на древнемъ египетскомъ обелискѣ. Понятія —самыя феодальныя; человѣческимъ достоинствомъ и чувствами обладаютъ, по его мнѣнію, только экземпляры нѣмецкаго происхожденія, имѣющіе счастіе ставить передъ фамиліей частичку „фонъ“ или какой нибудь титулъ.

Барону лѣтъ 27, но онъ никакъ не можетъ получить офицерскій чинъ, такъ какъ экзаменъ надо сдавать не по-нѣмецки, по-англійски или по-французски, а по русски, изученіе же „die-

ser barbarischen Sprache", какъ я говорилъ выше, барону не дается. Онъ служилъ въ лейбъ-гвардіи гусарскомъ полку, участвовалъ въ турецкой кампаніи 77—78 года, но офицерскаго чина не получилъ. Разсердившись на подобную „несправедливость", онъ вышелъ въ отставку и жилъ то заграницей, то въ имѣніи. Прослышавъ про экспедицію, баронъ взялъ нѣсколько тысячъ рублей, своего Санчо-Пансо и явился въ отрядъ, гдѣ и былъ зачисленъ урядникомъ въ Таманскій казачій полкъ. Онъ командовалъ 12 казаками, составлявшими конвой доктора Студитскаго, когда на эту горсточку людей было сдѣлано нападеніе, о которомъ я говорилъ въ одномъ изъ предъидущихъ очерковъ. Не смотря на самые разнорѣчивые слухи, ходившіе въ отрядѣ о поведеніи барона въ этомъ дѣлѣ, я могу только заявить, что видѣлъ его въ огнѣ и въ очень крупныхъ схваткахъ совершенно хладнокровнымъ, такъ что его репутація, какъ храбраго человѣка, не можетъ быть оспариваема.

Въ высшей степени деликатный, предупредительный, обладающій свѣтскимъ лоскомъ, баронъ вѣроятно можетъ быть прекраснымъ собесѣдникомъ въ гостинной, но какъ походный товарищъ—оставляетъ желать много лучшаго, особенно бываетъ онъ невыносимъ, когда начинаетъ жаловаться на недостатокъ комфорта въ походѣ, на грязь, въ которой приходится жить, на недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, на жару и прочія лишенія; тутъ и безъ того тяжело, случается что позабудешься, примиришься съ своей судьбой—вдругъ является баронъ съ своими сѣтованіями и бередитъ самыя чувствительныя раны, хотя на минуту забытыя. Я достаточно очертилъ этотъ рѣдкій въ походѣ экземпляръ, теперь возвращаюсь назадъ, къ маленькому отряду охотниковъ, продолжающихъ спускаться, если не въ преисподнюю, то во всякомъ случаѣ въ мѣсто очень на нее похожее.

Крутая и узкая тропинка приходила къ концу; двѣ трети

пути были пройдены; отрядъ добрался до площадки, покрытой скудной растительностью, которая довольно крутымъ спускомъ, имѣвшимъ видъ наклонной, широкой плоскости, соединялась, или, лучше сказать, сливалась съ дномъ оврага, манившимъ своею изумрудной зеленью измучившихся охотниковъ. Солдатики посматривали вверхъ и покачивали головой: дѣйствительно, смотря снизу, не вѣрилось, что съ этой крутизны отрядъ только что спустился. Тропинки не было видно. Этотъ узкій карнизъ, извивавшійся спиралью по отвѣсной почти стѣнѣ, исчезалъ для глаза въ отдаленіи и зритель, не совершившій съ охотниками этого опаснаго спуска, могъ бы биться объ закладъ на что угодно, что на гору подняться нельзя, а тѣмъ болѣе спуститься.

— Ну и вышина же, братецъ ты мой, ажъ поджилки трясутся, говорилъ казакъ Ѳома, одинъ изъ героевъ недавняго Бендессенскаго боя, потирая колѣни, которыя замѣтно у него дрожали.

— Да, впору хотя бы и Кавказу, согласился фельдфебель, красное лицо котораго и тяжелое дыханіе показывали, что спускъ и для него не былъ легокъ.

— И удивительное дѣло, отчего это у насъ въ Россеи нѣтъ этакихъ горъ? любопытствовалъ саперикъ, взглядываясь въ самую вершину скалы.

— Оттого, что климатъ другой, тутъ, видишь ты, Азія, а тамъ Рассея, пояснилъ самурецъ, прислонившій ружье къ громадному камню и набивавшій тютюномъ трубочку.

— Таакъ.... протянулъ глубокомысленно саперъ и сталъ что то соображать.

— Видно оттого, что здѣсь климатъ другой ты и ружье бросаешь? раздался голосъ унтеръ-офицера и философъ-самурецъ, только что съ такимъ апломбомъ объяснявшій происхожденіе горъ, получилъ изрядную затрещину по затылку. Трубка у него выпа-

ла изъ рукъ и онъ, сильно сконфуженный, повернулся къ „ундеру“ и робкимъ голосомъ началъ оправдываться:

— Да вѣдь я, Василь Петровичъ, на часъ его отставилъ, потому непріятелевъ тутъ нѣту....

— Нѣту? А вдругъ ежели они, то исть, сейчасъ выскачутъ изъ за камневъ, да тебѣ брюхо пропорятъ, будетъ у тебя время винтовку схватить? А еще солдатъ называется, и унтеръ-офицеръ, давъ оплошавшему солдатику такъ называемаго киселя, отошелъ въ сторону. Охотники, видѣвшіе эту сцену, добродушно засмѣялись.

— А и строгій же Василь Петровичъ, у-у! промолвилъ самурецъ, получившій „внушеніе“ и поторопившійся взять въ руки винтовку,—да и добрый! Другой, того и гляди на часы упекъ бы, да еще ранецъ съ пескомъ надѣлъ бы, а онъ пихнетъ, аль тамъ ударитъ и больше ничего!

Пока солдатики болтали между собой, Сл—скій въ бинокль подробно осматривалъ окрестности; у самаго конца спуска виднѣлись три человѣка, посланные впередъ; вотъ они остановились сразу, снова сдѣлали нѣсколько шаговъ и, нагнувшись, начали что-то разсматривать. Прошло нѣсколько времени, одинъ изъ нихъ отдѣлился и повернулъ снова на гору, видно было, что онъ торопился: перепрыгивая черезъ камни, онъ рысью, съ винтовкой на перевѣсъ, взбирался на площадку, гдѣ остановились охотники.

Командиръ охотниковъ опустилъ бинокль и обратился къ моряку, стоявшему возлѣ него и закуривавшему папиросу.

— Наши молодцы что-то нашли, Долбня бѣжитъ сюда...

— Вѣроятно слѣды тэкинцевъ, что же можетъ быть другое?

— Я не могъ хорошо разсмотрѣть въ бинокль, камни мѣшаютъ, но мнѣ показалось, что они разсматривали какую-то массу; да вотъ сейчасъ узнаемъ,—Долбня ужъ близко.

Дѣйствительно бравый казакъ быстро приближался; папаха сдвинута на затылокъ, ручьи пота текутъ по обгорѣлой физіоно-

міи, грудь тяжело подымается; еще нѣсколько шаговъ и онъ взобрался на площадку и, съ трудомъ переводя дыханіе, подошелъ къ Александру Ивановичу. Нѣсколько времени открытый ротъ не могъ произнести ни звука, наконецъ онъ вдохнулъ въ себя побольше воздуху и выпалилъ:

— Побитаго трухмена нашли, ваше б-діе!

— Кого? джигита, что ли? спросилъ Александръ Ивановичъ, какъ видно вовсе не пораженный этой новостью.

— Не могу знать ваше б-діе! Только лежитъ этто тамъ человѣкъ совсѣмъ безъ одежи, голова разбита, весь побитъ и грудь въ двухъ мѣстахъ прострѣлена, аль проколота; такъ изъ себя трухменъ, потому скрозь черномазый!

Командиръ охотниковъ не могъ удержаться отъ улыбки, слыша опредѣленіе національности найденнаго трупа, выраженное такъ своеобразно.

— А слѣдовъ тэкинцевъ не видали? спросилъ онъ Долбню, вытиравшаго потъ рукавомъ своей черкески.

— Никакъ нѣтъ, не смотрѣлъ, потому торопился доложить вашему б-дію объ убитомъ.

— Ну хорошо, тамъ увидимъ! А теперь пойдемъ дальше; впередъ ребята, за мной!

Быстрыми шагами, почти бѣгомъ, сталъ спускаться маленькій отрядъ. Наклонная плоскость, покрытая камнями, не разъ заставляла людей спотыкаться, такъ какъ разошедшіяся по силѣ инерціи ноги съ трудомъ мѣняли направленіе при обходѣ встрѣчавшихся ямъ или грудъ камня. Вотъ солдатикъ споткнулся, удержался, но какъ разъ на его несчастье лежитъ большой камень; при всемъ желаніи обойти его онъ не можетъ, ударяется колѣнями и летитъ черезъ голову; винтовка со звономъ ударяется о землю, баклашка съ водой, подпрыгивая, катится и самъ обладатель ея, прихрамывая и ругаясь на чемъ свѣтъ стоитъ, поднявши ружье, къ

счастью не пострадавшее отъ паденья, стремится догнать драгоцѣнный сосудъ, содержащій въ себѣ запасъ воды, которой грозитъ опасность разлиться. Увы! такъ и случилось: пробка выскочила и воды въ баклагѣ нѣтъ ни капли. Съ непритворно-грустнымъ видомъ смотритъ солдатикъ на пустую баклагу, изъ которой выбѣжали, когда онъ ее подымалъ, послѣднія капли воды.

— Э—эхъ! вотъ такъ бѣда, говоритъ бѣдняга и, по свойственной русскому человѣку привычкѣ, почесываетъ затылокъ.

— Что землякъ, безъ воды теперича? соболѣзнуетъ обгоняющій его товарищъ.

— Да вотъ нелегкій попуталъ свалиться... и солдатъ добавляетъ очень нелестный эпитетъ врагу рода человѣческаго, по его мнѣнію, виновнику его несчастья.

— Ну чего стали, аль прикладомъ подогнать! слышится голосъ „ундера“ Василія Петровича и онъ, собственною персоною, является передъ двумя солдатиками.

— Да вотъ Василь Петровичъ вода пропала, говоритъ солдатикъ.

— А ты, баранья голова, поможешь что-ли, коли будешь растопыря руки стоять? Да нешто ее мало тамъ внизу? и ундеръ показалъ на зеленѣющую равнину.

Лицо солдатика повеселѣло сразу.

— Оно точно, я не подумалъ, Василь Петровичъ! и оба солдатика въ припрыжку стали догонять товарищей, сначало искоса оглянувшись не собирается ли ихъ начальникъ привести въ исполненіе угрозу на счетъ приклада, но Василій Петровичъ мѣрной походкой опытнаго пѣхотинца спускался, не обращая на нихъ больше вниманія.

Спускъ приближался къ концу, ясно виднѣлась зеленая трава и тростникъ выше роста человѣческаго; такъ и манило къ этой свѣжей зелени послѣ степной пыли и горныхъ каменьевъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ приближавшагося отряда стояли два посланные впередъ солдатика; Александръ Ивановичъ шаговъ за десять еще скорчилъ гримасу и промолвилъ:

— Экъ какъ воняетъ мертвечиной!

Запахъ этотъ происходилъ отъ какой то потемнѣвшей массы, въ которой, только по ближайшемъ осмотрѣ, можно было узнать человѣческій трупъ; голова была совершенно раздроблена и представляла запекшуюся массу крови и мозга, изъ которой торчали осколки разбитыхъ костей. Туловище было покрыто синяками и кровяными подтеками; во многихъ мѣстахъ было вырвано мясо, которое висѣло лохмотьями; кисть правой руки висѣла на нѣсколькихъ лоскуткахъ кожи; изъ праваго бока, совершенно разбитаго, торчали осколки реберъ; ноги, перебитыя въ нѣсколькихъ мѣстахъ, неестественно подогнулись подъ туловище. Зрѣлище было очень непріятное даже для людей, для которыхъ видъ смерти не былъ новинкой.

Преодолѣвая чувство брезгливости, Александръ Ивановичъ, въ сопровожденіи моряка, подошелъ къ трупу и нагнувшись началъ разсматривать двѣ маленькія ранки, одну подъ лѣвой ключицей, другую въ срединѣ груди; не нужно было быть врачемъ, чтобы опредѣлить происхожденіе этихъ ранокъ—только пуля, пущенная на близкомъ разстояніи, можетъ произвести такую маленькую затянутую внутрь ранку. Объясненіе другихъ поврежденій на трупѣ тоже не трудно было найти, такъ какъ близь-лежащій огромный камень былъ забрызганъ кровью и мозгомъ.

— Тэкинцы его убили на верху и сбросили сюда, я это и раньше думалъ, промолвилъ Александръ Ивановичъ; онъ, падая, ударился сначала объ этотъ камень и отъ него отпрыгнулъ уже сюда. Затѣмъ они спустились и здѣсь обобрали его, такъ какъ на верху имъ помѣшали казаки.

— Если отсюда нѣтъ выхода, то этихъ господъ можно

поздравить съ большою непріятностью, произнесъ гардемаринъ, отходя отъ убитаго и внимательно всматриваясь въ землю вокругъ, какъ будто ища чего нибудь.

— На этой каменистой почвѣ едва-ли вы найдете слѣды; послышался голосъ барона, угадавшаго намѣреніе моряка.

— Да это вѣрно, ничего не видать, согласился морякъ и обратился къ Александру Ивановичу:—надо приказать зарыть этого бѣднягу, а то онъ распространяетъ таковое зловоніе, что дышать невозможно!

— Фельдфебель! прикажи людямъ, у кого есть лопаты, забросать трупъ землею, да каменьевъ набросать сверху, чтобы шакалы не отрыли!

Нѣсколько человѣкъ отдѣлились изъ числа охотниковъ и вынувъ коротенькія лопаты, такъ называемый линнемановскій шанцевый инструментъ, принялись забрасывать обезображенный трупъ, который скоро исчезъ подъ грудой пеплу. Всѣ охотники стали бросать камни и такимъ образомъ, въ непродолжительное время, образовался порядочный курганчикъ, навсегда скрывшій подъ собою тѣло джигита.

— Ну, вотъ и похоронили, сказалъ Александръ Ивановичъ. Теперь, господа, обратился онъ къ моряку и барону, курившимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, попрошу васъ составить со мною маленькій военный совѣтъ.

Морякъ и баронъ Л—стернъ подошли къ командиру охотниковъ и, по его приглашенію, опустились на бурку, которую догадливый человѣкъ барона успѣлъ уже разостлать.

— Что вы предполагаете теперь предпринять? обратился Сл—скій къ барону, какъ самому младшему изъ трехъ.

Баронъ подумалъ съ минуту и затѣмъ медленно, коверкая слова, началъ:

— Я думаю, господинъ капитанъ, пойти посмотрѣть нѣтъ

ли здѣсь непріятеля, только идти осторожно, чтобы не попасть въ... въ... какъ это! Hinterhalt! Wie heisst das auf Russisch? Comment s'appelle ça en russe l'embuscade? обратился баронъ къ гардемарину.

— По русски это называется засадой, перевелъ морякъ, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха, при взглядѣ на барона, который даже покраснѣлъ отъ усилія вспомнить это проклятое „russische Wort", а можетъ быть и отъ того, что чувствовалъ устремленный на себя пристально сардоническій взглядъ Александра Ивановича.

— Да, да! чтобы не попасть въ засаду, продолжалъ баронъ; я думаю лучше всего идти по ручью, прибавилъ онъ.

— А ваше мнѣніе, морякъ? обратился капитанъ къ гардемарину.

— Если тэкинцы скрываются здѣсь, то вѣроятно гдѣ нибудь между горами, чтобы не быть окруженными со всѣхъ сторонъ; относительно осторожности, которая должна быть соблюдаема, съ барономъ я вполнѣ согласенъ, такъ какъ, разъ тэкинцы не могутъ выйдти отсюда, то они будутъ драться со всей силой отчаянья!

— Никто изъ васъ, господа, и не долженъ сомнѣваться въ томъ, что будутъ приняты всѣ мѣры предосторожности, хотя я не думаю, чтобы тэкинцы устроили засаду; мнѣ даже пришла мысль въ голову, что тэкинцевъ и слѣдъ здѣсь простылъ, такъ какъ выходъ изъ этого провала долженъ существовать, иначе ручей, который здѣсь протекаетъ, разливался-бы и образовалъ болото; значитъ онъ пробирается между горами, разъ здѣсь нѣтъ болота. Мы раздѣлимъ отрядъ на двѣ половины, продолжалъ Александръ Ивановичъ, я съ одной половиной пойду подъ горами на право, а вы, морякъ, съ другой половиной—на лѣво; когда мы осмотримъ, тогда, соединившись, пойдемъ по ручью.

Съ этими словами командиръ охотниковъ поднялся съ бурки, взялъ свой карабинъ и крикнулъ фельдфебелю подѣлить команду пополамъ. Баронъ пошелъ съ гардемариномъ. Послышалась команда моряка:—на лѣ-во, шагомъ маршъ! и двадцать охотниковъ двинулись въ путь. Черезъ нѣсколько минутъ они вошли въ зеленѣющую полосу травы, держась шагахъ во ста отъ подошвы скалъ. Густая и высокая трава почти совсѣмъ скрывала эту горсточку людей, только штыки виднѣлись и свѣркали на солнцѣ, такъ какъ, послѣ спуска съ горы, солдатики ихъ снова примкнули. Осторожно подвигались охотники, высматривая тщательно вокругъ, насколько позволяла трава; подозрительнаго не было ничего. Солнце ярко сіяло на голубомъ небѣ, красноватыя скалы вздымали горделиво свои трещины, въ зеленой травѣ заливалась какая-то пичужка и трещали кузнечики, обстановка была самая мирная, располагающая къ мечтательности, а вовсе не къ кровавой потѣхѣ, именуемой войной.

— Какое чудное мѣсто! обратился морякъ къ барону, старавшемуся не отставать отъ него и уныло повѣсившему голову.

— Да, очень хорошее, согласился тотъ и, помолчавъ, продолжалъ: вы не знаете, скоро мы сдѣлаемъ привалъ? Вѣдь надо будетъ поѣсть...

— Часовъ черезъ пять, не раньше, отвѣтилъ гардемаринъ и искоса посмотрѣлъ, какое дѣйствіе произведутъ на барона его слова.

Физіономія послѣдняго вытянулась и онъ довольно комично вздохнулъ.

— Походъ очень непріятная вещь, началъ онъ,—нѣтъ возможности вести регулярную жизнь, а это очень вредно отзывается на здоровьи; и потомъ эта вѣчная ходьба...

— Но согласитесь сами, что прогулка въ такое прекрасное утро можетъ принести только пользу, и аппетитъ будетъ лучше...

— О, это было бы все очень хорошо, если бы я имѣлъ верховую лошадь, но пѣшкомъ.... и баронъ сдѣлалъ гримасу.

— Вамъ надо пріучиться ходить; я понимаю, что вы, какъ кавалеристъ, не привыкли, но разъ поступили въ охотники — надо умѣть и ходить и бѣгать по горамъ; я, напримѣръ, морякъ, однако же долженъ былъ пріучиться къ степной жизни, не имѣющей ничего общаго съ нашей судовой.

Баронъ, казалось, не убѣдился этимъ доводомъ; онъ понурился, перекинулъ винтовку съ лѣваго плеча на правое и замолчалъ.

Отрядецъ продолжалъ двигаться. Полъ пути слишкомъ было пройдено. Трава становилась гуще. Зорко всматривались охотники въ эту обманчивую зелень; какое-то безпокойство выражалось во взглядахъ, да оно и понятно—чувство страха передъ неизвѣстной или лучше сказать скрытой опасностію всегда доступно самому отважному человѣку. Въ эту то минуту общаго напряженія нервовъ, съ той стороны, куда пошли охотники подъ командой Александра Ивановича, грянулъ выстрѣлъ, повторяемый нескончаемымъ эхомъ горъ. ..

Солдаты сразу остановились и у многихъ винтовки невольно соскочили съ плеча и были взяты на изготовку, лица стали серьезны—наступалъ важный моментъ....

Гардемаринъ и баронъ встали на правомъ флангѣ .. Послышались два выстрѣла, одинъ за другимъ....

— Взводъ-товсь! скомандовалъ морякъ, щелкая самъ затворомъ своей „магазинки“.

Въ травѣ зашумѣло, какъ будто бѣжала толпа людей; все ближе и ближе....

Звукъ сталъ походить на топотъ нѣсколькихъ лошадей.

— Кавалерія, прошепталъ кто-то во фронтѣ. Быстро раздвигаемая трава шелестѣла... Вотъ близко, совсѣмъ близко..... Сердца усиленно стучали у этой кучки людей, не знавшихъ со сколькимъ числомъ непріятеля придется имъ имѣть дѣло....

Но вотъ послѣдніе ряды камыша и травы раздвинулись и прямо на фронтъ выскочило штукъ восемь кабановъ, которые, при видѣ людей, съ трудомъ остановились съ разбѣга и нѣсколько мгновеній съ хрюканьемъ стояли. Изумленіе охотниковъ, ожидавшихъ враговъ болѣе опасныхъ, было таково, что никто не подумалъ выстрѣлить; первый опомнился морякъ и, крикнувъ: „стрѣляй, ребята“! приложился и спустилъ курокъ....

По фронту загремѣли выстрѣлы... Кабаны бросились на лѣво, одинъ подпрыгивалъ на трехъ ногахъ, одинъ бился на землѣ, неистово хрюкая, взрывая ногами и клыками землю и злобно поводя вокругъ своими маленькими глазами.... Какой-то юркій солдатикъ побѣжалъ вслѣдъ за подстрѣленнымъ и черезъ нѣсколько времени въ травѣ послышался выстрѣлъ.

— Вотъ напугали подлецы, промолвилъ гардемаринъ, подходя къ кабану, который пересталъ биться и лежалъ покойно на боку.... Увидя подходящаго человѣка, животное злобно хрюкнуло, сдѣлало усиліе подняться, но грузно упало и снова начало биться ..

— Надо его пристрѣлить, проговорилъ баронъ и, приложивъ дуло винтовки почти въ упоръ къ уху кабана, выстрѣлилъ; судорожно вздрогнулъ бѣдняга и протянулъ ноги.

— Вотъ вамъ баронъ и обѣдъ будетъ вкусный, сказалъ морякъ, наклонившись и разсматривая добычу.

— Лишь бы только капитанъ здѣсь сдѣлалъ привалъ, а ужъ пообѣдаемъ мы на славу, заговорилъ повеселѣвшій баронъ.

Въ эту минуту послышались мѣрные шаги и второй отрядъ вышелъ изъ чащи травы.

— Что, надѣлалъ я переполоху? обратился съ улыбкой Александръ Ивановичъ къ моряку.

— Да, признаюсь таки, и ваша стрѣльба и эти бестіи, морякъ ткнулъ носкомъ сапога въ бокъ убитаго звѣря, доставили намъ нѣсколько минутъ непріятнаго ожиданія...

— Да, вамъ посчастливилось лучше нашего, правда вы открыли бѣглый огонь, а мы сдѣлали всего три выстрѣла, только тутъ кто-то отличился, выпалилъ такъ высоко, что пуля свиснула у насъ надъ головами, да такъ жалобно....

— Это значитъ отъ рикошета, замѣтилъ морякъ и началъ разсказывать, какъ охотники услышали выстрѣлы, какъ приготовились встрѣтить тэкинцевъ и какъ кабаны набѣжали прямо на фронтъ.

— Ну, что-же, въ раздумьи проговорилъ Александръ Ивановичъ, надо здѣсь сдѣлать привалъ, благо есть мясо... Боюсь я только, чтобы на желудкахъ людей не отозвалась вредно свинина, прибавилъ онъ.

— Да вѣдь помногу ли придется на брата, возразилъ баронъ, которому стало страшно, что давно желанный привалъ не состоится. Онъ не успѣлъ окончить еще апологіи въ пользу обѣда изъ свинины, какъ появился солдатикъ, носившій на себѣ слѣды сильной борьбы.

Правая штанина была располосована и на голомъ тѣлѣ виднѣлось нѣсколько кровавыхъ царапинъ; штыкъ былъ весь въ крови и замѣтно согнутъ.

— Это что такое? воскликнулъ удивленный морякъ. Гдѣ это тебѣ помогло?

— Это все онъ надѣлалъ, ваше б—діе, отвѣтилъ съ виноватымъ видомъ солдатикъ.

— Кто? переспросилъ Александръ Ивановичъ.

— Свинья, ваше б—діе!

— Гдѣ? Какая?

— А этта, что въ траву побѣгла; я за ней... пальнулъ... упала. Я подбѣгъ, а она какъ выскочитъ, да зубомъ меня въ эфто мѣсто и солдатикъ показалъ на царапину, спасибо еще, что скользнулъ, зубъ-то! Я ее штыкомъ, шкура толстенная, не беретъ;

еле-еле проперъ ей бокъ, потому она вертится, вотъ штыкъ только согнулъ. Она вотъ тамъ и теперича лежитъ, и солдатикъ показалъ по направленію къ горамъ.

— Ну, молодецъ, сказалъ Александръ Ивановичъ; ты ногу то обмой, да завяжи, а то разболится.

— Никакъ нѣтъ ваше б—діе! Я этта поплевалъ да песочкомъ присыпалъ, оно и засохнетъ, и нашъ молодецъ, съ довольнымъ видомъ, направился къ кучкѣ солдатъ, повидимому успокоившись, что порча штыка не подвергла его отвѣтственности.

— Такъ какъ же, господа, подкрѣпимъ здѣсь силы? обращается Сла.....скій къ моряку и Л—стерну.

Оба кивнули головой въ знакъ согласія и баронъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ крикнулъ своему человѣку разослать бурку и подать мѣшокъ съ провизіей и принадлежностями для закуски.

— Послать ко мнѣ фельдфебеля, обратился Александръ Ивановичъ къ группѣ солдатъ, разсматривавшей кабана.

Явился фельдфебель.

— Здѣсь будетъ привалъ, обратился Сла.....скій къ нему. Вышли четверыхъ людей на пикеты; одинъ поставишь изъ двухъ человѣкъ на берегу ручья и по одному на той площадкѣ, съ которой мы спустились, и здѣсь, при этомъ Александръ Ивановичъ показалъ на выступъ скалы саженъ 10 вышиною въ недалекомъ разстояніи отъ бивака. Людямъ варить себѣ пищу изъ убитыхъ кабановъ, унтеръ-офицерамъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы люди не объѣлись; можно выпить по полкрышкѣ спирта. За водой ходить съ винтовками.

— Слушаю, ваше б—діе, и фельдфебель пошелъ распоряжаться.

— Баронъ, а баронъ! обратился морякъ къ Л—стерну, вынимавшему изъ мѣшка разныя жестянки и бутылки, а вѣдь обѣдать то намъ не придется.

— Какъ? Почему? удивился баронъ.

— Да, вѣдь, чтобы жарить и варить свинину, надо развести огонь изъ чего нибудь, а я здѣсь не вижу ничего подходящаго для этой цѣли!

Дѣйствительно мѣстность не только что не изобиловала горючимъ матеріаломъ, но его не виднѣлось совсѣмъ.

Баронъ возмутился.

— Чортъ знаетъ что такое! И мясо есть, и времени сколько угодно, а поѣсть не удастся!

— Дѣйствительно я не подумалъ объ этомъ, проговорилъ Александръ Ивановичъ; видно солдатикамъ не придется пообѣдать; пусть отдохнутъ, да поѣдятъ хоть сухарей.

— А можетъ быть и есть здѣсь гдѣ нибудь колючка или сухой тростникъ, замѣтилъ морякъ; позвольте послать людей поискать, обратился онъ къ Сл—скому.

— Постойте, только не одного, а человѣкъ 5 или 6 съ винтовками, мѣсто незнакомое, еще нарвутся на кого нибудь.

Гардемаринъ всталъ и направился къ тому мѣсту, гдѣ располагались солдаты на отдыхъ; черезъ нѣсколько времени шесть человѣкъ отдѣлились и, взявъ винтовки и подсумки, направились розыскивать матеріалъ для варки пищи.

Морякъ вернулся на мѣсто и, разлегшись на буркѣ, сталъ задумчиво курить, пуская кольца дыма вверхъ, въ голубое, безоблачное небо.

— А знаете что, господа, обратился Александръ Ивановичъ къ обоимъ молодымъ людямъ, я убѣжденъ, что мы сегодня увидимся съ господами тѣкинцами.

— Почему вы такъ думаете? спросилъ баронъ.

— Сейчасъ объясню; Александръ Ивановичъ оперся на локоть, вытянулъ ноги поудобнѣе и началъ:—мы обошли кругомъ всего этого провала и нигдѣ не видѣли признаковъ отдыха не-

пріятеля. Какъ вамъ извѣстно, джигитъ былъ вчера убитъ около полдня. Тэкинцы обобрали его и, не отдыхая, исчезли куда то; до того времени, пока они добрались сюда, имъ пришлось пройдти не мало, такъ какъ шли они издалека. Вы спросите почему я думаю, что они пришли издалека? Я заключаю это изъ того, что болѣе 10 дней не было никакихъ случаевъ убійства и нападенія, и только вчера первый попался этотъ бѣдняга, значитъ шайки этой не было въ окрестностяхъ. Послѣ убійства, ихъ никто вчера не преслѣдовалъ, но они побоялись остаться здѣсь и куда то ушли; останавливались ли они ночью,—трудно рѣшить, вѣрнѣе—нѣтъ. Ночью ихъ тоже никто не тревожилъ, такъ что они теперь совершенно успокоились и вѣроятно цѣлый день посвятили отдыху. Я позабылъ вамъ сказать, что, обходя сегодня подъ горами, нашелъ ущелье, въ которое течетъ ручей, но кабаны помѣшали его осмотрѣть, да и людямъ хотѣлось дать передохнуть; по моему предположенію этой дорогой можно выйдти за Беурму, тэкинцы пошли этой единственной дорогой; въ Беурмѣ они не останавливались, такъ какъ тамъ слишкомъ часто бываютъ наши, значитъ ихъ надо искать около Беурминско-Арчманской дороги; въ тѣхъ мѣстахъ я знаю ущелье, гдѣ хорошій родникъ и почти неприступный входъ...

Разсужденіе Александра Ивановича было прервано появленіемъ солдатъ, посланныхъ на поиски горючаго матеріала; каждый изъ нихъ несъ по большой охапкѣ сухаго камыша, травы и кипарисовыхъ сучьевъ.

Обрадованный баронъ встрѣтилъ ихъ появленіе радостнымъ восклицаніемъ; солдатики тоже были видимо довольны находкой своихъ товарищей.

— Гдѣ вы это раздобыли? обратился Александръ Ивановичъ къ одному изъ пришедшихъ.

— А въ ущельи, ваше б—діе. Тамъ дальше большихъ де-

ревъ много. Кленовыя деревья—во какія, и солдатикъ, желая показать обхватъ, распростеръ руки на подобіе крыльевъ.—Ежевики этой самой страсть сколько, добавилъ онъ; послѣдняго онъ могъ впрочемъ и не прибавлять, такъ какъ вся физіономія носила на себѣ слѣды близкаго соприкосновенія съ этими ягодами.

— И спѣлая? спросилъ гардемаринъ, большой любитель всѣхъ ягодъ вообще.

— Скрозь спѣлая, ваше б—діе, отвѣтилъ солдатикъ и пріятно улыбнулся.

— Вамъ нужно еще дровъ? спросилъ морякъ.

— Какъ-же, ваше б—діе, нешто этого хватитъ, отвѣтилъ одинъ изъ солдатъ.

— Ну такъ и я съ вами пойду набрать ягодъ, сказалъ онъ подымаясь.

— Да вы, Александръ Александровичъ, возьмите побольше людей, чтобы сразу набрать дровъ на всю варку, а то вѣдь до втораго пришествія будемъ возиться съ этимъ обѣдомъ, обратился къ моряку Сл—скій.

— И то правда, согласился послѣдній и крикнулъ: фельдфебель! дай мнѣ 15 человѣкъ, 10 безъ ружей въ томъ числѣ!

Черезъ нѣсколько минутъ отрядецъ отправился за дровами. Съ трудомъ продирались люди черезъ высокую траву, хлеставшую въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по лицу; минутъ черезъ десять дошли они до ручья, шириною аршина въ 2 или 3, молодецкими прыжками оставили его за собою и пошли къ виднѣвшейся шагахъ въ 200 разсѣлинѣ; только подойдя ближе можно было замѣтить, что это узкое углубленіе было входомъ въ ущелье, сразу расширявшееся и орошаемое ручьемъ, который, изогнувшись колѣномъ, продолжалъ здѣсь свое теченіе. Скалы были здѣсь хотя и очень высоки, но не круты и поросли искривленными, правда, но все-таки деревьями кипарисовой породы и пожелтѣвшей колючкой.

— Гдѣ ежевика? обратился морякъ къ солдатику, разсказывавшему о ягодахъ.

— Подалѣе, ваше б-діе, послѣдовалъ отвѣтъ.

Ущелье въ самомъ началѣ дѣлало изгибъ; въ этомъ мѣстѣ двѣ скалы такъ сближались, что изображали изъ себя арку; высоко, высоко черезъ отверстіе между этими скалами, почти заросшее разнымъ кустарникомъ, виднѣлось голубое небо и солнечные лучи, попадавшіе въ этотъ природный гротъ, все таки не могли освѣтить его вполнѣ и оставляли въ полумракѣ; пріятная прохлада и мертвая тишина царили здѣсь; ручей здѣсь исчезалъ, скрываясь подъ землею и тамъ прорывая себѣ дорогу, такъ какъ каменистая поверхность не представляла тутъ удобнаго русла; люди пріостановились на нѣсколько секундъ, съ наслажденіемъ вздыхая свѣжій, прохладный воздухъ.

— Вотъ бы гдѣ, ваше б-діе, привалъ устроить, обратился одинъ изъ солдатъ къ моряку.

— Да, недурно бы; вотъ только, если бы тебя или меня укусила эдакая мерзость, такъ не поздоровилось бы, прибавилъ гардемаринъ, показывая на очень приличной величины змѣю, бураго цвѣта, съ черными пятнами, выползшую у него почти изъ подъ ногъ и безшумно скрывавшуюся за однимъ изъ камней, въ темномъ углу этого мрачнаго прохода.

Наконецъ вышли на свѣтъ Божій, ущелье представляло здѣсь обширную, цвѣтущую и зеленѣющую поляну; росло нѣсколько группъ кленовъ; по берегу ручья, здѣсь довольно широкаго и глубокаго, было видимо-невидимо ежевики и шиповника, ароматъ котораго наполнялъ воздухъ; чириканье птицъ слышалось повсюду. Морякъ, въ восхищеньи смотрѣвшій на эту, дѣйствительно рѣдкую въ средней Азіи, знаменитой своей безплодностью, картину, вдругъ насторожился и, махнувъ рукой солдатамъ, чтобы они замолчали, сталъ прислушиваться.

Sv. leiri 24

Ясно доносились звуки: квокъ, квокъ, кво-кво-квоокъ!

— Каменныя куропатки! прошепталъ онъ и, пригнувшись, быстрой рысцей направился въ сторону, откуда доносилось кудахтанье.

По склону горы бѣгало штукъ двадцать птицъ, носящихъ названіе каменныхъ куропатокъ; онѣ видимо не были знакомы съ страшнымъ дѣйствіемъ огнестрѣльнаго оружія, такъ какъ подпустили моряка шаговъ на 30 и, послѣ выстрѣла изъ магазинки, не полетѣли а быстро побѣжали вверхъ по скату горы; второй выстрѣлъ былъ пущенъ въ эту пернатую публику и одна изъ птицъ безпомощно забила крыльями, подлетѣла на полъ аршина вверхъ и упала мертвою.

Одинъ изъ солдатъ побѣжалъ достать ее, а морякъ отправился собирать въ фуражку ежевику, очень довольный неожиданнымъ прибавленіемъ къ обѣду новаго блюда.

Когда онъ возвращался къ бивуаку, неся полную почти фуражку ягодъ и еще издали торжественно показывая убитую птицу, костеръ весело трещалъ уже, вода кипѣла въ котелкахъ, жарившаяся свинина за 100 шаговъ уже пріятнымъ ароматомъ давала о себѣ знать, а Александръ Ивановичъ и баронъ съ нетерпѣніемъ ждали его, чтобы совершить по «единоточію», т. е. опрокинуть въ свое молодецкое горло по доброй чаркѣ добраго же коньяку. Появленіе его они привѣтствовали очень радостно, такъ какъ теперь ничто не мѣшало начать закусывать, а пяти или шести-часовая ходьба развила таки аппетитъ преизрядный. Сдавъ свою добычу Санхо-Панчо барона, морякъ усѣлся, крякнулъ и сказалъ: «ну теперь выпьемъ»! за словами послѣдовало дѣйствіе, немедленно повторенное его двумя товарищами.

Если вамъ случалось когда нибудь, читатель, обѣдать на открытомъ воздухѣ, гдѣ нибудь въ лѣсу или степи, на охотѣ, то вы поймете пріятное чувство, которое испытывали наши молодцы во время простаго, но веселаго обѣда.

Я, лично, предпочитаю подобный обѣдъ, въ обществѣ славныхъ товарищей, всякому другому пиршеству, гдѣ все совершается по правиламъ высшаго этикета: кавалеры во всемъ черномъ или же въ блестящихъ мундирахъ, не дающихъ свободно вздохнуть; дамы безпощадно разфранчонныя, затянутыя въ корсеты, такъ что ни одинъ кусокъ не идетъ въ горло; разговоры, вращающіеся на томъ, что было на раутѣ у m-me la princesse X, или на балу у comte'a Z, видимо никого не занимаютъ и говорящіе также мало интересуются заведенной ими бесѣдой, какъ и остальные. а все это дѣлается изъ приличія; дамы искоса посматриваютъ одна на другую, запечатлѣвая въ своихъ хорошенькихъ, изящно убранныхъ, но, къ сожалѣнію, обыкновенно пустыхъ головкахъ, мельчайшія подробности туалета другихъ, чтобы потомъ цѣлую недѣлю разсуждать о безвкусіи m-me или m-lle такой то, такъ какъ каждая изъ этихъ представительницъ прекраснаго пола твердо убѣждена, что только она одна умѣетъ одѣться со вкусомъ и къ лицу; провозглашаются тосты и случается, что любезно чокающіеся господа въ душѣ желаютъ другъ другу вовсе не благъ земныхъ, а всевозможныхъ бѣдъ, но на этихъ безстрастныхъ физіономіяхъ представителей нашего high-life'a не выражается ничего и два важныхъ сановника, кажущіеся сегодня, за этимъ обѣдомъ, въ лучшихъ отношеніяхъ между собой, завтра подставляютъ другъ другу ножку!..... Все здѣсь ложно, стѣснительно, скучно и безсмысленно!

Спорить о чемъ нибудь неприлично, завести серьезный разговоръ тоже непринято, ѣсть и пить въ волю немыслимо! Несчастные люди сами себя мучаютъ этими противуестественными порожденіями больнаго мозга, именуемыми великосвѣтскими приличіями....

Рядомъ съ этой картиной великосвѣтскаго обѣда въ моей памяти рисуются воспоминанія о другихъ обѣдахъ, гдѣ рѣчь

льется рѣкой, спорятъ, разсуждаютъ, пьютъ и ѣдятъ безъ стѣсненія, не затянувшись во фраки или мундиры; голубое небо, вмѣсто украшеннаго живописью потолка; подъ рукой у собесѣдниковъ винтовки, лежащія на готовѣ, пирамиды составленныхъ ружей виднѣются вблизи, ходятъ назадъ и впередъ солдатики съ манерками—видна жизнь, а не прозябаніе! Хорошо, господа, ей Богу хорошо тамъ, сравненія нѣтъ съ этой проклятой городской жизнью.

Сколько разъ закаивался я философствовать по этому предмету и каждый разъ прорывалось! А вѣдь самъ хорошо сознаешь, что въ нашемъ положеніи и чинахъ „не должно смѣть свое сужденіе имѣть!“ Еще въ бѣду попадешь чего добраго, и такъ—стопъ машина! Перейду къ дальнѣйшему описанію событій.

Довольно долго обѣдали наши три молодца и поѣли таки не мало; не даромъ мнѣ приходилось слышать заграницею отзывы о русскомъ аппетитѣ въ слѣдующей формѣ: русскій съѣдаетъ и выпиваетъ столько, сколько вмѣстѣ англичанинъ, два нѣмца и три француза! Баронъ единственно чѣмъ походилъ на русскаго —это своимъ аппетитомъ.

Выпили чаю и закурили.

Александръ Ивановичъ вытащилъ изъ за борта сюртука допотопные серебрянные часы и, взглянувъ на нихъ, промолвилъ:

— Всего четверть перваго; останемся здѣсь до 3-хъ; въ три выступимъ, въ половинѣ седьмаго будемъ въ Беурмѣ, тутъ всего верстъ 12—14; тамъ пообождемъ пока смеркнется, а затѣмъ пойдемъ къ роднику. Если нѣтъ тэкинцевъ у родника—переночуемъ тамъ.

— А если есть? спросилъ морякъ.

— Тогда подеремся, прогонимъ ихъ и всетаки устроимъ ночевку.

— Пожалуй кто нибудь изъ насъ заночуетъ навсегда „холоднымъ сномъ могилы“, продекламировалъ гардемаринъ.

— И это возможно; люби кататься—люби и саночки возить, отвѣтилъ Александръ Ивановичъ; да намъ что съ вами, ну помрешь и конецъ! Жены и дѣтей нѣтъ, не о комъ и безпокоиться.

— Это вѣрно, подтвердилъ и баронъ.

— Ну, вы то не говорите, вамъ поди съ двадцатью тысячами годоваго дохода только и жить возразилъ морякъ. Ну, скажите ради Бога, отчего вы не женитесь и не живете себѣ покойно въ своемъ замкѣ.

— Нравится бродяжническая жизнь, отвѣтилъ Л—стернъ; жениться поспѣю еще.

— Лучше камень на шею да въ воду, чемъ посадить себѣ бабу на плечи; связать себя на всю жизнь! Тогда останется только сидѣть дома, да штопать чулки или раскладывать пасьянсъ; трусомъ сдѣлаешься въ концѣ концовъ, такъ какъ по неволѣ начнешь дорожить жизнью ради семьи! Нѣтъ, господа, не женитесь: ни одна женщина не дастъ вамъ такого счастья, какъ привольная, свободная жизнь! А тутъ пойдутъ непріятности, ревность, всякая гадость, и пропалъ человѣкъ ни за грошъ.—Всю эту тираду Сл—скій произнесъ очень горячо.

— Вы, значитъ, Александръ Ивановичъ, не признаете любви, обратился къ нему морякъ.

— А вы признаете? спросилъ командиръ охотниковъ, насмѣшливо прищуриваясь.

— Еще бы не признать! Стоило ли бы и жить тогда, вскипятился морякъ.

— Ну, это пока вы не побывали въ передѣлкѣ у какой нибудь бездушной кокетки. Вы хорошій товарищъ, поэтому я вамъ и не желаю ничего подобнаго, такъ какъ изъ этой передѣлки сплошь да рядомъ люди выходятъ съ разбитой жизнью, озлобленные на весь міръ! Изъ схватки съ тэкинцами вы можете выйдти побѣдителемъ съ перебитыми костями, можетъ быть, но это пустякъ

въ сравненіи съ нравственнымъ страданіемъ; отсюда слѣдуетъ, что я побѣгу передъ одной юбкой и не побоюсь десятка тэкинцевъ!

Такимъ логическимъ выводомъ закончилъ Александръ Ивановичъ свое обвиненіе прекраснаго пола; предоставляю читателямъ и читательницамъ разрѣшить былъ ли онъ правъ или нѣтъ, но, придерживаясь только строгой истины, долженъ заявить, что молодой морякъ не повѣрилъ этому; а, можетъ быть, держись онъ высказаннаго капитаномъ правила, ему пришлось бы меньше страдать въ жизни!

— Есть время вздремнуть, произнесъ баронъ, глаза котораго начинали слипаться.

— Да, не мѣшаетъ, согласились остальные два собесѣдника.

— Фельдфебель! крикнулъ Александръ Ивановичъ, вотъ тебѣ часы, разбуди насъ безъ четверти три! Слышишь!

— Слушаю ваше б-діе!

Вскорѣ послышался храпъ трехъ „господъ“, лежавшихъ лицомъ внизъ, на буркѣ, сдвинувъ фуражки козырькомъ на затылокъ; солдаты тоже похрапывали и только пять часовыхъ не спало, пристально вглядываясь въ окрестность не идетъ ли непріятель, могущій неожиданно потревожить ихъ товарищей и обратить ихъ отдыхъ въ непробудный сонъ.

Солнце палило немилосердно спящихъ, но это не мѣшало имъ, и неизвѣстно въ которомъ часу проснулись бы они,—вѣроятно только ночью, если бы не промокли отъ росы. Ровно въ половинѣ третьяго унтеръ-офицеръ, который не могъ спать, исполняя обязанность разводящаго на часы, подошелъ къ фельдфебелю и сталъ его будить; послѣдній, спавшій даже безъ фуражки, вскочилъ немедля, зѣвнулъ нѣсколько разъ, не забывая при этомъ крестить ротъ, набралъ въ ротъ воды изъ манерки, полилъ себѣ изъ этого

импровизованнаго рукомойника на руки, сполоснулъ раза два лицо, обтерся рукавомъ шинели и, совершивъ такимъ образомъ свой туалетъ, принялся будить команду. Нехотя подымались солдатики, разоспавшіеся послѣ сытнаго обѣда и сильно пригрѣтые солнышкомъ.

Зѣвая, почесываясь и покрякивая стали они собираться снова въ дорогу.

Шумъ, производимый ими, не разбудилъ однако „господъ“, продолжавшихъ сладко спать.

— Ваше б—діе! вставать пора, подошелъ фельдфебель къ группѣ спавшихъ.—Никто не шелохнулся.

— Ишь какъ здорово заснули! обратился фельдфебель къ „ундеру“ Василью Петровичу, недалеко стоявшему и добродушно взиравшему на эту сцену.

— Аль вы позабыли, Дормидонъ Тимофѣевичъ, что ихъ б—іе командеръ велѣлъ себя еще въ Бендессенѣ будить крикнумши: „тревога“! Они сейчасъ вскочатъ, вотъ посмотрите, отвѣтилъ „ундеръ“.

— Тревога, ваше б—діе! крикнулъ фельдфебель.

Въ одинъ моментъ все спавшее тріо было на ногахъ и схватилось за винтовки, подлѣ лежавшія.

Увидя фельдфебеля, немогшаго скрыть своей улыбки при видѣ такого быстраго дѣйствія его словъ, и покойно собиравшихъ свои пожитки солдатъ, Александръ Ивановичъ зѣвнулъ и спросилъ:

— Что ничего не было особеннаго?

— Никакъ нѣтъ, ваше б—діе, отвѣчалъ фельдфебель.

— Поторопи людей собираться!

— Слушаю, ваше б—діе!

Пунктуально въ три часа охотники выступали; запасливый человѣкъ барона сунулъ въ мѣшокъ съ провизіей нѣсколько кусковъ мяса отъ невполнѣ уничтоженнаго кабана.

Огрядецъ исчезалъ постепенно въ высокой травѣ; нѣсколько орловъ-стервятниковъ, давно уже маленькими точками кружившіеся на голубомъ небѣ, описывая громадныя спирали въ воздухѣ, спускались все ниже и ниже, собираясь полакомиться остатками вкуснаго обѣда, такъ любезно предоставленнаго въ ихъ распоряженіе „бѣлыми рубахами“...

А эти послѣднія шли по живописному и плодородному ущелью, гдѣ морякъ набиралъ за нѣсколько часовъ передъ этимъ ежевику, но эта красивая дорога не обращала на себя ихъ вниманія—послѣ сытнаго обѣда ходьба довольно непріятная вещь, а тутъ еще во время сна на солнцѣ всего распарило...

— Ишъ ты печетъ какъ! съ недовольнымъ видомъ говорилъ солдатикъ апшеронецъ сосѣду своему казаку.—У насъ теперь поди въ деревнѣ славно, не жарко, благодать—одно слово! А тутъ почитай и снѣга не увидишь, все такой солнопёкъ будетъ и зимой!

— Ладно братъ! и ноги успѣешь еще поморозить, отвѣтилъ казакъ. Я, этто, въ прошлую зиму былъ въ Дузлу-Олумѣ—таково холодно было, что и въ Россеи другорядъ зимой теплѣе бываетъ!

— Ну-у? удивился солдатикъ.

— Вѣрно тебѣ говорю; снѣгу настоящаго нѣтъ, правда, а передъ разсвѣтомъ утречкомъ здорово холодно; у нашего сотеннаго трубочка эдакая была махонькая, стекляная, мудрено онъ её что-то прозывалъ, ну такъ онъ по этой трубочкѣ все смотрѣлъ и ажъ удивлялся.....

— Эвона что! значитъ на зиму выдадутъ безпремѣнно теплые сапоги!

— И полушубки дадутъ, добавилъ казакъ.

— Лясы точить —точи, а растягиваться не смѣть! послышался голосъ того же Василія Петровича, замѣтившаго, что оба собесѣдника, увлекшись разговоромъ, уменьшили шагъ.

— Онъ, то-исть ничего не пропуститъ, замѣтилъ казакъ, поспѣшно догоняя шедшихъ впереди.

— Бѣдовый! согласился солдатикъ. Служака—первѣйшій сортъ! И въ Хивѣ былъ, и на Кавказѣ! двѣ раны имѣетъ!

— Что и говорить! Второй десятокъ лѣтъ служитъ!

Ущелье вилось длинной лентой; скалы то съуживались чуть не въ плотную, оставляя самый неудобный проходъ, загроможденный камнями, гдѣ съ шумомъ пробивался ручей, то снова расходились и глазамъ представлялась зеленѣющая поляна.....

Охотники прошли уже версты 4 или 5, какъ вдругъ ущелье окончилось; самымъ неожиданнымъ образомъ передъ ними очутилась скала, почти отвѣсная, на которую ничего было и думать взобраться.

— Вотъ такъ штука, промолвилъ Александръ Ивановичъ, и началъ пристально вглядываться, отыскивая какого нибудь выхода, но выхода не находилось!

— Вѣдь не могли же тэкинцы перепрыгнуть черезъ эту гору, промолвилъ морякъ, надо поискать гдѣ нибудь около слѣдовъ подъема.....

— Какіе вамъ слѣды на каменьяхъ, съ нетерпѣніемъ отвѣтилъ Александръ Ивановичъ; на протяженіи этихъ пяти верстъ, нами пройденныхъ, есть очень много мѣстъ удобныхъ для восхожденія на эти скалы, такъ что нечего и думать найти естественный и вмѣстѣ съ тѣмъ единственный выходъ. Я думаю выбрать мѣсто поудобнѣе и сейчасъ же подняться на горы, пока не стемнѣло, можетъ быть и увидимъ еще что нибудь,—и Александръ Ивановичъ, скомандовавъ „кругомъ!“ быстрыми шагами повелъ отрядецъ назадъ, все время отыскивая глазами удобное для восхожденія мѣсто..

Быстрымъ шагомъ прошли охотники около версты, нигдѣ не видя особенно удобнаго мѣста, чтобы подняться на эти камен-

ныя громады, подымавшія свои вершины, увѣнчанныя темною зеленью кипарисовъ, въ голубое безоблачное небо!....

Но вотъ налѣво, по скату горы, зачернѣлось изгибами нѣчто вродѣ тропинки....

Послышалась команда: „стой!“

— Надо здѣсь подняться, обратился Сл—скій къ моряку.

— Что же, подымемся, послѣдовалъ отвѣтъ.

Александръ Ивановичъ, давъ передохнуть солдатикамъ нѣсколько минутъ, первымъ началъ подъемъ. Крутая тропинка шла постоянными изгибами, обходя уступы и большіе камни. Говоръ въ рядахъ солдатъ замолкъ; слышалось перерывистое дыханіе, вырывавшееся изъ сдавленныхъ грудей; потъ катился градомъ, ноги дрожали.....

Изрѣдка кто нибудь останавливался перевести дыханіе, глотнуть воды изъ баклаки и снова карабкался наверхъ, помогая себѣ опираться винтовкой. Сдвинутый камень катился подпрыгивая съ глухимъ шумомъ и исчезалъ въ ущельи, не будучи въ состояніи остановиться на этой сорока пятиградусной крутизнѣ. Можно было подумать, что дѣло идетъ о спасеніи жизни этихъ людей, такъ торопились они подняться, слѣдуя за своимъ начальникомъ, который, запыхавшись, облитый потомъ, едва дыша, съ раздувающимися ноздрями, шелъ безостановочно, прыгая съ камня на камень, цѣпляясь руками, тамъ гдѣ было нельзя надѣяться только на силу мускуловъ ногъ....

Что за смыслъ былъ, спроситъ читатель, этого стремительнаго подъема?

Очень простой. Стоило только остановиться на этомъ крутомъ подъемѣ на нѣсколько минутъ и силы оставили бы солдатъ; дрожавшія ноги потребовали бы очень продолжительнаго отдыха для возобновленія этого подъема. Вѣроятно каждому случалось, пройдя большое разстояніе или долго занимаясь гимнастикой, по окон-

чаніи движенія почувствовать усталось въ сильной степени, усталось, которая не замѣчалась почти совсѣмъ во время этого движенія; всѣ работавшіе мускулы какъ бы налиты свинцомъ, въ вискахъ стучитъ, сердце хочетъ выскочить изъ груди и снова приняться за ходьбу или гимнастику уже очень трудно послѣ кратковременнаго покоя; или не надо отдыхать совсѣмъ или же только передохнуть, не позволяя своимъ мускуламъ и двухъ минутъ пробыть въ бездѣйствіи.,.. Достигли цѣли—отдыхайте въ вволю лежа на спинѣ, поднявъ ноги къ верху. Полчаса такого отдыха, глотокъ спирта или крѣпкаго какого нибудь напитка и снова впередъ!—Вотъ лучшее правило въ походѣ. Пишущему эти строки пришлось видѣть, во время возвращенія послѣ рекогносцировки Геокъ-Тепе, 8-го іюля 1880 года, когда былъ сдѣланъ суточный переходъ въ 42 версты по степи, по ладыжку въ пескѣ, безъ воды, при жарѣ болѣе 45°R, людей, которые споткнувшись, падали и, позволивъ пролежать себѣ нѣсколько минутъ для отдыха, впадали въ тяжелый сонъ, вродѣ летаргическаго, и двигаться далѣе уже не могли! Преодолѣй же себя этотъ же самый индивидуумъ, подымись и иди дальше и онъ могъ бы пройдти еще версты 4, отдѣлявшія его отъ ночлега. Я это говорю по собственному опыту. Малѣйшая потеря самообладанія, желаніе предаться нѣгѣ отдыха на 5 минутъ и баста!—мускулы отказываются служить, къ ногамъ привязаны пудовыя гири и вся сила вашей воли не подыметъ васъ!

Александръ Ивановичъ, какъ сдѣлавшій уже 4 похода, хорошо зналъ это, да и солдатики уже по опыту не разъ чувствовали, что остановка вредно отзывается на ихъ ногахъ: „сейчасъ, это, человѣкъ распарится и размякнетъ“... по этому не удивляйтесь читатель, что охотники чуть ни рысью бѣжали на гору, а проклятая вершина была еще далеко, но уже три четверти пути было пройдено, когда одно обстоятельство показало, что случай-

но избранная охотниками дорога не ведетъ ихъ по ложному слѣду: казакъ Ѳома вдругъ нагнулся и поднялъ съ земли кусокъ кожи, имѣвшій видъ грубой подошвы и немедленно сообщилъ о своемъ открытіи Александру Ивановичу, который, равно какъ и всѣ охотники, призналъ въ этомъ кускѣ кожи подошву отъ одной изъ туркменскихъ чувякъ. Странное дѣло! а между тѣмъ эта пустяшная съ виду подошва, валявшаяся на горѣ, чрезвычайно подняла духъ охотниковъ; значитъ тэкинцы дѣйствительно проходили здѣсь, значитъ есть вѣроятность нагнать ихъ, значитъ будетъ дѣло—такъ разсуждалъ каждый изъ солдатиковъ и съ новой энергіей лѣзъ на эту проклятую гору, стремясь поскорѣе дорваться до этихъ „черномазыхъ трухмёнъ!“.

— Еще немного, самую малость ребята понатужься, говоритъ фельдфебель, по красному, полному лицу котораго струился потъ, поминутно вытиравшійся рукавомъ рванаго сюртука;—одинъ пустякъ остался, а тамъ спущаться легко!

— А вѣдь онъ, ребята, теперича ужъ началъ свою амуницію терять, еще насъ не видамши, что же съ нимъ будетъ, какъ мы „ура“ гаркнемъ, говорилъ солдатикъ самурецъ, напоминая о найденной подошвѣ.

Послышался искренній, веселый хохотъ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ и начались разныя, очень нелестныя предположенія о дальнѣйшемъ поведеніи „его“, т. е. непріятеля. Эта странная особенность выраженія солдатъ замѣчена вѣроятно не однимъ мною; солдатъ почти никогда не скажетъ: тэкинцы стрѣляютъ, непріятель идетъ и т. д., нѣтъ, онъ обязательно употребитъ мѣстоимѣніе третьяго лица единственнаго числа!

Но вотъ подъемъ и кончился...

— Ну, ребята, ложись и задирай ноги! гаркнулъ Александръ Ивановичъ, самъ опускаясь на землю и подавая примѣръ къ исполненію отданнаго приказанія. Бѣдный баронъ совсѣмъ безъ

силъ плюхнулся на землю, призывая на нѣмецкомъ діалектѣ проклятіе небесъ на всю Ахалъ-Тэкэ съ ея природой, климатомъ и жителями...

— Ну и подъемъ,—проговорилъ гардемаринъ, прося барона жестомъ передать флягу со спиртомъ, въ которой послѣдній пытался найти утѣшеніе за испытанныя при восхожденіи муки; —я соглашусь десять разъ на любомъ корветѣ пробѣжать черезъ салингъ, чѣмъ еще разъ подняться на эту чертову гору! До сихъ поръ жжетъ въ груди, а сердце выскочить хочетъ!

— Да это не отъ спирта ли, промолвилъ Александръ Ивановичъ.

— Какой отъ спирта! Отъ спирта ощущается только пріятная теплота, а тутъ что то въ дыхательномъ аппаратѣ не ладно, еще горловую чахотку наживешь!

— Тогда вамъ надо будетъ постараться быть сегодня же убитымъ, чтобы не умирать отъ такой скверной болѣзни! пошутилъ Александръ Ивановичъ.

— А вы думаете, что будетъ-таки дѣло?

— Почти увѣренъ послѣ этой находки; текинцамъ негдѣ быть, какъ въ ущельи за Беурмой, около маленькой разрушенной крѣпостцы.

— А что если они засядутъ за стѣны этой крѣпостцы? Вѣдь ночью ихъ неудобно будетъ выбивать оттуда!

— Ну вотъ тоже выдумалъ! Да развѣ былъ хоть одинъ примѣръ, чтобы небольшая партія сопротивлялась серьезно? И выбивать не придется, послѣ первыхъ нашихъ выстрѣловъ сами удерутъ на почтительное разстояніе и развѣ уже тогда откроютъ огонь!

Александръ Ивановичъ съ морякомъ встали и начали осматриваться вокругъ, такъ какъ поднявшись на гору они прямо опустились на землю, ни на что не глядя.

Оказалось, что отрядъ очутился на плато и плато очень обширномъ, съ этой высоты ясно виднѣлся главный русскій лагерь въ Бами—на лѣво и Беурма—на право; охотники находились почти въ равномъ разстояніи и отъ того и отъ другаго мѣста, верстахъ въ шести; верстахъ въ двѣнадцати по направленію къ Бендессену виднѣлись высокія Персидскія горы, подвернутыя синевою дальности.

Картина степи съ панорамой Бами и Беурмы, съ высоты птичьяго полета, была дивно грандіозна.

Необозримое желтое море разстилалось передъ глазами наблюдателя; правильныя гряды песку, послѣдствія сильныхъ осенникъ вѣтровъ, еще болѣе увеличивали сходство этого пейзажа съ моремъ; отливая золотомъ и серебромъ сверкали солончаки на краяхъ этого песчаннаго моря, уподобляясь пѣнѣ; бархатистой зеленью выдѣлялся клочокъ земли, удобренный при дѣятельной работѣ тысячи рукъ и обращенный въ бахчу и огороды; на желтизнѣ степи рѣзко выступали наметы и палатки Бами; десятки разсѣянныхъ повсюду бѣлыхъ глиняныхъ башенокъ, бѣлыя стѣны стараго Бами и Беурмы, далекіе лиловато-синіе гиганты, высоко вздымающійся надъ всѣмъ этимъ конусообразный Демавендъ, тонущій своей вершиной въ блѣдномъ голубомъ небѣ, прозрачный воздухъ, раскаленный до дрожанія, производящій миражъ и приближающій всѣ предметы,—вся картина, облитая жгучими лучами почти тропическаго солнца; подъ ногами почти отвѣсная пропасть и внизу роскошное ущелье, зеленѣющая котловина и тонкой серебрянной струйкой бѣгущій ручей—все вмѣстѣ производило за душу хватающее впечатлѣніе. Подобныя картины не забываются и много разъ въ жизни является неопредолимое желаніе взглянуть снова на нихъ...

— Развѣ такая чудная картина не производитъ на васъ желаніе постоянно шляться по походамъ, спросилъ Сл—скій моряка, не могшаго оторвать глазъ отъ этого песчаннаго моря.

— Да, я любитель природы и никогда не откажусь отъ представляющейся мнѣ возможности вырваться изъ города на волю; человѣкъ дѣлается лучше при подобной обстановкѣ...

— Это замѣтно по насъ съ вами, саркастически отвѣтилъ Александръ Ивановичъ; созерцаемъ красоты мірозданія, а черезъ нѣсколько часовъ будемъ рѣзать такихъ же людей какъ и мы... Однако миндальничать тутъ нечего, пора и въ дорогу!..

Отрядъ направился по плато въ сторону Беурмы. Отдохнувшіе солдатики дружно поспѣшали за своимъ богатырски шагавшимъ командиромъ. Плато медленно понижалось; совершенно ровная поверхность почвы была покрыта мелкой колючкой, высохшей и пожелтѣвшей; идти было очень удобно. Солнце нижнимъ краемъ своимъ касалось уже горизонта, когда маленькій отрядъ спускаля по отлогому скату, соединявшему это плато со степью. Въ какой нибудь верстѣ разстоянія виднѣлась Беурма, облитая розовыми лучами заходящаго солнца...

— Вотъ и добрались,—промолвилъ морякъ.

— Пока еще не совсѣмъ; я опасаюсь какъ бы насъ на этой проклятой степи не увидали съ горъ, тэкинцы вѣдь не близоруки!

— А въ Беурмѣ ихъ нѣтъ, какъ вы думаете капитанъ? спросилъ подошедшій баронъ.

— Если бы были, то теперь уже начало бы посвистывать у насъ мимо ушей! Оттуда бы все повысыпало встрѣчать непрошенныхъ гостей! Вѣдь они насъ могли бы уже замѣтить полчаса тому назадъ... Фельдфебель, вышли пять человѣкъ порасторопнѣе впередъ! Живо!

Черезъ минуту два казака и три солдата рысцой направлялись въ аулъ, за ними, развернутымъ фронтомъ, двигался отрядъ.

Сумракъ наступаетъ чрезвычайно быстро въ южныхъ странахъ; тамъ нѣтъ нашихъ бѣлобрысыхъ петербургскихъ ночей! Ког-

да двое изъ пяти посланныхъ впередъ людей вернулись съ докладомъ, что Бэурма совершенно пуста, начинало темнѣть. Отрядъ вошелъ въ аулъ и расположился на прекрасно убитой глиняной площадкѣ, нѣкогда служившей тэкинцамъ для молотьбы. Вокругъ этого своеобразнаго гумна были налѣплены круглые ясли для лошадей, въ видѣ высокихъ глиняныхъ цилиндровъ съ выемкой внутри. Масса саклей (домиковъ) виднѣлась повсюду—всѣ изъ глины, безъ малѣйшей примѣси дерева; каждая сакля была вышиной въ ростъ человѣка и на столько обширна, что внутри могло лежать рядомъ не болѣе 4-хъ человѣкъ,—словомъ какія то клѣтушки. Крыши обвалились, заброшенные арыки (канавы) не проводили уже воды—повсюду царила картина полнаго разрушенія и безлюдья...

Наступала ночь; сумерки сгущались; небо загоралось ярко блестящими звѣздами; точно привидѣнія въ разныхъ фантастическихъ позахъ рѣзко выступали изъ мрака бѣлыя стѣны, башенки и ограды глинянной крѣпостцы... Степь, покрывшаяся мракомъ, безмолствовала...

Все вмѣстѣ производило какое-то странное, не то хорошее, не то тягостное впечатлѣніе; поддаваясь ему солдатики пріумолки...

Александръ Ивановичъ, морякъ и баронъ сидѣли прислонившись спиной къ стѣнѣ одной сакли и молча покуривали. Наконецъ гардемаринъ прервалъ молчаніе спросивши:

— Долго мы пробудемъ здѣсь?

— Около часа, отвѣтилъ Александръ Ивановичъ—и снова водворилось молчаніе.

Послышался голосъ барона, звавшаго своего человѣка; слѣдствіемъ обмѣна между ними нѣсколькими латышскими фразами явилась перемѣтная сума и затѣмъ послышалось бульканье—фляга обходила это молчаливое тріо; закусили козьимъ сыромъ съ чернымъ сухаремъ.

— Вы ночью не ошибетесь дорогой въ ущелье? спросилъ баронъ Александра Ивановича.

— Скорѣе ошибусь найти свой карманъ, чѣмъ это ущелье, да и труда нѣтъ особеннаго—оно третье отсюда, идя подъ холмами.

— Далеко ли приблизительно? полюбопытствовалъ баронъ.

— Днемъ—часъ ходьбы безъ предосторожностей, ночью—болѣе полутора, такъ какъ ущелье очень узкое, каменистое, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заросшее ежевикой и шиповникомъ; если нѣтъ часовыхъ у входа, то мы можемъ пробраться въ ущелье, но тамъ придется ползти довольно долго, въ иныхъ мѣстахъ по водѣ; выходитъ оно на поляну очень красивую и плодородную, а на пригоркѣ, противъ входа въ ущелье, черезъ поляну, разрушенная крѣпостца; тэкинцы вѣроятно расположились около крѣпостцы. Будь вмѣсто моихъ охотниковъ кавказскіе милиціонеры или пластуны—я могъ бы подобраться такъ близко, чтобы безъ выстрѣла броситься въ штыки или шашки, но вѣдь наши солдаты, безукоризненные относительно мужества и другихъ качествъ, здѣсь не выдерживаютъ сравненія даже съ казаками; каждый изъ нихъ надѣлаетъ больше шуму чѣмъ 20 тэкинцевъ, подползающихъ къ нашему лагерю въ Бами!... Вотъ еще что, господа, я теперь же дамъ вамъ краткую диспозицію: подойдя къ ущелью, если входъ не занятъ, я съ десятью отборными, ловкими людьми поползу впередъ; если вы, морякъ, хотите—можете идти со мной; вы, баронъ, командуете остальными людьми и слѣдуете за мной, ползкомъ же, шагахъ во ста. Чѣмъ ближе мнѣ удастся подойти, тѣмъ лучше, но, во всякомъ случаѣ, ваши люди не должны стрѣлять ранѣе моего залпа, послѣ котораго я брошусь въ штыки; добѣжавъ до насъ они могутъ открыть огонь, иначе въ такой кромѣшной темнотѣ перестрѣляемъ другъ друга... Если у входа часовые или секретъ, то мы расправившись съ ними, пойдемъ прямо въ ущелье,

оставивъ у входа пять или четыре человѣка... Главное не горячитесь, а въ особенности это касается до васъ, сухопутная рыба, —обратился Александръ Ивановичъ къ моряку... Ну а теперь пора и подыматься!

Отдавъ фельдфебелю приказаніе къ подъему безъ шума, Александръ Ивановичъ прочелъ выстроившимся охотникамъ наставленіе о томъ, какъ они должны вести себя. Отрядъ тронулся.

Непріятная вещь, читатель, идти ночью по незнакомой мѣстности въ непріятельской странѣ, гдѣ изъ за каждаго камня, оврага или прямо съ земли можетъ подняться врагъ, врагъ страшный своею ловкостію, званіемъ мѣстности и, главное, неожиданностью своего появленія!

Нервы въ такомъ напряженномъ состояніи, что малѣйшій шумъ, шумъ собственныхъ шаговъ или камня, покатившагося изъ подъ ногъ, заставляетъ вздрагивать человѣка, днемъ совершенно покойно идущаго въ огонь, въ рукопашный бой и на тысячу другихъ опасностей!

Главную роль, по моему мнѣнію, играетъ сознаніе, что врагъ, при своей изощренности чувствъ, видитъ, чуетъ меня, я же не знаю о его близости! Случалось не разъ, что испытанные солдаты ночью открывали огонь, огонь неудержимый—по воображаемому непріятелю; сильное напряженіе нервовъ ведетъ къ галлюцинаціямъ; довольно одному принять какой нибудь камень за непріятеля и выстрѣлить, чтобы открылась безпорядочная пальба неизвѣстно по комъ, куда...

Голосъ офицера не слышится въ этой трескотнѣ и иногда много выпускается патроновъ солдатиками, для которыхъ въ такіе моменты стрѣльба составляетъ нравственную поддержку противъ воображаемаго врага.

Отрядъ подвигался очень медленно; точно въ царствѣ тѣней мелькали безмолвные, черные силуэты; нигдѣ не вспыхивалъ ве-

селенькій огонекъ закуренной папиросы, изрѣдка слышался шумъ оступившагося человѣка, звяканье дрогнувшаго оружія, нѣчто вродѣ сердитаго ворчанья—и снова все смолкало и медленно, осторожно двигалась эта темная кучка впередъ... Морякъ, шедшій рядомъ съ Александромъ Ивановичемъ, вдругъ почувствовалъ, что послѣдній крѣпко сжалъ его лѣвую руку, дергая внизъ. Оба остановились и стали вслушиваться. Мертвое молчаніе царило въ степи и вмѣстѣ съ тѣмъ можно было различить много звуковъ въ этой тишинѣ; люди, часто бывавшіе по ночамъ, или, все равно, днемъ въ лѣсу или въ степи, поймутъ меня о чемъ я говорю. Воздухъ наполненъ звуками, объяснить появленіе которыхъ трудно; это абсолютная тишина степи, вмѣстѣ съ необъяснимымъ, страннымъ происхожденіемъ вѣчнаго, непрерывнаго голоса природы, является чѣмъ то особенно поэтическимъ, особенно сильно дѣйствующимъ на душу!...

Командиръ охотниковъ и морякъ не были новичками въ распознаваніи этихъ постоянныхъ звуковъ отъ случайныхъ, являющихся иногда нарушителями торжественнаго молчанія безлюдныхъ степей, горъ и лѣсовъ... Едва слышно, какъ легкое дыханіе или шелестъ вѣтра донесся до ихъ слуха шумъ... Солдаты, видя остановку обохъ офицеровъ, тоже стали и старались даже остановить дыханіе, чтобы не мѣшать слушать. Сознаніе обстоятельства, что этотъ шумъ можетъ только исходить отъ врага, дѣлало ихъ бдительность изъ ряда вонъ выходящею... Снова послышался этотъ же звукъ и Сл—скій шепнулъ моряку:—ржаніе лошадей! Послѣдній не обладалъ такимъ тонкимъ слухомъ и, съ видомъ сомнѣнія, покачалъ головой. Александръ Ивановичъ прилегъ на землю, гардемаринъ послѣдовалъ его примѣру и между ними завязался чуть слышный разговоръ.

— Откуда могутъ быть лошади? Значитъ мы наскочили на другую шайку?

— Вѣроятно; интересно знать донеслось ли ржанье изъ ущелья, или же изъ степи? То есть: въ движеніи ли отрядъ непріятеля, или на бивуакѣ? Если въ движеніи—то намъ самое удобное дожидаться его здѣсь, прилегши; если же ржаніе слышалось со стороны непріятельскаго бивуака, то надо двигаться! Съ этими словами Александръ Ивановичъ приложилъ ухо къ землѣ и сталъ слушать...

Прошло около минуты, показавшейся моряку очень долгимъ промежуткомъ времени...

— Ничего не слыхать,—прошепталъ, подымаясь, командиръ охотниковъ Пойдемъ дальше, входъ въ ущелье близко, тамъ увидимъ

Снова безшумно начали двигаться эти люди, такъ настойчиво преслѣдовавшіе свою цѣль. Жутко было на душѣ! Каждому казалось, что непріятель, быть можетъ, съ тѣми же предосторожностями движется на нихъ; до боли въ глазахъ всматривались люди впередъ, судорожно сжимая свои винтовки!

Наконецъ впереди послышалось журчанье ручейка—вѣрный признакъ близости ущелья, составлявшаго исходный пунктъ этого тяжелаго ночнаго странствованія! Шагахъ во ста вправо чуть виднѣлось темное пятно входа въ ущелье, болѣе рѣзко выдѣлявшееся, чѣмъ мрачная линія горъ, параллельно которой двигался отрядъ.

Казакъ Ѳома, съ другимъ товарищемъ по оружію и съ саперным солдатомъ, слѣдуя шепотомъ отданному Александромъ Ивановичемъ приказанію, двинулись ползкомъ впередъ, по берегу ручья, къ этому темному пятну, скрывавшему быть можетъ послѣдній часъ ихъ жизни...

Вѣчностью тянулось время для ихъ лежавшихъ товарищей, ожидавшихъ съ минуты на минуту, что мракъ озарится молніею выстрѣловъ и безмолвная степь наполнится криками и шумомъ борьбы...

Послышался шорохъ и косматая папаха, вернувшагося невредимымъ Ѳомы, коснулась уха Александра Ивановича.

— У входа никого нѣтъ, ваше б-діе, а дальше, въ ущельи, должно тэкинцы, потому какъ будто огонь просвѣчиваетъ и шумъ слыхать...

— Ты далеко заползалъ въ ущелье?

— Шаговъ съ пятьдесятъ; трудно очень ползти, каменья и шиповникъ мѣшаютъ! Огонь только ясно видать, да далече ваше б-діе!

Охотники двинулись, значительно успокоенные, впередъ. Главная опасность миновала—входъ не былъ занятъ, неожиданнаго залпа въ упоръ не рисковали получить, а разъ только непріятель виденъ, онъ не страшенъ былъ для нашихъ молодцовъ!

Вотъ наконецъ и входъ въ ущелье; узкій, на половину заросшій; журчитъ вода, громадные каменныя стѣны исчезаютъ въ вышинѣ изъ глазъ, миріады мигающихъ звѣздъ льютъ свой слабый свѣтъ въ это, подавляющее человѣка своею дикостію мѣсто; на каждомъ шагу камни, острые, угловатые; шиповникъ, рвущій платье и тѣло, холодная вода, по которой въ иныхъ мѣстахъ приходится ползти—вотъ обстановка, въ которой находился отрядъ, двигавшійся впередъ, послѣ того какъ 4 охотника остались у входа. Точно искра мелькаетъ впереди огонекъ, даже кажется и не одинъ.... Чу! теперь совершенно ясно послышалось ржаніе лошади, на которое отозвалось еще нѣсколько и..... гортанный, хриплый—несомнѣнно человѣческій окрикъ! Совершенно невольно кто то изъ ползшихъ вздрогнулъ и проклятое ружье звонко ударилось о камень... Сердце замерло, какъ будто, всѣ окоченѣли.... Услышали, навѣрное услышали!.... Вотъ сейчасъ бросятся въ ущелье..... Нѣтъ, все тихо по прежнему.... И снова ползутъ охотники, сдерживая дыханіе, боясь, что стукъ собственнаго сердца выдастъ ихъ, а оно, какъ на зло, стучитъ громко, громко....

Не отъ страха, нѣтъ, а изъ боязни спугнуть эту человѣческую дичь! Если въ числѣ моихъ читателей найдется завзятый ружейный охотникъ, онъ безъ сомнѣнія пойметъ это ощущеніе, испытанное имъ много разъ, хотя бы на охотѣ за дикими козами, когда много часовъ въ горахъ приходится гоняться и подползать, еле дыша, противъ вѣтра, къ этимъ чуткимъ животнымъ. Ощущеніе совершенно одинаковое; опасность на заднемъ планѣ, страсть охотника преобладаетъ надъ всѣмъ остальнымъ!

Вотъ наконецъ ущелье расширяется, оно дѣлаетъ поворотъ и... глазамъ охотниковъ представляется поляна, на которой около десятка костровъ сидитъ непріятель; до него еще далеко: шаговъ триста пожалуй будетъ, стрѣлять нечего и думать; подползти всему отряду тоже немыслимо, услышатъ.

Двадцать пять человѣкъ оставлены подъ командой барона, а Александръ Ивановичъ съ морякомъ и 11 нижними чинами продолжаетъ двигаться съ тысячью предосторожностями... Проползши какіе нибудь 15 шаговъ останавливаются и лежатъ не-шелохнувшись.... Счастье, что огонь освѣщаетъ только небольшое пространство, а охотники по опыту знаютъ, что текинцамъ не освѣщенное пространство должно казаться отъ близости огня еще темнѣе. Не малое спасибо и лошадямъ, которыя довольно часто отвлекаютъ вниманіе непріятеля въ другую сторону своимъ ржаніемъ....

Близко, совсѣмъ кажется близко подползли.... Ясно видны лица девяти человѣкъ, сидящихъ около довольно плохо горящаго костра; косматыя бараньи шапки и халаты освѣщаются вспышками пламени; вотъ одинъ всталъ; видна кривая шашка, болтающаяся на боку.... Неужели въ эту сторону?... Одинъ изъ охотниковъ кладетъ уже руку на замокъ берданки, собираясь взвести трубку на 2-й взводъ... Нѣтъ, онъ остановился и нагнувшись шаритъ что то на землѣ, гдѣ виднѣется не то сѣдло, не то переметная

сума.... Вернулся назадъ, что то говоритъ товарищамъ... У другихъ костровъ слышны разговоры, курятъ трубки, пекутъ чуреки (лепешки)... Охотники подвинулись еще немного... Меньше ста шаговъ было до непріятеля, а прицѣлиться все таки трудно, проклятой пушки не видать!... Командиръ опять поползъ впередъ; одинъ изъ охотниковъ зацѣпился патронной сумкой за камень и зашумѣлъ... Два тэкинца у ближайшаго костра повернули головы и смотрятъ... Одинъ старый приподнялся даже и прислушивается... И смотритъ бестія прямо такъ таки въ глаза, думается за шумѣвшему солдату, лежащему какъ пластъ. Нѣтъ, успокоились, слава тебѣ Господи!..... Да что же это командиръ не цѣлится? Вѣдь онъ сказалъ что, шепнетъ, когда стрѣлять, вѣдь этакъ до того дотерпишься, что и прицѣлиться нельзя будетъ, руки ходуномъ будутъ ходить отъ волненія....

Ну, наконецъ-то командиръ безшумно приподнялъ локоть лѣвой руки съ винтовкой, нажимая спускъ взвелъ курокъ на второй взводъ, чтобы не щелкнулъ и скорѣе вздохнулъ, чѣмъ сказалъ—цѣлься! Вотъ и морякъ приподнялъ свою магазинку и наводитъ въ животъ старика тэкинца, потому на близкомъ разстояніи здорово вверхъ бьетъ ружье!....

Сердце окончательно хочетъ выскочить.. Но вотъ Александръ Ивановичъ крикнулъ—пли! Звонъ въ ушахъ, толчокъ въ плечо, затѣмъ крикъ ура—а! и съ штыками на перевѣсъ ринулись охотники къ первому костру.... Вся поляна какъ будто охнула и застонала.... Изъ ущелья слышались голоса бѣгущихъ на подмогу охотниковъ барона; крики: уруссъ, уруссъ! Алла, Магометъ! смѣшивались съ нашимъ „ура“! и криками: коли! Но тэкинцы не любители штыка; все это продолжалось нѣсколько мгновеній; когда баронъ прибѣжалъ съ людьми и могъ открыть огонь, то залпъ имъ былъ сдѣланъ во мракъ, на звуки топота и криковъ удиравшаго непріятеля; изъ мрака сверкнуло нѣсколько от-

вѣтныхъ выстрѣловъ; штукъ пять пуль гдѣ-то далеко зажужжало въ вышинѣ; одна щелкнула близко въ землю, взвизгнула и улетѣла въ пространство....

У костра лежало четыре тѣла; одинъ лежалъ ничкомъ и вздрагивалъ плечами; правая нога равномѣрно то вытягивалась, то подбиралась, руки запустилъ въ землю и храпѣлъ тяжело, безсознательно... Фельдфебель вынулъ изъ кобуры револьверъ, приложилъ ему къ затылку и выстрѣлилъ. Нога перестала двигаться, плечо конвульсивно вздрогнуло, одна рука вытянулась... искра жизни потухла!

Старикъ тэкинецъ упалъ въ костеръ головой и непріятный запахъ жженыхъ волосъ и мяса распространялся вокругъ: воротъ халата тлѣлъ... Солдатики оттащили тѣло за ноги въ сторону... Шагахъ въ 15 отъ потухавшаго костра виднѣлась темная масса —тэкинецъ, зарубленный Ѳомой, ударившимъ его шашкой на отмашь съ лѣва на право по горлу... Ѳома теперь вытиралъ свою шашку о полу халата убитаго имъ тэкинца... Впечатлѣніе всей картины было дикое, заставляющее трепетать непривычнаго человѣка, но охотники относились очень равнодушно къ этому зрѣлищу; многіе уже жевали недопеченные чуреки, вытащенные ими изъ золы и, быть можетъ, обрызганные не одной каплей крови только что убитыхъ... Охотники разсѣялись по полянѣ и шарили около костровъ; тэкинцы оставили много разнаго добра: нѣсколько переметныхъ сумъ, съ дюжину сѣделъ, три ружья, изъ числа которыхъ оказалась наша берданка съ передѣланной на туркменскій манеръ ложей и съ двумя подсошками для стрѣльбы лежа на землѣ; все было собрано въ одну кучу; Александръ Ивановичъ все переписалъ, сѣдла отдалъ для поддержанія ими огня въ потухавшихъ кострахъ, затѣмъ лично разставилъ посты, отдалъ приказанія фельдфебелю и, исполнивъ всѣ свои обязанности, принявъ всѣ мѣры предосторожности, чтобы маленькій отрядецъ

не подвергся въ свою очередь участи тэкинцевъ, съ видимымъ удовольствіемъ опустился на бурку, на которой лежали уже баронъ и морякъ въ облакахъ табачнаго дыма, вознаграждая себя за долгій постъ въ отношеніи куренья.

— Сравнительно удачно подползли,—заговорилъ морякъ.

— Мнѣ кажется, что потери непріятеля больше, чѣмъ четверо, сказалъ Александръ Ивановичъ; вѣдь нашъ первый залпъ былъ изъ 12 винтовокъ по девяти людямъ, кучкой сидѣвшимъ, да и на очень близкомъ разстояніи; не можетъ быть, чтобы мы угостили только четверыхъ; были навѣрное и раненые, можетъ быть даже опасно, но эти дьяволы до невозможности выносливы и живучи; успѣли добраться до лошадей и были таковы! Авось потомъ восчувствуютъ!

— Я другаго мнѣнія, возразилъ морякъ,—тѣ четверо, что остались на мѣстѣ, были лучше освѣщены огнемъ костра, по этому всѣ выстрѣлы и были въ нихъ направлены; конечно на этомъ разстояніи бердановская пуля пробьетъ и двухъ на вылетъ, но вѣдь это будетъ случайность убить двухъ однимъ выстрѣломъ! Если тэкинцевъ до завтра не зароютъ, то стоитъ посчитать раны на убитыхъ.

— Весьма возможно; только не стоитъ возиться съ этой падалью! Я ихъ приказалъ оттащить шаговъ за полтораста и бросить; завтра рано уходимъ и зарывать не стоитъ; шакалы и орлы займутся и безъ насъ похоронами и дезинфекціею!

— Можетъ быть товарищи убитыхъ вернутся похоронить ихъ, замѣтилъ баронъ.

— Пусть возвращаются лишь бы не сегодня, т. е. не ночью —людямъ отдыхъ нуженъ. Однако господа не мѣшало бы закусить малую толику!

— Я уже распорядился, отвѣтилъ баронъ; у насъ есть кусокъ сяниины, коробка сардинокъ, еще кое-что найдется. Чуре-

ковъ много осталось послѣ тэкинцевъ, я велѣлъ три штуки хорошенько допечь и десертъ нашелся въ одной переметной сумѣ— сушеный инжиръ и абрикосы.

— Чортъ возьми! вотъ такъ пиршество, вскричалъ гардемаринъ. Еще бы бутылочку вдовушки Клико роспить по поводу побѣды нашей и тогда не осталось бы желать ничего лучшаго.

— Ну этого то нѣтъ, а бутылочка кахетинскаго краснаго вина найдется, я его нарочно приберегъ для это торжественнаго случая...

Черезъ двадцать минутъ около бурки, гдѣ закусывали три офицера, пылало съ трескомъ два изрубленныхъ тэкинскихъ сѣдла и веселый говоръ далеко разносился вокругъ. Солдатики лежали у костровъ, жевали чуреки, запивая ихъ чаемъ, и посторонній зритель никогда бы не подумалъ, что часъ тому назадъ здѣсь розыгралась кровавая сцена—такъ мирна, добродушна была картина... Чудная, теплая ночь; миріады звѣздъ южнаго неба кротко лили свѣтъ на эту поляну, гдѣ живые подкрѣпляли свои силы, готовясь къ тяжелому завтрашнему походу, а мертвые отдыхали вѣчнымъ сномъ, избавившись навсегда отъ трудовъ походной жизни....

Кончили закусывать; разговоръ становился менѣе оживленнымъ, вѣки опускались на утомленные глаза—усталость начинала сказываться.

— Ну можно теперь Богу помолиться, да и спать, проговорилъ Александръ Ивановичъ, подымаясь съ бурки и потягиваясь.—Горнистъ! на молитву!

Охотники выстроились и звукъ горна быть можетъ впервые огласилъ эту поляну...

— На молитву! шапки до—лой!

Далеко въ ночномъ воздухѣ разносилось пѣніе сорока голосовъ...

Торжественно лились звуки молитвы въ мертвой тиши долины и отзывались эхомъ въ горахъ... Набожно крестились солдаты, не зная переживутъ ли эту ночь, увидятъ ли когда нибудь свою родину или нѣтъ...

Нигдѣ нельзя быть такъ расположеннымъ къ молитвѣ, какъ въ пустынѣ...

Въ величественныхъ храмахъ, подъ громадными сводами, передъ богато убранными иконостасами, въ разнокалиберной толпѣ—ваше вниманіе развлекается и религіозное чувство до извѣстной степени парализуется; въ пустынѣ же, подъ небеснымъ сводомъ, горящимъ милліонами звѣздъ, въ мертвой тишинѣ необозримой степи или въ виду гигантскихъ горъ, послѣ боя, или передъ боемъ—человѣкъ сознаетъ себя такимъ маленькимъ, ничтожнымъ, жизнь его такъ ненадежна—что душа его, его умъ—все преклоняется передъ грандіозностью природы и онъ молится, молится горячо...

Окончилась молитва. Послышалась команда:

— На—кройсь!

Александръ Ивановичъ подошелъ къ фронту своихъ „головорѣзовъ“.

— Спасибо вамъ молодцы за сегодняшнее дѣло!

— Рады стараться!—понеслось по полянѣ, отдаваясь эхомъ въ горахъ.

— Я передамъ генералу, какъ молодецки вы себя вели и буду просить о наградахъ.

— Покорно благодаримъ—загремѣло въ ночной тишинѣ.

— Ну а теперь разойтись и ложиться спать!

Костры потухли, изрѣдка слабо вспыхивая; поляна погружалась во мракъ; силуэты двухъ равномѣрно движущихся часовыхъ то сближались, то расходились; слышалось похрапыванье, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тихій разговоръ еще не уснувшихъ, вспыхи-

валъ огонекъ папиросы или трубочки; въ наступившей тишинѣ журчанье ручья явственно доносилось до ушей еще бодрствовавшихъ людей, число которыхъ все уменьшалось и вскорѣ ручей напѣвалъ свою непрерывную, мелодическую пѣсенку для однихъ часовыхъ, продолжавшихъ свою прогулку взадъ и впередъ...

Едва только вершины горъ были освѣщены нѣжно розовымъ свѣтомъ восходящаго солнца, а поляна еще разстилалась въ сумракѣ, въ ожиданіи момента, когда дневное свѣтило выглянетъ изъ за хребта Копетъ-Дага и зальетъ ее яркимъ свѣтомъ, какъ охотники поднялись и стали собираться въ дорогу, на поиски новыхъ приключеній... Съ пѣснями оставили они мѣсто вчерашняго боя, потянулись по ущелью, вышли въ степь, съ которой подымался легкій туманъ, разгоняемый лучами солнца и повернули по дорогѣ къ Арчману... Славно было идти „бѣлымъ рубахамъ“ на утреннемъ свѣжемъ воздухѣ.. Трубочки дымились во рту у солдатъ, слышались остроты и шутки, и едва-ли кто помнилъ, что за собой они оставили на полянѣ четыре уничтоженныя жизни, для которыхъ уже не свѣтило это яркое солнце, не зеленѣли кипарисы на вершинахъ горъ и открытые, стеклянные глаза которыхъ не видѣли этого чуднаго голубаго неба!.. Впрочемъ недолго смотрѣли эти мертвые глаза... Вокругъ по скаламъ разсѣлись громадные орлы-стервятники; въ нерѣшимости сидѣли они, опасаясь приблизиться къ этимъ, въ странныхъ позахъ, лежавшимъ людямъ. Но вотъ одинъ посмѣлѣе слетѣлъ и опустился на песокъ шагахъ въ 40, и хочется ему узнать въ чемъ дѣло—и страшно! Подошелъ поближе, грузно переваливаясь на своихъ короткихъ, сильныхъ, съ громадными когтями, ногахъ... Нѣтъ не шевелятся... Подождалъ и, взмахнулъ крыльями, налетѣлъ и клюнулъ въ это потемнѣвшее лицо, запрокинутое къ верху, съ зіяющею раной на горлѣ... Черезъ минуту орлы рвали свою добычу...

Наступитъ ночь—шакалы докончатъ работу этихъ перна-

тыхъ разбойниковъ, останутся быть можетъ на поверхности кости, которыя черезъ нѣсколько времени занесутся пескомъ и ничто не будетъ напоминать о томъ, что на этой полянѣ погибло 4 жизни въ борьбѣ за свою землю и свободу... Сколько бы подобныхъ исторій могли разсказать вершины горъ Копетъ-Дага, отъ которыхъ не укрывается, благодаря ихъ высотѣ, никто и ничто, но онѣ молчаливо прячутъ свои вершины въ голубомъ небѣ, стараясь не видѣть „урусса—бѣлую рубашку“, шагъ за шагомъ проникающаго въ эти долины и ущелья, составлявшія еще недавно неотъемлемую собственность храбрыхъ сыновъ степей и горъ—тэкинцевъ! Пройдетъ десятокъ лѣтъ и въ мѣстахъ, гдѣ прежде только паслись стада джирановъ, пройдутъ безопасныя дороги и Копетъ-Дагъ потеряетъ свою дикую прелесть... Богъ съ ней, съ этой цивилизаціей, особенно когда она разспространяется при помощи картечи и штыка и выражается созданіемъ становыхъ, урядниковъ и кабаковъ!...

VII.

Ночь въ Эгянъ-Батыръ-Кала.

Босфоръ, обливаемый голубымъ свѣтомъ луны, отражаетъ въ себѣ бѣлые минареты и залитые огнями фасады дворцовъ великой столицы востока. По зеркальной поверхности безшумно скользятъ каики, оставляя за собой фосфорически блестящій и переливающійся слѣдъ; чуднымъ рубиновымъ свѣтомъ горятъ огни Леандровой башни; гиганты пароходы выдѣляются черной массой и ихъ высокія мачты, дрожа въ зеркалѣ воды, тянутся какъ фантастически длинныя руки къ этому городу—предмету корыстныхъ желаній многихъ націй, который чудной панорамой раскинулся на необъятную длину по проливу... Террасами подымаются изящныя, легкія постройки въ разныхъ стиляхъ и сверкаютъ огнями; рядомъ съ ними минареты, тонкіе какъ иглы, бѣлыми линіями рѣзко выдѣляются на фонѣ южнаго неба... Мраморное море омываетъ бѣлыя стѣны Сераля въ Стамбулѣ, переливаясь серебромъ подъ лучами луны, заглядывающей въ этотъ дворецъ—жилище многихъ сотенъ красавицъ, такъ поэтично воспѣтыхъ лордомъ Байрономъ въ его „Донъ-Жуанѣ“.

Но вотъ... слышится голосъ вахтеннаго унтеръ-офицера.

— Ваше б-діе! полночь!....

Замечтавшійся вахтенный начальникъ, хотя бы къ примѣру вашъ покорнѣйшій слуга, встрепенулся, всѣ иллюзіи пропали и онъ отдаетъ распоряженія, соотвѣтственныя наступившему моменту. Черезъ минуту, сдавъ вахту, онъ спускается внизъ, въ каютъ-компанію, гдѣ изъ трехъ каютъ доносится самый прозаическій храпъ утомившихся товарищей. Внизу душно, въ каютѣ едва можно вытянуться, не спится ему, а тутъ еще луна засматриваетъ въ иллюминаторъ и широкой голубой полосой освѣщаетъ шкафъ.... Мысли одна за другою наполняютъ голову, воспоминанія самыя разнообразныя стѣсняютъ одно другое. Ни съ того ни съ сего въ памяти выростаетъ, какъ живой, обезьяноподобный учитель латинскаго языка, а вслѣдъ за нимъ вспоминается вчерашняя неудача съ оттяжкой, брошенной вмѣсто палубы за бортъ, при спускѣ брамъ-реи... А луна все еще заглядываетъ въ иллюминаторъ... Мысли невольно обращаются снова къ этой чудной ночи и видѣнная незадолго передъ этимъ картина съ точностію фотографіи воспроизводится въ воображеніи.... По логической связи мыслей является воспоминаніе о другихъ подходящихъ картинахъ природы: какъ на яву выростаютъ передъ глазами темные своды лѣса, черезъ густыя вѣтви котораго тутъ и тамъ серебристой змѣйкой пробивается лучъ луны, фантастически мѣняющій наружность куста, на половину имъ освѣщеннаго, изъ котораго льются соловьиныя трели, сливающіяся съ мелодичнымъ шумомъ вѣчно торопящагося въ море Нѣмана. Воображеніе работаетъ какъ калейдоскопъ: лѣсъ пропалъ уже—его мѣсто заступили гигантскіе Альпы, вершины которыхъ горятъ и искрятся тысячами переливовъ снѣжной поверхности, ярко залитой свѣтомъ полной луны... Подъ ногами серебрянной струйкой извивается Эчъ; замокъ Габсбурговъ, разрушенный безпощаднымъ временемъ, но горделивый даже въ развалинахъ, какъ бѣлое привидѣніе выступаетъ на краю бездоннаго обрыва.....

Исчезли и Альпы... Вотъ развертывается передъ глазами степь—безграничное ровное мѣсто; справа линія высокихъ, мрачныхъ горъ, изъ за которыхъ показывается какъ бы зарево... Оно все расширяется, ростетъ, вотъ уже виднѣется блестящій серпъ—еще минута и царица ночи выплываетъ изъ за Коппетъ-Дага, озаряя своимъ матовымъ, голубымъ свѣтомъ всю степь, сверкая на солончакахъ и бѣлыхъ глиняныхъ башенкахъ, освѣщая кучку людей въ бѣлыхъ рубахахъ, съ винтовками на плечахъ, молчаливо и сосредоточенно куда-то пробирающихся... Вспомнилась эта картина—и померкли передъ ней всѣ остальныя... Снова встаетъ въ памяти вся походная жизнь съ ея лишеніями, опасностями и увлекающей прелестью и картина за картиной рисуются въ головѣ... Я уже не въ душной каютѣ, нѣтъ, я на просторѣ... Снова веду задушевныя бесѣды съ боевыми товарищами, я снова въ горахъ подстерегаю тэкинцевъ, снова слышится свистъ пуль въ пороховомъ дыму и музыка и стоны раненыхъ, льется кровь... И страшно и хорошо! Сердце усиленно бьется и мечты прошлаго принимаютъ размѣры галлюцинацій... Но вотъ рѣзкій звонъ колокола разрушаетъ все очарованіе – бьетъ пять склянокъ—2½ часа пополуночи. Опять я въ какомъ то ящикѣ; луна уже не свѣтитъ, въ каютѣ темно и... пора спать, читатель! Впрочемъ, быть можетъ, ранѣе чѣмъ предаться отдыху не мѣшаетъ вамъ объяснить для чего я такъ издалека началъ этотъ разсказъ? Какая нужда была мнѣ описывать картину Босфора и сообщать нить воспоминаній, доведшую меня снова въ Ахалъ-Тэкэ? Сдѣлано это мною для того, чтобы выяснить, на сколько можно, тотъ психологическій процессъ, который совершается внутри человѣка и заставляетъ его, при созерцаніи какой нибудь картины, вызывать на память многія другія, до тѣхъ поръ, пока воображеніе не остановится на чемъ нибудь особенно интересующемъ этого субъекта и тогда является уже послѣдовательное, законченное воспоминаніе...

Я, о чемъ бы ни думалъ, чтобы ни видѣлъ, но все таки, почти всегда закончу приведеніемъ себѣ на память той эпохи моей жизни, которая является для меня исполненною высшаго интереса и увлеченія—похода, очерками котораго я вѣроятно уже успѣлъ изрядно вамъ надоѣсть и намѣренъ надоѣдать еще и теперь; и такъ вооружитесь терпѣніемъ и мужествомъ и послѣдуйте за мной въ тѣ благодатныя мѣста россійскаго государства—куда Макаръ телятъ не гонялъ, но гдѣ, тѣмъ не менѣе, происходили событія довольно интересныя...

Въ укрѣпленіи Бами царствуетъ какая-то особенная суматоха, проявляющаяся главнымъ образомъ въ бѣганіи взадъ и впередъ офицеровъ, таинственно шушукающихся между собою, въ волненіи размахивающихъ руками, съ нетерпѣніемъ сдвигающихъ бѣлыя шапки на затылокъ, чтобы удобнѣе утереть рукой обожженное, вспотѣвшее лицо и снова торопливо устремиться куда глаза глядятъ, до встрѣчи съ новымъ товарищемъ, когда снова начнется оживленный разговоръ, дополняемый жестами...

Около глиняной стѣнки, огораживающей маленькій садикъ, гдѣ стоитъ кибитка „бѣлаго генерала"—Михаила Дмитріевича Скобелева, нѣсколько группъ офицеровъ съ выраженіемъ нетерпѣнія и любопытства на лицахъ; разговоръ ведется въ полъ-голоса.

— Такъ вы говорите, что генералъ при васъ сказалъ „дѣду", что завтра пойдемъ? спрашиваетъ казачій сотникъ въ бѣлой папахѣ артиллерійскаго капитана съ красивымъ худощавымъ лицомъ, оттѣняемымъ длинными черными усами.

— Да, да... только я не разобралъ куда,—отвѣчаетъ капитанъ, вглядываясь черезъ проломъ въ стѣнѣ во внутрь дворика, гдѣ между ординарцами и вѣстовыми произошло какое-то движеніе.

— Кажется генералъ выходитъ,—послышался говоръ между офицерами и многіе стали машинально оправляться.

Тревога оказалась фальшивою: вошелъ не генералъ, а одинъ изъ его офицеровъ—казачій офицеръ. Онъ моментально былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ офицерствомъ и засыпанъ вопросами:

— Голубчикъ К—ловъ кто идетъ завтра? Мы идемъ? Кто остается? На сколько дней брать провіанта? Пойдетъ генералъ до самаго Геокъ-Тепе? ....

Несчастный хорунжій походилъ на зайца, нагнаннаго сворой собакъ: одинъ держалъ его, для привлеченія къ себѣ вниманія, за шашку, другой за кинжалъ; товарищъ его, казачій сотникъ, съ легкостью и нѣжностью медвѣдя старался повернуть его лицемъ къ себѣ, тянувши за лѣвое плечо, въ то время какъ ротный командиръ Самурскаго полка добродушно ломалъ его правое плечо, добиваясь узнать пойдетъ ли впередъ его рота! Казалось, что бѣдному молодому человѣку суждено погибнуть не отъ вражескаго оружія, а отъ излишняго припадка любопытства своихъ же товарищей, но онъ употребилъ военную хитрость.

— Тише, господа, генералъ идетъ! испуганнымъ тономъ проговорилъ онъ... Это подѣйствовало и его отпустили, чѣмъ онъ немедленно воспользовался, чтобы ускользнуть и исчезнуть между палатками и кибитками.

— Господа, пойдемте выпить водки, все равно ничего не узнаемъ теперь, чего же торчать на жарѣ!—предложилъ артиллерійскій капитанъ.

Всѣ согласились и скоро передъ дворикомъ не осталось никого; солнце поднялось уже высоко и жгло невыносимо, такъ что все попряталось по палаткамъ, откуда и доносились оживленные споры о предполагавшемся движеніи и о будущихъ дѣлахъ съ непріятелемъ!

Надо пожить, читатель, не одинъ мѣсяцъ въ палаткѣ на походѣ, чтобы умѣть понять то волненіе, которое ощущается при извѣстіи о давно желанномъ движеніи на встрѣчу непріятелю!

При одной мысли, что можешь остаться назади, а не попасть въ экспедиціонный отрядъ, человѣкъ начинаетъ бѣсноваться и считать себя самымъ несчастнымъ созданіемъ. Является скверное чувство зависти; желчь бушуетъ; оставляемый сзади хорошо сознаетъ, что вѣдь это необходимая мѣра, что сколько ни волнуйся, а этому не поможешь, что товарищи, идущіе впередъ, передъ нимъ ни въ чемъ не виноваты, но онъ золъ на нихъ и не мало нужно времени, чтобы успокоиться бѣднягѣ.

А въ данномъ случаѣ рекогносцировка имѣла особенный интересъ: быть въ первой разъ въ дѣлѣ подъ командой великаго „бѣлаго генерала", такъ прославившаго себя въ турецкую войну! По этому читатель можетъ себѣ представить волненіе, царствовавшее въ лагерѣ и тѣ оживленные, страстные разговоры, которые велись въ палаткахъ между задыхающимися отъ жары офицерами, сидѣвшими почти въ костюмахъ Адама и закусывавшими чѣмъ Богъ послалъ...

Часа черезъ три лагерь представлялъ картину полнаго разгара дѣятельности: былъ уже отданъ приказъ о движеніи впередъ на слѣдующій день.

Начальники частей, шедшихъ на рекогносцировку, бѣгали на сколько хватало силъ и съ азартомъ разносили своихъ подчиненныхъ, считая это лучшимъ средствомъ для прибавленія имъ энергіи; множество верблюдовъ было собрано за лагеремъ, въ ожиданіи появленія офицеровъ изъ каждой части для забранія извѣстнаго числа кораблей пустыни подъ вьюки; верблюдовожатые приводили въ порядокъ сѣдла или же съ самымъ апатичнымъ видомъ лежали на раскаленномъ песку!....

Въ походныхъ кузницахъ кипѣла работа; вереницей тянулись лошади, оглашавшія воздухъ ржаніемъ, слышались удары молота, подковавшаго ноги этихъ четвероногихъ, не всегда по-

койно переносившихъ эту надоѣдливую для нихъ операцію, слышался топотъ, окрики солдатъ...

Въ артиллерійскомъ паркѣ шла выдача патроновъ и снарядовъ; парковый офицеръ метался какъ угорѣлый, спѣша удовлетворить требованія своихъ многочисленныхъ посѣтителей; у интендантскихъ складовъ была давка; слышались возгласы, обращенные къ интендантскому поручику, съ котораго потъ лился уже въ три ручья и который бѣгалъ отъ однихъ вѣсовъ къ другимъ съ записною книжкою въ рукахъ, не обращая вниманія на эти отчаянные возгласы!

— Поручикъ! ради Бога, велите мнѣ выдать поскорѣе восемь мѣшковъ сухарей! Мнѣ еще надо патроны принимать, некогда! взываетъ прапорщикъ саперъ.

— Послушайте, что же это такое! мнѣ вмѣсто муки даютъ ячменя! кипятится самурецъ, красный отъ жары и отъ волненія какъ вареный ракъ.

— Ваше б—діе! батарейный командиръ просили выдать поскорѣе сѣна! лѣзетъ съ запискою усачъ фейерверкеръ...

Содомъ и Гоморра! сотни солдатъ тащутъ и волокутъ кули и мѣшки; верблюды тянутся вереницей; лошади, приведенныя въ недоумѣніе такой суматохой, бьются и ржатъ на коновязяхъ, начальство ругается, а проклятое солнце злорадно жжетъ и палитъ физіономію и тѣло, которое зудитъ отъ массы мелкаго песку, столбомъ стоящаго въ воздухѣ!...

Штабные офицеры бѣгаютъ съ кипами бумагъ подъ мышками, снуютъ взадъ и впередъ; писаря, посланные изъ своихъ частей выписать приказы и диспозицію на слѣдующій день, сломя голову мчались въ штабную канцелярію, торопясь раньше занять лучшее мѣсто въ кибиткѣ, которая скоро оказалась биткомъ набитою...

Офицеры и солдаты тѣхъ частей, которыя должны были

остаться въ Бами, угрюмо посматривали на эту суматоху и на ихъ лицахъ выражалось сильное желаніе принять участіе въ этой лихорадочной дѣятельности, но, по волѣ судьбы, они должны были оставаться только зрителями! До поздней ночи длились эти приготовленія; наконецъ все утихло, измученные люди предались покою, кое-гдѣ только, въ офицерской палаткѣ, сквозь полотно, просвѣчиваетъ огонь свѣчки, при свѣтѣ которой пишется письмо, можетъ быть послѣднее, или же въ записной книжкѣ отмѣчаются впечатлѣнія дня, а можетъ быть и нѣчто прозаичнѣе—количество принятыхъ сухарей... Но вотъ огонь потухаетъ и не раздѣваясь, положивши подъ руку шашку и револьверъ, бросается усталый офицеръ на койку и въ ту же минуту засыпаетъ, какъ убитый... Въ походѣ безсонницы не бываетъ—цѣлый день труда заставляетъ пользоваться каждой минутой отдыха и дорожить ею больше, чѣмъ въ городѣ, гдѣ обращаютъ день въ ночь и ночь въ день!

Наступило утро 1 іюля; чуть свѣтъ поднялись всѣ въ лагерѣ; надо было еще многое допринять, а главное навьючивать верблюдовъ! На долю деньщиковъ въ подобныхъ случаяхъ выпадаетъ мученическій вѣнецъ: надо все увязывать, готовить вьюки и вмѣстѣ съ тѣмъ давать своимъ господамъ умываться, приготовить имъ и чай и что нибудь поѣсть... Дѣйствительно каторга! Ну и ругаются же они въ это время! Просто не подходи! Самое меньшее что услышишь:

— Не разорваться же мнѣ, ваше б—діе! а то пожалуй пробормочетъ что нибудь и хуже—и ничего не сдѣлаешь, потому что самъ сознаешь, что человѣкъ, какъ говорится, „выскочилъ“ изъ себя!

Передъ каждой частью расположены ряды вьюковъ; тутъ виднѣются патронные ящики, связанные вмѣстѣ по нѣсколько штукъ, ротные котлы и разная кухонная посуда, мѣшки съ провіантомъ,

связки съ топливомъ... Верблюды лежали рядами и меланхолично пережевывали свою жвачку въ ожиданіи нагрузки; изъ кибитокъ и палатокъ поминутно выбѣгали солдатики съ разными вещами, волокли тюки .. Слышались громкія приказанія офицеровъ и фельдфебелей—словомъ совершались послѣднія приготовленія къ походу.

— Ты куда бѣжишь? кричитъ молодой артиллерійскій поручикъ гардемарину, куда то сильно торопящемуся.

— Папиросъ, братъ, нѣтъ, бѣгу къ маркитанту!

— Да ужъ всѣ разобраны, не достанешь!

— Вотъ тебѣ и разъ!... Что же мнѣ дѣлать теперь?

— А ты попроси у Петра Васильевича, онъ тебѣ навѣрное уступитъ штукъ 300 или 400—у него очень много запасено.

— Спасибо братъ за совѣтъ! кричитъ морякъ и рысью направляется занять папиросъ—вещь крайне необходимая, въ походѣ въ особенности, для всякаго курящаго.

Черезъ 10 минутъ онъ, какъ бомба, выпрыгиваетъ изъ кибитки вышепоименованнаго Петра Васильевича Полковникова, командира 4 батареи 20-й артиллерійской бригады, съ большимъ сверткомъ подъ мышкой и стремительно направляется, лавируя между снующимъ взадъ и впередъ людомъ, къ вытянувшимся длинной шеренгой лавочкамъ маркитантовъ. Здѣсь буквально столпотвореніе вавилонское!

Всѣ маркитанты—армяне. Относительно высасыванія денегъ, живъ ростовщикъ, берущій 10% въ мѣсяцъ, является мальчишкой въ сравненіи съ армянипомъ! Да не подумаетъ читатель, что я преувеличиваю цѣны, существовавшія въ походѣ—ничуть; я придерживаюсь строгой истины. Бутылка пива—3 р., фунтъ ветчины—2 р. 50 к., маленькая бутылка лимонада—1 р. 50 к., бутылка водки—4 р. с., бутылка коньяка самаго худшаго достоинства—отъ 8 до 10 р. с., фунтъ сахара—1 р. с., фунтъ свѣчей

—столько же, тысяча папиросъ 2 сорта—20 р. с., и т. д. Словомъ армяне брали отъ 200—400% чистой прибыли!

Въ этотъ день, въ лавчонкахъ этихъ кровопійцъ не было мѣста, такая масса покупателей наводнила ихъ... Впрочемъ, я выразился не совсѣмъ точно: тутъ главной контигентъ составляли потребители, которые, сидя на землѣ, лежа на прилавкахъ, прислонившись къ разнымъ ящикамъ—пили и ѣли, такъ какъ каждая палатка маркитанта представляла вмѣстѣ съ тѣмъ и ресторанъ. Офицерство оставляло здѣсь почти всѣ свои деньги—да и къ чему въ самомъ дѣлѣ деньги человѣку, который не сегодня, такъ завтра отправится быть можетъ туда, гдѣ „нѣтъ ни болѣзни, ни воздыханія?“

Сегодня пьютъ особенно много: идущіе на рекогносцировку —отъ радости, остающіеся въ Бами—съ горя!

Носатые восточные „человѣки“ съ подобострастіемъ подаютъ и убираютъ бутылки; малѣйшее замедленіе можетъ вызвать катастрофу; армяне видятъ по разгоряченнымъ лицамъ офицеровъ, что сегодня шутки плохія—ибо воинственный жаръ ихъ можетъ проявиться непріятнымъ для мошенниковъ-торговцевъ дѣйствіемъ; у каждаго офицера на рукояти шашки или же на поясѣ, или же прямо въ голенищѣ высокаго сапога имѣется инструментъ, именуемый нагайкой, съ употребленіемъ котораго спины маркитантовъ имѣютъ очень близкое знакомство! Спасительное средство! Сколько разъ случается, что чувство алчности сдерживается въ границахъ взиманія всего четырехсотъ процентовъ при взглядѣ на нагайку! Хочется армянину приписать лишнюю бутылку на счетъ подпившаго офицера, ужасно хочется! Но вотъ взглядъ его случайно падаетъ на торчащую изъ сапога рукоять нагайки, ему уже чудится свистъ ея въ воздухѣ и, не смотря на 45° жару, морозъ подираетъ по кожѣ—армянинъ сохраняетъ неприкосновенной свою честность и спину, а офицеръ—нѣсколько рублей.

Средство не гуманное—но безусловно полезное.

Когда гардемаринъ вошелъ въ одну изъ кибитокъ—попойка была въ разгарѣ.

— А, морякъ! тебя то братъ и не хватало! послышались восклицанія.

— Ты идешь въ первый разъ въ дѣло, надо выпить непремѣнно, заявилъ казачій офицеръ, шрамъ на физіономіи котораго показывалъ, что онъ самъ нюхивалъ уже пороху.

— Ну конно-горно-водолазная артиллерія опрокидывай живѣе, а то стакановъ мало, говоритъ штабсъ-капитанъ артиллеріи, поднося чайный стаканъ портера съ шампанскимъ къ губамъ гардемарина.

— Ради Бога, что ты! взмолился тотъ; я еще и водки не пилъ и не закусывалъ...

— Пей, не разсуждай; чинопочитаніе прежде всего, ты гардъ, а я Государя моего штабсъ-капитанъ!

Дѣлать нечего; пришлось моряку на тощакъ хватить стаканъ этой, съ ногъ сбивающей, бурды.

— Ну теперь закусывай; вотъ тебѣ сардинки, балыкъ, икра, ветчина,—только она червивая...

— Это ничего, братъ; я съѣлъ добрый фунтъ и только на послѣднемъ кускѣ замѣтилъ здоровеннаго червяка, утѣшилъ казакъ, бывшій уже сильно на взводѣ.

— Нѣтъ, ты пойми, вѣдь это обида, оскорбленіе!... слышался пьяный голосъ, какъ будто изъ подъ земли.

Морякъ нагнулся за прилавокъ и увидѣлъ двухъ пѣхотныхъ офицеровъ, лежавшихъ на буркѣ. Около нихъ стояло блюдо съ остатками шашлыка и двѣ опорожненныя бутылки водки. Одинъ изъ нихъ безпомощно тыкалъ вилкой въ блюдо и никакъ не могъ уловить куска мяса; другой, съ самой печальной и обиженной физіономіей, жаловался на свою судьбу—онъ во время рекогносцировки долженъ былъ остаться въ Бами.

— И за что, за что? Былъ я въ Ташкентѣ, въ Хивѣ, въ Коканѣ, подъ Карсомъ; раненъ въ ногу, сейчасъ вотъ сниму штаны и покажу—вотъ какой шрамъ,—и онъ развелъ руками на аршинъ; что же я трусъ, что ли? За что же такая обида? Нѣтъ! ты мнѣ скажи—трусъ я или нѣтъ? Вотъ какая рана— и вдругъ меня оставляютъ!

Ишь вѣдь нализался, глубомысленно промолвилъ казакъ и въ это же время опрокинулъ бутылку коньяку на тарелку гардемарина. Произошелъ потопъ. Коньякъ попалъ на сѣтовавшаго на свою судьбу пѣхотница.

— За что же это вы меня обливаете? И въ походъ не берутъ, и коньякомъ обливаютъ, да что же это такое? Трусомъ не былъ, раненъ въ ногу и вдругъ!...

Бѣдняга заплакалъ, а товарищъ его продолжалъ невозмутимо тыкать вилкой въ блюдо, гдѣ теперь вмѣсто мяса былъ уже коньякъ.

Въ лагерѣ между тѣмъ навьючивали верблюдовъ; шумъ былъ страшный: четвероногіе корабли пустыни оглашали воздухъ скрипучимъ ревомъ, солдаты ругались, ибо, какъ всѣмъ извѣстно, русскій человѣкъ не можетъ усердно работать безъ употребленія энергичныхъ выраженій, верблюдовожатые перекрикивали весь этотъ шумъ своими гортанными голосами...

— Ну, чего сталъ? веди верблюдовъ, видишь чай, что дорогу загородилъ!

Кричитъ саперный унтеръ-офицеръ вожатому-персу, который, не смотря на всѣ усилія, не можетъ заставить подняться верблюда, котораго усердные солдатики слишкомъ тяжело навьючили. Сколько онъ ни щелкаетъ языкомъ, сколько ни тянетъ за веревку, продернутую въ ноздри, верблюдъ не подымается и только яростно реветъ и плюетъ.

Подбѣжалъ солдатикъ и довольно сильно кольнулъ животное штыкомъ; верблюдъ заревѣлъ, сдѣлалъ усиліе, поднялся и снова упалъ.

— Ишь ты проклятая животина! Нечего дѣлать, видно надо развьючивать. Эй, наши! подь сюда.

Явились саперики, сняли съ верблюда его вьюкъ, который вѣсилъ по меньшей мѣрѣ пудовъ двѣнадцать, тогда какъ верблюдъ былъ изъ слабыхъ и поднять болѣе 5 или 6 пудовъ ни въ какомъ случаѣ не могъ.

Постепенно вытягивались вьюки на равнину передъ лагеремъ.

Вотъ вытянулись фургоны Краснаго Креста, нѣсколько арбъ съ штабными вещами. Люди были готовы къ походу и ожидали приказанія становиться въ ружье. Въ артиллеріи лошади были уже обамуничены, осталось только ихъ запречь...

Нещадно нахлестывая нагайкой лошадь промчался ординарецъ генерала, передавая на ходу приказаніе выводить лошадей.

Сначала двинулась пѣхота и заняла указанное мѣсто около апалоя, гдѣ находился уже священникъ въ полномъ облаченіи. Артиллерія, тяжело громыхая и звеня, выстроилась на другомъ фасѣ, оставивъ мѣсто для казаковъ, которые тоже не замедлили явиться. Солнце ярко освѣщало ряды солдатъ и сверкало на штыкахъ винтовокъ и мѣди орудій... На заднемъ фонѣ вздымались голубыя вершины Копетъ-Дага, впереди серебрянымъ блескомъ выдѣлялись на необозримой желтой степи солончаки.

Послышалась команда.

— Смирр-но!

Изъ лагеря галопомъ выскочила кучка всадниковъ. Впереди, на бѣлой лошади, въ бѣломъ китилѣ, въ бѣлой фуражкѣ, выдѣлялась изъ среды всѣхъ своей чудной, непринужденной посадкой, галопировалъ „бѣлый генералъ“, незабвенный Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ. Сзади слѣдовали адъютанты, штабъ и конвой осетинъ, одинъ изъ которыхъ везъ темно-фіолетовый бархатный штандартъ съ золотыми кистями.

Принявъ рапортъ, генералъ всталъ по близости апалоя.

Всѣ головы обнажились и начался молебенъ. Съ искреннею вѣрою и теплою молитвою осѣняли себя крестнымъ знаменемъ солдатики передъ походомъ, въ которомъ быть можетъ многимъ приходилось сложить свои головы... Да я думаю и люди, безразлично относящіеся къ религіи, чувствовали въ это время, при этой особенной обстановкѣ, настроеніе необыкновенное, щемящее за душу.

Молебенъ окончился; по рядамъ прошелъ священникъ, кропя святой водой эти смуглыя, загорѣлыя лица, съ благоговѣніемъ предъ нимъ сконявшіяся!

Скобелевъ началъ обходить войска; далеко слышался его голосъ, немного картавившій, здоровавшійся съ людьми; каждой части говорилъ онъ что нибудь о ея прежнихъ боевыхъ заслугахъ, о надеждѣ его, что и теперь солдаты покажутъ себя достойными славы, пріобрѣтенной ихъ прежними товарищами.

Обойдя всѣ войска, генералъ приказалъ выстроиться въ порядкѣ походнаго движенія; грянулъ хоръ музыки и отрядъ двинулся мимо „бѣлаго генерала“, навстрѣчу неизвѣстнымъ опасностямъ и приключеніямъ.. Поднялось облако пыли, по немногу скрывшее изъ глазъ Бами и толпу товарищей, остававшихся тамъ съ горькимъ чувствомъ людей, завѣтныя мечты которыхъ не осуществились...

Не нужно было быть особенно искуснымъ наблюдателемъ, чтобы по выраженію лицъ офицеровъ маленькаго отряда узнать, кто изъ нихъ идетъ въ дѣло въ первый разъ; сіяющая отъ радости физіономія, глаза горятъ, выраженіе напряженнаго ожиданія на лицахъ, желаніе придать себѣ молодцоватый, воинственный видъ—всѣ эти признаки такъ бросаются въ глаза, что сейчасъ видно новичка, неокуреннаго порохомъ!

Кровь кипитъ при звукахъ марша, присутствіе знаменитаго „бѣлаго генерала“ подзадориваетъ молодаго воина, въ его вооб-

раженіи рисуются картины боя: вотъ онъ видитъ себя окруженнымъ врагами, онъ отбивается, убиваетъ одного, другаго, третьяго... Генералъ видитъ это, замѣчаетъ храбрость, вотъ онъ уже съ бѣленькимъ крестикомъ на груди, на погонахъ одна или двѣ лишнія звѣздочки...

Мечты уносятъ новичка въ пространство... Рисуются картины самыя несбыточныя, сердце стучитъ усиленно въ груди, и окружающей обстановки для него уже не существуетъ...

Богъ съ нимъ! пусть себѣ помечтаетъ; не надо ему мѣшать и разочаровывать его; пусть онъ представляетъ себѣ человѣческую бойню покрытою розовою дымкою романтизма! Завтра же, быть можетъ, шальная пуля за версту разстоянія отъ непріятеля перебьетъ ему руку или ногу, тогда онъ увидитъ, какъ забавны были его мечты объ отличіяхъ въ рукопашномъ бою, о храбрости, геройствѣ и пр. и пр. Когда онъ увидитъ потоки крови, когда изъ раздробленной головы рядомъ стоящаго солдата брызнетъ ему мозгъ въ лицо, когда послышатся крики и раздирающіе стоны раненыхъ—тогда только составитъ онъ понятіе о войнѣ и пойметъ ложность ранѣе увлекавшихъ его воображеніе картинъ... Пока же пусть мечтаетъ, оно хорошо въ томъ отношеніи, что переходъ становится незамѣтнымъ и нашъ мечтатель не чувствуетъ усталости, а устать есть съ чего!...

Нѣтъ такого краснорѣчиваго пера, которое могло бы, своимъ описаніемъ похода въ песчаной степи дать читателю вполнѣ истинное понятіе всѣхъ мученій, испытываемыхъ человѣкомъ! Только пребываніе и личное участіе могутъ заставить почувствовать всѣ тѣ страданія, которыя приходится выносить! Описаніе вяло, безцвѣтно, какъ бы оно ни было искусно, въ сравненіи съ истиной!

Вы, читатели, жители городовъ, тратящіе на умываніе количество воды, достаточное напоить полуроту солдатъ, никогда не

поймете чувства человѣка съ пересохшимъ, воспаленнымъ горломъ, съ потрескавшимися губами, мечтающаго о ложкѣ воды, только объ одной ложкѣ!...

Когда, переходя улицу, вы попадаете случайно въ облако пыли, несущейся изъ подъ метлы какого нибудь несвоевременно ревностнаго дворника, вы начинаете чихать, кашлять, протирать глаза... Представьте же себѣ положеніе человѣка, идущаго 40 верстъ въ облакѣ мелкаго, жгучаго песку, затмѣвающаго солнце? Ротъ полонъ песку—онъ хруститъ на зубахъ, слезы льются изъ глазъ отъ рѣжущей въ нихъ боли, все лицо горитъ какъ въ огнѣ, и ноетъ, и щиплетъ!

А ноги? По щиколку въ пескѣ, съ трудомъ двигаются, расползаются, какъ будто пудовыя гири привязаны къ нимъ; онѣ отекли, подошвы болятъ, масса песку набралась въ сапоги, отъ этого кожа воспалена и въ ссадинахъ, образовался не одинъ пузырь. А идти надо! Да еще идти, неся на себѣ вьюкъ по крайней мѣрѣ въ 50 фунтовъ вѣсомъ! И все это подъ акомпаниментъжгучихъ 45° лучей средне-азіатскаго солнца! Какъ тяжелый кошмаръ являются теперь воспоминанія о пережитомъ! и перенесенномъ. Кажется, что это былъ другой человѣкъ, а не я. ..

Въ довершеніе всѣхъ этихъ физическихъ страданій, природа еще иронизируетъ надъ бѣднымъ, замученнымъ человѣкомъ!

Вотъ горизонтъ прояснился, показалась голубая линія, все расширяющаяся и наконецъ принимающая видъ моря...

Прозрачная влага ясно переливается; берега усѣяны кустарникомъ! Вы представляете себѣ все наслажденіе броситься въ эти волны, чтобы прохладить свое обожженное тѣло... Воображеніе заставляетъ васъ испытывать муки Тантала, вы хорошо знаете, что это миражъ! Вода васъ манитъ: то кажется, что это голубое море разливается и движется къ вамъ, то снова отступаетъ на горизонтъ... Вотъ оно уменьшается, уменьшается... пропало,

и снова желтая, безпредѣльная равнина и блѣдно-голубое, раскаленное небо давятъ своимъ однообразіемъ...

Но вотъ наконецъ жара и усталось произвоцятъ свое дѣйствіе; человѣкъ движется, но онъ на половину въ летаргическомъ снѣ; онъ теряетъ способность мыслить—это автоматъ. Глаза ничего не выражаютъ, ротъ полуоткрытый, шаги колеблющіеся... Онъ слышитъ что дѣлается и говорится вокругъ него, но отдать себѣ полнаго отчета не можетъ. Пять разъ вы ему можете что нибудь сказать, онъ услышитъ, но его мускуламъ трудно сразу подчиниться дѣйствію воли...

Состояніе трудно передаваемое и еще труднѣе физіологически объяснимое, для меня по крайней мѣрѣ.

Можно пройти такое же разстояніе, даже при болѣе трудныхъ физическихъ условіяхъ, незамѣтнымъ, сравнительно, образомъ, если только передъ вашими глазами мѣняется ландшафтъ, если вы сами замѣчаете, по смѣнѣ окружающихъ васъ предметовъ, что вы движитесь.

Сколько разъ мнѣ приходилось съ величайшими усиліями взбираться на горы; трудно, очень трудно, но усилія эти вознаграждются чуднымъ видомъ, открывающимся съ этихъ головокружительныхъ высотъ.

Гдѣ нибудь надъ головой виднѣется выступъ и къ нему хочешь пробраться и вотъ начинаешь подыматься и видишь какъ онъ все приближается и приближается... Видъ этотъ поддерживаетъ энергію и даетъ новыя силы, необходимыя для достиженія цѣли.

Въ степи не то: уставшія ноги даютъ вамъ знать, что вы прошли уже не одинъ десятокъ верстъ, глазъ же вашъ не замѣчаетъ этого; повсюду таже желтая скатерть, тоже блѣдно голубое небо и вы не знаете сколько вамъ осталось идти и сколько уже пройдено!

Да, господа, тяжелая вещь степной походъ!

Одолѣваетъ смертельная скука, но вмѣстѣ съ тѣмъ и разговоръ не вяжется—лѣнь отвѣчать и спрашивать, полная апатія овладѣваетъ человѣкомъ, голова тяжела и съ трудомъ соображаетъ что бы то ни было;—единственная у всѣхъ мысль—поскорѣе добраться до привала, хотя и привалъ тоже не представляетъ большой радости, такъ какъ жгучее солнце все равно будетъ также безжалостно продолжать жарить измученныхъ воиновъ...

Вотъ если бы ночлегъ поскорѣе—это такъ; тогда, растянувшись на буркѣ, въ ночной прохладѣ, у ярко пылающаго костра, подъ покровомъ темнаго неба, усѣяннаго міріадами звѣздъ, въ бесѣдѣ съ товарищами, сразу позабудутся всѣ дневные труды и невзгоды и веселая рѣчь польется рѣкой.....

Но до ночлега далеко, а пока зной становится все удушливѣе и удушливѣе... Всѣ ротные фургоны и свободные верблюды уже заняты ослабѣвшими солдатами, которые шли до послѣдней возможности и только упавши и не будучи въ состояніи подняться безъ чужой помощи, были посажены на фургоны. Замѣчательная черта нашего солдата въ походѣ. Онъ никогда не притворится больнымъ или ослабѣвшимъ: пока есть хотя капли силы у него—онъ идетъ не жалуясь, не ропща; не будетъ мѣста на фургонѣ—онъ упадетъ на землю и будетъ лежать, оставаясь на жертву непріятеля или дикихъ звѣрей и вы не услышите отъ него жалобы, нѣтъ! Единственно, что онъ скажетъ: „прощайте, братцы, не поминайте лихомъ, придете въ Россію, кланяйтесь роднымъ“. И это все; ни жалобъ, ни отчанія, ни слезъ! Безмолвно будетъ онъ смотрѣть въ слѣдъ удаляющимся товарищамъ, пока въ облакѣ пыли не пропадутъ послѣдніе блестки штыковъ и покорно будетъ ждать своей участи! Полный фатализмъ, полная покорность велѣніямъ судьбы—вотъ одна изъ характернѣйшихъ чертъ нашего солдата, черта, составляющая главную его силу. И дай Богъ, чтобы онъ подольше былъ фаталистомъ и не

знаетъ того, что каждый изъ насъ самъ такъ или иначе устраиваетъ свою жизнь и что вліяніе судьбы, которой онъ такъ слѣпо подчиняется, не есть обязательное вмѣшательство въ наши дѣла, а является изрѣдка, такъ сказать сверхъ абонемента!

Надо поближе познакомиться съ солдатомъ, нужно съумѣть войти въ его довѣріе, чтобы научиться уважать его! Надо, чтобы онъ не боялся офицерскихъ погонъ, былъ бы съ вами искренненъ и тогда вы убѣдитесь, что этотъ кусокъ пушечнаго мяса, одѣтый въ сѣрую шинель—человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова, и какъ человѣкъ, стоитъ выше насъ съ вами.

Полировки, поверхностнаго образованія и воспитанія у него нѣтъ, это правда, но за то эта полировка не стерла его хорошія нравственныя качества! Онъ ничего не знаетъ, но за то у него прямое и великодушное сердце: сознавая свое полное во всемъ незнаніе—онъ не имѣетъ такимъ образомъ возможности ни на кого наводить туману верхушками, повсюду нахватанныхъ свѣденій; здравый разсудокъ замѣняетъ ему его образованіе; какъ я уже сказалъ, онъ сохраняетъ въ неприкосновенной чистотѣ свою вѣру въ Провидѣніе и благодаря этой вѣрѣ, чисто младенческой, онъ дѣлаетъ подвиги, на которые можно только смотрѣть съ удивленіемъ! А мы съ вами читатель? Дрессировка, называемая образованіемъ и воспитаніемъ, что она намъ дала? Больше пользы или вреда? Съ горькимъ чувствомъ говоришь—да, больше вреда! Ничего фундаментальнаго мы не получили, а лишились многаго, скрашивающаго жизнь солдата. Вѣра пошатнулась и взамѣнъ ея намъ не дано ничего!.

Вы скажите чувство долга? Заставитъ васъ чувство долга на штурмѣ заслонить своею грудью вашего начальника отъ непріятельскаго удара? Не думаю! А солдатъ, спасшій на штурмѣ Геокъ-Тепе такимъ образомъ своего ротнаго командира, сдѣлалъ это изъ чувства вѣры въ судьбу—виноватаго, молъ, найдетъ!

Что насъ заставляетъ, людей, съ позволенія сказать, образованныхъ, лѣзть на смерть! Желаніе получить орденъ, отличиться и составить себѣ карьеру... Я слышу, какъ вы возмущаетесь и говорите—неправда это сознаніе своего долга! Виноватъ, не вѣрю, сколько бы вы не драпировались тогою истиннаго гражданина! Долгъ—это громкое слово, какъ-то даже странно звучащее въ нашъ продажный, непризнающій ровно ничего, вѣкъ. Если не изъ за креста, то изъ за самолюбія, чтобы не показаться трусомъ передъ другими, подставляете вы лобъ! Если и не это —то прямо вамъ надоѣла жизнь и вы хотите сдѣлать ее болѣе пряною, ища сильныхъ ощущеній, точь въ точь какъ люди, отъ излишества потерявшіе вкусъ и аппетитъ, повсюду въ кушанья сыпятъ перецъ и приправы, раздражающія ихъ нервы.

Солдатъ же, перекрестившись, идетъ въ огонь покойно, опять же подъ вліяніемъ той же вѣры въ Провидѣніе, которая насъ съ вами едва ли подвинетъ на что нибудь; онъ совершаетъ подвигъ, который приводитъ въ изумленіе всѣхъ окружающихъ, но самъ онъ не сознаетъ этого—для него это вещь обыкновенная, ни чуть не выходящая изъ ряда явленій его жизни, такъ какъ его внутренній голосъ говоритъ ему, что иначе и поступить было нельзя!

Приведу въ примѣръ героя въ сѣрой шинели, зауряднаго, плюгавенькаго солдатика, о которомъ едва-ли кто знаетъ. Взятый въ плѣнъ вмѣстѣ съ пушкой, въ числѣ прислуги которой онъ находился, онъ подвергается самымъ страшнымъ пыткамъ, которыми его хотятъ принудить открыть неизвѣстный тэкинцамъ способъ обращенія съ орудіемъ незнакомой имъ системы. И вотъ ему послѣдовательно рѣжутъ всѣ пальцы на рукахъ и на ногахъ; нашъ сѣрый герой крѣпится, призываетъ на помощь свою вѣру и молчитъ! Вырѣзываютъ ремни изъ спины—тоже молчаніе; полуживаго поджариваютъ—онъ умираетъ не сказавши ни слова! Фамилія этого мало-

извѣстнаго мученика и героя—*Никифоровъ*, канониръ 6-й батареи 19 бригады!

Никифоровъ не одинъ, всѣ наши солдаты таковы; къ сожалѣнію мы не стараемся ближе узнавать ихъ, впрочемъ оно и лучше, пожалуй; отъ этого сближенія вѣдь не будетъ добра наивному солдату, который приметъ на слово, не будучи въ состояніи критически оцѣнить ее, мораль, выработанную нашимъ, современнымъ, обществомъ, и пропали тогда всѣ его добрыя качества! Пусть остается такимъ, какимъ онъ былъ во времена Суворова и войны 1812 года, когда весь міръ съ удивленіемъ и уваженіемъ взиралъ на него и какимъ онъ остался и до сихъ поръ, почти безъ измѣненія. Пусть это будетъ наивная, прямодушная, вѣрующая каста; не надо намъ германскихъ солдатъ, этихъ автоматовъ на службѣ и политиковъ внѣ службы, сидящихъ въ пивныхъ съ газетами въ рукахъ и разсуждающихъ о могущей быть войнѣ или распѣвающихъ во все горло „Wacht am Rhein“; не нужно намъ и подвижныхъ, пылкихъ, съумасбродно храбрыхъ французскихъ солдатъ; у насъ выработался свой типъ, далеко превышающій своими нравственными качествами всѣхъ солдатъ въ мірѣ! Одна забота—не испортить этотъ типъ...

Только теперь я замѣтилъ, что уклонился черезъ чуръ отъ отъ нити моего разсказа; впрочемъ, читатель, это какъ разъ случилось, когда отрядъ остановился на привалѣ. Пойдемъ съ вами снова и посмотримъ, что дѣлается на мѣстѣ этого, давно желаннаго, отдыха.

Въ отрядѣ все лежитъ, начиная съ начальства и кончая даже верблюдами. Прежде всего поразитъ васъ число индивидуумовъ, лежащихъ на спинѣ, поднявши къ верху обѣ ноги; (я говорю о людяхъ, ибо еще ни разу до сихъ поръ не видѣлъ верблюда или лошадь въ такомъ положеніи).

Это положеніе—самое удобное для пѣшехода, сдѣлавшаго

переходъ верстъ въ 25; кровь отливаетъ отъ ногъ и уже чувствуется облегченіе минутъ черезъ 10 такой позы; рекомендую вамъ испытать, читатель, если вамъ придется побѣгать много, даже и не въ походѣ, а въ богоспасаемомъ городѣ Кронштадтѣ. Нѣсколько человѣкъ занималось варкой чая, по преимуществу это были деньщики, господа которыхъ группами лежали на буркахъ; артиллерійскіе солдатики, чтобы скрыться отъ жары, позалѣзали подъ орудія и зарядные ящики, но тѣни и тамъ было немного! Иные, окончательно задыхаясь отъ жары, вырывали руками *яму въ пескѣ* и прятали въ нее лицо, воображая, что дышутъ болѣе прохладнымъ воздухомъ. Температура достигла 50° R съ нѣсколькими десятыми! Несчастіе быть полнокровнымъ человѣкомъ, находясь въ такомъ теплѣ.

Не смотря на духоту, офицерство съ жадностью набрасывалось на чай, какъ только онъ готовъ, зная что ничто такъ не утоляетъ жажды какъ горячій кипятокъ; дѣйствительно можно пить сколько угодно воды и вамъ хочется пить все больше и больше, причемъ ощущеніе жажды продолжаетъ оставаться, стаканъ же горячаго чая, особенно съ лимономъ или экстрактомъ клюквенной кислоты сразу освѣжаетъ васъ.

Но вотъ подается сигналъ къ подъему; утомленные солдаты, обожженые и скорѣе измученные, чѣмъ отдохнувшіе отъ этого лежанія на раскаленномъ пескѣ, съ трудомъ подымаются.

Снова навьючиваются верблюды, снова садятся ѣздовые на лошадей, пѣхота выстраивается; снова подымается облако пыли и отрядъ двигается въ глубъ „Ахалъ-Тэкинскаго оазиса“—очень мало похожаго на оазисъ.

Но вотъ наконецъ косвенныя лучи солнца перестаютъ такъ жечь: становится прохладно, т. е. температура понижается до 28 — 30° R, солдаты идутъ бодрѣе; гдѣ-то впереди, далеко, затянули пѣсню; вотъ грянулъ и припѣвъ—сотни голосовъ подтя-

нули и раскатилась русская молодецкая пѣснь по этой голой песчаной пустынѣ, являясь какъ бы провозвѣстникомъ нашего здѣсь владычества и могущества!

Вотъ, подымая пыль высоко взбрасываемыми ногами, пустился въ плясъ бравый солдатикъ; физіономія его остается невозмутимо спокойною, какъ будто онъ и не танцуетъ, какъ будто онъ и не причастенъ ко всему этому пѣнію и грому бубна, который онъ лихо перебираетъ и подкидываетъ въ рукахъ!..

Какъ-то хорошо и весело становится на душѣ у всѣхъ; кажется, что и верблюды и тѣ прибавляютъ шагу подъ звуки этой разухабистой пѣсни, далеко разносящейся въ свѣжѣющемъ воздухѣ.

Взгляните на этого офицера, ѣдущаго верхомъ впереди роты и вы увидите на его физіономіи счастливую, довольную улыбку; онъ только слышитъ звуки этой привычной, родной, пѣсни, но мысль его далеко, она теперь тамъ, на родинѣ, гдѣ онъ впервые услышалъ эту пѣсню и при другихъ обстоятельствахъ... Какъ будто что-то сжимаетъ серце, хочется кому нибудь высказать все, что накипѣло на душѣ, хочется, словомъ, и плакать и смѣяться!... Непонятное, необъяснимое ощущеніе... А бубенъ смолкаетъ и пѣсня едва слышно раздается; сотни голосовъ издаютъ меланхоличные, грустные тоны...

Но вотъ снова грянулъ бубенъ и полились громкіе, полные безшабашнаго и залихватскаго веселья звуки! Плечи начинаютъ сами собою подергиваться, руки и ноги приходятъ въ движеніе, кровь быстрѣе обращается въ жилахъ.

Я, читатель, не поэтъ, по этому и не берусь передавать состояніе души человѣческой, я хотѣлъ только попытаться передать вамъ то, что бывало со мной въ степи, на походѣ, при звукахъ пѣсни, въ непривычной для меня обстановкѣ. Если вамъ случалось когда нибудь испытывать тоже самое—вы поймете ме-

ня, если нѣтъ, то я только могу пожалѣть о васъ, значитъ у васъ будетъ въ жизни однимъ свѣтлымъ впечатлѣніемъ и воспоминаніемъ меньше! Какъ тяжело было идти раньше, такъ легко проходятся теперь эти 10 или 12 верстъ, остающіяся до мѣста ночлега.

Вотъ уже показались бѣлыя стѣны глиняной крѣпости Арчмана; заходящее солнце своими розовыми, угасающими лучами освѣщаетъ ихъ. Видна и мечеть, своимъ куполомъ превышающая глиняныя мазанки, лѣпящіяся одна къ другой; видны виноградники и отдѣльныя деревья, зовущія къ себѣ на отдыхъ...

Казаки, составляющіе авангардъ, нагайками подгоняютъ своихъ измученныхъ лошадей и, выхвативъ винтовки изъ мохнатыхъ чехловъ, на случай встрѣчи съ негостепріимными хозяевами, влетаютъ по единственной узкой и кривой улицѣ огороженной высокими глиняными стѣнками... Пѣшеходу невозможно заглянуть за нихъ, только всадникъ, приподнявшись на стременахъ, можетъ удовлетворить свое любопытство и тогда глазамъ его представляется цвѣтущій садъ, съ зеленѣющей травой и фруктовыми деревьями.

Иногда высокая стѣнка смѣняется очень низенькою и за нею виднѣется обширное пространство, покрытое еще недозрѣвшей кукурузой и изрытое массой, параллельно идущихъ, канавокъ, предназначенныхъ для орошенія этого участка земли.

Но вотъ поперегъ улицы широкая лужа, арыкъ (ручей) съ шумомъ вливаетъ въ нее свои прозрачныя воды, которыя здѣсь, отъ соприкосновенія съ черноземомъ, являются уже въ образѣ чернилъ. Осторожно ѣдутъ казаки, такъ какъ грязь доходитъ до брюха лошади.... Въ эту минуту на стѣнѣ, выдающейся угломъ на улицу, что то сверкнуло, показалось двѣ высокихъ бараньихъ шапки, почти одновременно грянуло два выстрѣла.....

Стройный, красивый казакъ, стегавшій въ этотъ моментъ лошадь, на секунду остался съ поднятой къ верху рукой, покачнулся въ сѣдлѣ, упалъ лицомъ на шею поднявшагося на дыбы коня и грузно шлепнулся въ грязь, разлетѣвшуюся брызгами во всѣ стороны..... Другой хватился за лѣвое бедро съ какимъ-то испуганнымъ видомъ и короткій, болѣзненной крикъ: о—хъ вырвался у него изъ груди... Какая суматоха поднялась! Сразу болѣе десятка человѣкъ маршъ-маршемъ перелетѣло эту глубокую лужу... Вотъ уже трое лѣзутъ на стѣну, подсаживаемые товарищами, съ винтовками въ рукахъ; сотенный командиръ, съ головы до ногъ забрызганный грязью, съ револьверомъ въ рукахъ, громовымъ голосомъ приказываетъ горнисту играть сборъ, направо въ виноградникахъ грянуло уже нѣсколько гулкихъ, сухихъ выстрѣловъ нашихъ берданокъ....

Раненый въ ногу казакъ лежитъ подъ стѣнкой и прерывисто стонетъ отъ боли; подъ нимъ образовалась лужа крови, обогряющей молодую траву и кажущейся особенно красной при пурпуровыхъ лучахъ солнца.... Товарищъ его, убитый на повалъ и только что вытащенный изъ арыка, лежитъ въ нѣсколькихъ шагахъ, весь облѣпленный грязью и облитый кровью, льющейся изъ черной раны на лбу.... Казаки все прибываютъ и, по нѣсколько человѣкъ, спрыгнувши съ лошадей, бросаются въ виноградники, гдѣ уже не слыхать шума; отдѣльные выстрѣлы доносятся издалека едва слышнымъ щелканіемъ.... Оставляя за собой облако пыли мчатся двое казаковъ назадъ по улицѣ дать знать остальному отряду о случившемся.... Но тамъ уже услышали и одна изъ ротъ бѣгомъ вступаетъ въ аулъ. Отрядъ перестраивается въ боевой порядокъ, ожидая серьезнаго дѣла... Напрасно; выстрѣлы прекратились, трубачь играетъ сборъ, изъ за всѣхъ стѣнокъ показываются возвращающіеся казаки, а тѣ два врага, сдѣлавшіе выстрѣлы, уже получили возмездіе и обливаютъ своею

кровью свою же родную землю, на которой они предпочли пасть, чѣмъ оставить ее мирно во владѣніе „бѣлыхъ рубахъ“... Казаки же довольны тоже, что сквитались за своихъ товарищей и пріятное сознаніе отмщенія вызываетъ улыбку на страждующее лицо раненаго, мечущагося отъ боли въ перебитой ногѣ...

Скоро въ аулѣ подымается шумъ и царитъ лихорадочная дѣятельность: отрядъ готовится на ночевку. На обширной, убитой глиной, площади, гдѣ еще нѣсколько дней тому назадъ тэкинскіе старшины творили судъ и расправу, сидя на корточкахъ передъ разноцвѣтными кальянами и поглаживая свои длинныя, выкрашенныя въ красную краску бороды, располагаются верблюды, оглашающіе, воздухъ своимъ скрипучимъ крикомъ; зеленѣющія деревья, подъ которыми искали убѣжища еще не такъ давно красавицы тэкинскаго оазиса отъ палящихъ лучей солнца, съ трескомъ падаютъ подъ топоромъ „бѣлыхъ рубахъ“, для которыхъ они послужатъ топливомъ для варки пищи... Глиняныя стѣнки, предметъ трудолюбія многихъ десятковъ людей, служившія для разграниченія полей, разрушаются чтобы за ними не могли найдти себѣ защиту хозяева аула, могущіе вернуться въ эту ночъ на свое родное пепелище съ цѣлью прогнать непрошенныхъ частей. Въ нѣкоторыхъ же стѣнкахъ продѣланы четырехугольныя амбразуры и изъ нихъ сверкаютъ мѣдныя пасти орудій, готовыхъ изрыгнуть картечь на нарушителей спокойствія. Десятки солдатъ толпятся около арыка, наполняя свѣжей водой свои кошелки и манерки... Никогда еще этотъ аулъ не видалъ такой дѣятельности!

Смерклось. Десятки костровъ запылали повсюду; взадъ и впередъ двигаются тѣни солдатъ и офицеровъ; вездѣ варится супъ и чай, артелями садятся солдатики на землю и за ужиномъ забываютъ свою усталость; чудная, южная ночь своимъ звѣзднымъ покровомъ облагаетъ весь аулъ; звѣзды горятъ ка-

кимъ-то особеннымъ желтоватымъ свѣтомъ въ безпредѣльной высотѣ темнаго неба; млечный путь матовымъ блескомъ привлекаетъ взглядъ наблюдателя; *соловьи* переливаются въ садахъ и душа переполняется хорошимъ, добрымъ чувствомъ—забываешь на минуту, что въ этотъ чудный, благоухающій уголокъ внесъ съ собою убійство, раззоренье....

Но вотъ отрядъ поужиналъ. По немногу шумъ прекращается, все спитъ, измучившись 40 верстнымъ переходомъ; но какъ бы ошибся непріятель, если бы онъ вздумалъ сдѣлать нападеніе, пользуясь этимъ общимъ сномъ; какъ изъ подъ земли выросъ бы секретъ и встрѣтилъ его мѣткимъ залпомъ!

Знаете вы, читатель, что называется „секретомъ"? Я не говорю о словѣ—секретъ въ его общеупотребительномъ значеніи, такъ какъ каждому извѣстно, что секретомъ называется обстоятельство, чаще всѣхъ другихъ становящееся всѣмъ и каждому извѣстнымъ, въ особенности, если одна изъ васъ, многоуважаемыя читательницы, посвящена въ дѣло, долженствующее быть секретомъ; нѣтъ, я говорю о значеніи военномъ этого слова, гдѣ подразумѣвается дѣйствительно тайна, т. е. неизвѣстное непріятелю расположеніе маленькаго сторожеваго отряда.

Если вы любитель сильныхъ ощущеній, то совѣтую вамъ, при первой возможности, постараться попасть въ секретъ въ темную ночъ, вы останетесь довольны! Маленькая горсточка людей, человѣкъ въ 10—12, должна, въ случаѣ нападенія, разсчитывать только на свои силы, такъ какъ секретъ кладется обыкновенно вдали отъ лагеря, чтобы весь отрядъ имѣлъ время приготовиться къ отраженію нападенія, пока непріятель пройдетъ пространство, отдѣляющее секретъ отъ лагеря.

Въ случаѣ отступленія, послѣ данныхъ выстрѣловъ, секретъ легко можетъ подвергнуться огню, открытому своими.

Я это говоры о случаѣ нападенія, скажу теперь нѣсколько

словъ о самомъ лежаніи въ секретѣ, о нравственномъ состояніи человѣка въ это время.

Обыкновенно секретъ отправляется на свое мѣсто сейчасъ же послѣ захода солнца, причемъ командующій имъ долженъ подробно осмотрѣть все вокругъ и оріентироваться. Затѣмъ всѣ ложатся и до наступленія утра человѣкъ долженъ быть безгласнымъ и неподвижнымъ—это долженъ быть камень, одаренный только зрѣніемъ и слухомъ.

Представьте же себѣ читатель положеніе человѣка, прошедшаго около 40 верстъ за день, измученнаго жарой, которому приходится еще цѣлую ночь не спать и въ перспективѣ на слѣдующій день идти столько же? Да еще лежа на голой землѣ и камняхъ нельзя ни шевельнуться, ни закурить! Вокругъ мракъ, въ трехъ шагахъ все сливается съ землею... Напряженно слушаютъ солдаты, держа винтовки на готовѣ; не слышно ничего, кромѣ этихъ необъяснимыхъ ночныхъ звуковъ, такъ хорошо знакомыхъ всѣмъ кто проводилъ ночи въ лѣсу или степи!... Вотъ солдатикъ прикладываетъ ухо къ землѣ—нѣтъ, ничего... Отяжелѣвшая голова не хочетъ подняться снова; онъ борется со сномъ, съ усталостью и мало по малу приходитъ въ забытье... Онъ не спитъ, онъ сознаетъ все окружающее и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ погружается въ сновидѣнія, кратковременныя, продолжающіяся можетъ быть минуту или двѣ. Затѣмъ онъ снова бодрствуетъ...

Эхъ, трубочку бы выкурить! думается ему, и онъ представляетъ себѣ весь процесъ закуриванія, дымъ уже щекочетъ его горло и ноздри, онъ куритъ..... Шумъ... Глаза раскрылись и солдатъ не твердо убѣжденъ, что онъ не курилъ сейчасъ, что эта была полудремота.... Прямо противъ него во мракѣ свѣтится нѣсколько точекъ; ярко горятъ онѣ и движутся; ихъ становится все больше и больше, весь горизонтъ усѣивается этими фосфорически сверкающими точками... Причина услышаннаго имъ шума

сейчасъ же становится понятною для солдата при видѣ этихъ блуждающихъ огоньковъ.

— Ишь проклятые шакалки, опять повылѣзли, ругнулся про себя солдатикъ и снова въ глзахъ у него начали составляться какія то странныя фигуры изъ этихъ движущихся блестокъ; онъ понимаетъ ясно, что это дремота одолѣваетъ его и старается не закрывать глазъ, но вотъ онъ моргнулъ разъ, другой, а на третій разъ вѣки его оказались закрытыми. Онъ хочетъ открыть ихъ, и не хватаетъ силы... Онъ припоминаетъ, что говорилъ имъ сегодня ихъ „ротный“, что ежели хоть на минуту вздремнутъ, такъ навѣрняка останутся безъ головы, потому, что тэкинцы бродятъ около и вотъ онъ мысленно убѣждаетъ себя, что онъ спать не будетъ, а такъ только себѣ, отдохнетъ.... Протяжный вой, вродѣ дѣтскаго плача, послышался совсѣмъ близехонько; солдатикъ сразу приходитъ въ себя и внимательно вслушивается. Плачъ этотъ повторяется, но уже въ другомъ мѣстѣ; еще нѣсколько голосовъ присоединились и вся степь огласились обычнымъ ночнымъ, въ этихъ странахъ концертомъ, задаваемымъ шакалами...

— И чего это они воютъ? размышляетъ солдатикъ, сонное расположеніе духа котораго значительно разогнали эти, мало мелодическіе звуки. Онъ вглядывается впередъ и... странное дѣло! воображеніе это или дѣйствительность? какая-то масса будто двигается съ лѣвой стороны, а можетъ и не двигается, думается ему, должно быть камень, успокаиваетъ онъ себя.

Но сомнѣніе уже овладѣло имъ и онъ не можетъ быть покоенъ.

— А что ежели это „онъ“ ползетъ?—Рука судорожно приподымаетъ винтовку. Пальнуть или нѣтъ? Кровь приливаетъ въ голову и вотъ уже нѣсколько темныхъ пятенъ показываются нашему солдатику.

Едва слышнымъ голосомъ спрашиваетъ онъ рядомъ лежащаго товарища. „Петровъ! видишь?“ „Гдѣ“? „На лѣво“—Проходитъ минута томительнаго ожиданія... Сердце такъ и бьется, нужна въ эту минуту большая сила воли, чтобы не спустить курокъ... „Ничего нѣтъ“, слышится отвѣтъ—на душѣ стало легче. Показалось?—думается солдатику, но онъ уже теперь взволнованъ. Приливъ крови къ головѣ иной разъ заставляетъ слышать воображаемый шумъ или разговоръ... Случается нервы не выдерживаютъ и... мракъ прорѣзывается огненной вспышкой выстрѣла; пущенная на воздухъ пуля со свистомъ улетаетъ въ пространство, испуганные шакалы съ воемъ удираютъ во всѣ лопатки, въ лагерѣ суматоха и причиной всего разыгравшееся воображеніе солдата, котораго вы ни за что не увѣрите, что онъ стрѣлялъ въ продолженіе своей фантазіи, онъ убѣжденъ, что дѣйствительно „подползали“.

Я знаю случай, когда нашъ и непріятельскій секреты пролежали цѣлую ночь въ тридцати щагахъ разстоянія другъ отъ друга, не предполагая ни тотъ ни другой о такой близости врага! Можете себѣ, значитъ, представить какая тишина соблюдалась и нами и ими! И только утромъ обѣ стороны увидѣли другъ друга и въ первый монетъ были поражены такимъ изумленіемъ, что не сразу обмѣнялись свинцовыми визитными карточками.

Непривычнаго человѣка, ночь, проведенная въ секретѣ сильно взволнуетъ и покажетъ ему истинную крѣпость его нервовъ; я не говорю его храбрость, такъ какъ можно быть очень храбрымъ въ бою: не кланяться пулямъ, гулять съ папиросой въ цѣпи, разсказывая подъ акомпанаментъ свистящихъ пуль скабрезные анекдоты своимъ товарищамъ, идти первымъ на штурмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ можно, будучи ночью въ секретѣ, бояться всякаго шороха и стрѣлять на воздухъ, это покажетъ только, что этотъ человѣкъ слабонервный, который днемъ, при видимой

опасности, владѣетъ достаточно своей первной системой, ночью же нѣтъ.

Вообще понятіе о храбрости очень и очень относительное.

Абсолютно храбрыхъ людей на свѣтѣ нѣтъ; имя храбраго носитъ тотъ, кто меньше другихъ труситъ; это вовсе не громкая фраза, читатель, не пародоксъ, нѣтъ—эта истина. Не вѣрьте никогда никому, кто вамъ скажетъ, что онъ не боится въ бою, что свистъ пуль для него ничего не значитъ—онъ лжетъ; онъ боится, но умѣетъ скрывать это чувства страха, такъ какъ самолюбіе заставляетъ его дѣлать это. Ни сознаніе долга, ни любовь къ родинѣ, ничто не играетъ роли въ этомъ выказываніи храбрости, единственный стимулъ—чувство самолюбія. Это чувство двигаетъ нами, людьми развитыми, когда мы пренебрегаемъ опасностью и сами лѣземъ на нее! Оно непріятно сознаваться, быть можетъ, въ этомъ, но, къ сожалѣнію, это вѣрно. Нѣтъ храбрыхъ людей на свѣтѣ, все это болѣе или менѣе хорошіе актеры; каждый изъ этихъ актеровъ, когда видитъ, что нѣтъ публики, передъ которой бы нужно было играть свою роль, сдѣлается вполнѣ естественнымъ и... спрячется куда нибудь въ канаву! Amicus Plato, sed magis amica-veritas! Если вы, читатель, бывали въ дѣлахъ, то прочтя эти строки припомните ваши тогдашнія ощущенія и скажите сами себѣ, наединѣ, что это вѣрно; я не требую публичнаго признанія, зачѣмъ ставить себя въ неловкое положеніе, а въ душѣ признаться можно и даже слѣдуетъ!...

Вы можете на это возразить, что если дѣйствительно всякимъ человѣкомъ въ бою овладѣваетъ чувство страха, то значитъ невозможно и желаніе вновь попасть въ бой, желаніе, которое очень многіе совершенно искренно высказываютъ, доказывая это на дѣлѣ.

Аргументъ, повидимому, дѣйствительно очень вѣсскій, но, къ сожалѣнію, обращающійся противъ васъ же самихъ.

Если-бы ощущеніе человѣка во время дѣла было бы равносильно тому, какое онъ испытываетъ, выпивая стаканъ чая, то его бы вѣроятно не тянуло снова попасть подъ огонь; въ томъ то вся и сила, что чувство боязни за вашу жизнь такъ васъ волнуетъ, равно какъ и чувство самолюбія, чтобы скрыть эту боязнь, что вы, имѣя очень рѣдко въ вашей обыденной жизни подобныя ощущенія, наслаждаетесь ими; это ощущеніе вѣчно новое, вѣчно потрясающее вашъ организмъ, ощущеніе, прелесть котораго могутъ вполнѣ понять только страстныя, нервныя натуры! Для другихъ это будетъ только страхъ, который необходимо преодолѣть, для нервнаго человѣка—это жизнь въ полномъ смыслѣ слова, ни съ чѣмъ несравнимое сознаніе власти своей воли надъ животнымъ, естественнымъ чувствомъ страха!

Мнѣ приходилось говорить со многими людьми, не разъ бывавшими въ опасностяхъ, о чувствѣ страха, испытываемомъ въ бою, и я замѣтилъ, что человѣкъ, откровенно говорящій о томъ, что онъ трусилъ въ бою, передающій съ величайшею точностію свои впечатлѣнія о томъ, какъ ему казалось, что всякій дымокъ непріятельскаго выстрѣла будетъ предвѣстникомъ пули, предназначенной именно для него, разсказывающій о страстномъ желаніи лечь въ яму во время перестрѣлки, всегда въ концѣ разговора съ искреннимъ чувствомъ сожалѣнія вспоминаетъ объ этомъ невозвратномъ прошломъ.

Если вы вглядитесь попристальнѣе въ такого человѣка, по ближе его узнаете, то вы убѣдитесь, что этотъ человѣкъ—нервной организаціи, горячій, впечатлительной; такимъ-то натурамъ и нравится эта непрерывная борьба воли съ естественными инстинктами...

Я уклонился еще разъ отъ нити моего разсказа, но это дѣлается невольно, такъ какъ въ описаніи впечатлѣній походной жизни постоянно наталкиваешься на вещи, требующія подробнаго

анализа, вслѣдствіе того, что онѣ не имѣютъ ничего сходнаго съ нашей обыденной жизнью. Многіе имѣютъ совершенно неправильные взгляды на состояніе души человѣческой въ такіе ненормальные моменты, какъ старательное истребленіе себѣ подобныхъ, вотъ мнѣ и желательно было бы выяснить это душевное состояніе, руководствуясь собственнымъ опытомъ и наблюденіями надъ товарищами; по этому да не будетъ читатель въ претензіи на частое виляніе рулемъ и уклоненіе съ курса моего разсказа!

Ночь въ Арчманѣ прошла спокойно. До восхода солнца оставалось еще съ добрый часъ, когда затрещали барабаны, подымая разоспавшихся солдатиковъ. Если бы вы только могли себѣ представить, читатель, то страстное желаніе еще соснуть хотя 10 минутъ, которое ощущается послѣ тяжелаго перехода. Измученныя ноги едва начали отдыхать, вы чувствуете себя еще на половину разбитымъ, глаза слипаются, голова не хочетъ подняться съ бурки, къ тому же еще вокругъ васъ мракъ, располагающій продолжить пребываніе въ мірѣ сновидѣній... А вставать надо!...

Солдатики, зѣвая, начинаютъ готовить себѣ чай; подкладывается топливо въ полуугасшіе костры, снова начинается шумъ и суматоха въ лагерѣ. Сонъ живо разгоняется приготовленіями къ движенію впередъ и обычная дѣятельность царитъ въ маленькомъ отрядѣ. Ничего нѣтъ легче какъ неопытному человѣку въ такой сумятицѣ потерять свою часть, которую съ большимъ трудомъ приходится потомъ розыскивать. Совершенно незнакомое мѣсто ночлега, раскинутое на большомъ протяженіи, плохо освѣщенное кострами, перерытое массами канавъ и ямъ, дѣлаетъ очень неудобнымъ отыскиваніе мѣста расположенія какой нибудь роты. По этому во мракѣ постоянно слышатся возгласы приблизительно слѣдующаго содержанія.

— Землякъ, а землякъ!

— Чего тебѣ?

— Здѣсь 3-я Самурская рота? записка къ командеру есть!

— Нѣтъ тутъ Апшеронцы, ступай на лѣво, все прямо.

— Спасибо!

Посланный идетъ „на лѣво, все прямо“ и натыкается на артиллерійскаго часоваго, окликающаго его. Оказывается, что это не самурцы, а горная батарея и ему велятъ идти на право, а потомъ на лѣво. Проклиная свою судьбу, плетется бѣдняга обратно и по дорогѣ не разъ попадаетъ въ ямы и высохшіе арыки, не разъ натыкается на людей, подчующихъ его очень нелестными эпитетами, спотыкается на верблюдовъ, злобно ревущихъ при этомъ и оплевывающихъ его, словомъ нѣтъ возможности исчислить всѣ бѣдствія имъ претерпѣваемыя. Но вотъ наконецъ рота розыскана, но... теперь солдатикъ не найдетъ дорогу назадъ.

Еще было совершенно темно, когда отрядъ тронулся въ путь. Подобныя движенія въ высшей степени опасны, если имѣется вблизи непріятель, такъ какъ въ это время невозможно сохранить порядокъ.

Самые несчастные люди въ этомъ случаѣ артиллеристы: страшныхъ усилій стоитъ вытаскивать орудія, колеса которыхъ поминутно попадаютъ въ рытвины. Движеніе остальныхъ частей задерживается, призываются всевозможныя проклятія и громы небесные на головы бѣдныхъ артиллеристовъ; высшее начальство разноситъ батарейнаго командира, этотъ—офицеровъ, послѣдніе—ѣздовыхъ, ѣздовые вымещаютъ злость на ни въ чемъ неповинныхъ лошадяхъ, которыхъ начинаютъ бить...

Сзади скопленіе фургоновъ, арбъ, верблюдовъ, старающихся какъ нибудь пробраться впередъ, чему препятствуетъ узкость дороги, ограниченной по обѣимъ сторонамъ канавами или же глиняными стѣнками.

— Куда тебя дьяволы несутъ, видишь орудія стала! благимъ матомъ кричитъ фейерверкеръ на фургонщика, палѣзшаго впередъ.

— Велѣли впередъ ѣхать, кричитъ тотъ съ высоты козелъ.

— Пошелъ назадъ, говорятъ тебѣ, неистовствуетъ разозленный фейерверкеръ и удары нагайки сыпятся на лошадей фургона, которыя начинаютъ биться и чуть не опрокидываютъ этотъ до верху нагруженный экипажъ. Заднія колеса напираютъ на сбившихся въ кучу пѣхотныхъ солдатъ, которые, понятно, не желая быть раздавленными, сторонятся и двое или трое падаютъ въ канаву.

— Что ты людей давишь, чертова кукла! вступается за своихъ солдатъ пѣхотный офицеръ и фургонщикъ ощущаетъ непріятное прикосновеніе нагайки.....

— Кто распорядился остановить отрядъ? горячится одинъ изъ штабныхъ офицеровъ, летя верхомъ въ эту сумятицу.

— Безъ всякаго распоряженія; колеса засѣли въ канавѣ, слышится чей-то отвѣтъ.

— Подымайте штыки, крупа сѣрая, негодуютъ казаки, ухитряющіеся пробираться по краю канавы верхомъ, морды лошадей которыхъ натыкаются на штыки ружей, взятыхъ „вольно“.

— Ишь кошемники, подождать не могутъ, отвѣчаетъ „крупа“, недолюбливающая казаковъ. Начинается ругань.

— Ну антиллерія! то-исть одно несчастіе съ ей,—философствуетъ кто-то, усѣвшись въ канавѣ.

— А все потому, что не смотрятъ! статочное ли дѣло орудію да въ канаву завесть? теперь знамо не вытащить! Вѣдь въ ей пудъ съ тридцать будетъ! и сиди тутъ до свѣта!.... Э-эхъ, горе!

И непріятно и смѣшно слушать все, что говорится вокругъ, самое лучшее вооружиться терпѣніемъ и ожидать.

Наконецъ колеса вытащены и все двинулось впередъ, хотя долго еще потомъ идетъ переругиваніе, такъ какъ никто не хочетъ признать себя виновнымъ въ этомъ казусѣ, да и дѣйстви-

тельно, строго говоря, виновны только—темная ночь, да рытвины, попадающіяся на дорогѣ.

Но вотъ отрядъ вышелъ въ степь, всѣ части заняли свои мѣста и движеніе совершается въ порядкѣ; надо пользоваться прохладой и пройдти какъ можно больше до наступленія жары...

Всѣ дни переходовъ очень однообразны; поэтому, читатель, я не буду васъ утомлять описаніемъ слѣдующихъ трехъ дней похода: была таже убійственная духота и пыль, тѣже привалы и ночевки въ крѣпостцахъ, покинутыхъ жителями; перехожу къ описанію событій 5-го іюля, когда отрядъ подошелъ къ Эгянъ-Батыръ-Кала, большой крѣпости въ 13 верстахъ отъ Геокъ-Тепе.

Еще съ самаго восхода солнца весь отрядъ съ нетерпѣніемъ всматривался впередъ, ожидая увидѣть этотъ передовой фортъ Геокъ-Тепе, который, по мнѣнію всѣхъ офицеровъ, можно было взять только послѣ горячаго боя. Вотъ наконецъ около 6 часовъ утра на горизонтѣ показалась темная линія виноградниковъ и бѣлыя стѣны крѣпости.

Всѣ бинокли направились туда, отыскивая присутствіе врага.

Отрядъ остановился, давая арріергарду время подтянуться.

До Эгинъ-Батыръ-Кала оставалось верстъ около 7.

Какъ сейчасъ помню я восклицаніе молодаго офицера, первый разъ дѣлавшаго походъ, который въ бинокль увидѣлъ двѣ маленькія, черныя точки, показавшіяся изъ за Калы и медленно двигавшіяся по желтой равнинѣ, приближаясь къ намъ.

— Слава Богу, вотъ и тэкинцы!

Это восклицаніе звучало такой искренней, неподдѣльной, чистой дѣтской радостью, что всѣ отъ души засмѣялись. Тутъ выразилось все нетерпѣніе молодой, пылкой натуры извѣдать ощущеніе боя, выразилось желаніе показать себя молодцемъ!

Отрядъ тронулся въ боевомъ порядкѣ. По мѣрѣ приближенія къ Калѣ, въ пескахъ, налѣво отъ колонны, стали показывать-

ся тэкинцы, шедшіе почти параллельно съ нами верстахъ въ трехъ разстояніи.

Все ближе и ближе становится къ намъ Кала; уже ясно видны обширные виноградники и ярко бѣлѣющіяся стѣны укрѣпленія, но враговъ вблизи не видно, не видать ни одного дымка выстрѣла, не слышно свиста ни одной пули.

Полусотня казаковъ со всевозможными предосторожностями приблизилась къ Калѣ; черезъ минуту уже мчался одинъ изъ нихъ назадъ къ отряду съ извѣстіемъ, что укрѣпленіе покинуто непріятелемъ.

Отрядъ подошелъ къ Калѣ и взорамъ его открылась обширная равнина; на горизонтѣ, на югѣ, вилнѣлся холмъ—Геокъ-Тепе.

Вся равнина была усѣяна всадниками, казавшимися издали микроскопичными; число ихъ доходило, по мнѣнію самого Скобелева, до 12 тысячь. Они скакали въ разныя стороны, не приближаясь къ намъ ближе пяти верстъ. Высокій бугоръ, подъ горами, былъ сплошь покрытъ пѣшими, казавшимися муравьями, копошащимися въ своемъ копусообразномъ жилищѣ, когда ихъ потревожитъ непріятель...

— Ишь ты повысыпали какъ, ажъ вся степь черная,— обращается одинъ изъ матросиковъ къ своему товарищу, лежащему па пескѣ.

— Много! Это они встрѣчать насъ вышли, потому матросовъ никогда не видывали еще въ пескахъ.

— Да ихъ, поди, еще въ крѣпости несмѣтная сила,—отзывается ѣздовой артиллеристъ, грудь котораго украшена Георгіемъ, полученнымъ за экспедицію прошлаго года.

— Этакъ и патроновъ не хватитъ ихъ всѣхъ перестрѣлять, отзывается унтеръ-офицеръ морской артиллеріи.

— Такъ они тебѣ и дались, тоже; попробуй-ка перестрѣлять! Тоже вѣдь, поди, охулки на руки не положатъ.

— Здорово они тепереча злы на насъ! Тоже вѣдь бросать свои дома то не очень пріятно имъ! Навѣрняка тутъ всѣ собрались изъ ауловъ, которые мы прошли, замѣчаетъ боцманмантъ, съ любопытствомъ вглядывающійся въ эту новую для него картину громадной степи, покрытой массами людей, которыхъ ему завтра придется убивать, рискуя и самому представить изъ себя подъ ихъ шашками котлету...

— Генералъ ѣдетъ! послышалось со всѣхъ сторонъ.

Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ, окруженный своимъ штабомъ, проѣхалъ по рядамъ и выѣхалъ впередъ; онъ нѣсколько минутъ осматривалъ площадь, покрытую непріятелемъ, затѣмъ обратился къ начальнику штаба, Николаю Ивановичу Гродекову, и сказалъ ему нѣсколько словъ; послѣдній подозвалъ одного изъ осетинъ и что-то приказалъ ему. Осетинъ хлестнулъ нагайкой своего поджараго коня, который прыгнулъ впередъ и вытянувшись помчался къ 4-й батареѣ, стоявшей въ нѣкоторомъ отдаленіи развернутымъ фронтомъ. Немедленно послѣ нѣсколькихъ словъ, переданныхъ имъ батарейному командиру, капитану Полковникову, одно изъ орудій рысью тронулось съ мѣста и стало на позицію впереди всего отряда.

— А ну-ка, Полковниковъ, пугните этихъ любопытныхъ, тамъ на холмѣ! обратился Скобелевъ къ бравому, черноусому капитану.

— Слушаю, ваше превосходительство! послѣдовалъ отвѣтъ.

Орудіе заряжено трапнелью; коротенькій, молоденькій поручикъ Томкѣевъ лично его наводитъ, сидя на хоботѣ... Вотъ онъ отходитъ въ сторону, громко командуетъ: „первое“! фейерверкеръ добавляетъ громовымъ голосомъ: „пли“! Всѣ окружающіе жмурятся и подбираютъ повода лошадей. Первый номеръ порывисто дергаетъ къ себѣ шнуръ. Воздухъ потрясается грохотомъ выстрѣла, орудіе подпрыгиваетъ и откатывается со звономъ, пороховой дымъ

щекочетъ поздри и горло присутствующихъ, вниманіе которыхъ сосредоточено на холмѣ, покрытомъ непріятелемъ, такъ какъ тамъ-то именно и разразится сейчасъ результатъ этого выстрѣла. Дѣйствительно черезъ три или четыре секунды надъ этимъ муравейникомъ людей появляется въ воздухѣ бѣлый дымокъ... Боже мой, что за суматоха подымается тамъ! Въ бинокль ясно видно, какъ все это задвигалось и побѣжало съ холма! Черезъ нѣсколько минутъ тамъ уже никого нѣтъ, но за то видны всадники, скачущіе въ разныя стороны по степи отъ холма.

— Кажется перенесло, замѣтилъ генералъ, внимательно смотрѣвшій въ бинокль.

— Точно такъ, отвѣтилъ батарейный командиръ, тоже замѣтившій, что разрывъ шрапнели былъ по ту сторону холма.

— Я думаю они никакъ не ожидали, что орудіе хватитъ туда, добавилъ Михаилъ Дмитріевичъ.

— Для нихъ дальнобойныя орудія новость, ваше п—ство, отвѣтилъ капитанъ.—Въ прошлую экспедицію наши полевыя 4-хъ фунтовыя не доносили такъ далеко; они поэтому такъ спокойно и оставались на холму.

— Ну довольно съ нихъ сегодня и одного выстрѣла, замѣтилъ генералъ.

— Николай Ивановичъ займись размѣщеніемъ отряда, обратился онъ къ начальнику штаба..

Какое наслажденіе для уставшихъ людей расположиться въ этихъ тѣнистыхъ, прохладныхъ виноградникахъ, зная что цѣлый день отдыха передъ ними! Воды сколько угодно, топлива въ излишкѣ, да и ко всему этому есть еще и полуспѣлый виноградъ!

Быстро расположились солдатики по указаннымъ мѣстамъ и скоро въ неподвижномъ воздухѣ стали подыматься къ небу столбы чернаго дыма отъ повсюду разложенныхъ костровъ, на которыхъ жарилась и варилась баранина..... А въ нѣсколькихъ вер-

стахъ, въ степи и пескахъ также продолжали двигаться тэкинскіе наѣздники, съ злобой и ненавистью въ душѣ смотрѣвшіе на этотъ дымъ, на эти „бѣлыя рубахи“, хозяйничающія въ ихъ Калѣ и оскверняющія своимъ присутствіемъ ихъ свободную землю.... Въ виноградникахъ слышались удары топора, трескъ падающихъ тутовыхъ деревьевъ, ломающагося кустарника, говоръ и смѣхъ солдатъ, снующихъ взадъ и впередъ съ трубочками въ зубахъ и съ манерками полными воды..... Сквозь темную зелень роскошной растительности яркими блёстками сверкаютъ солнечные лучи, играющіе на штыкахъ винтовокъ, составленныхъ въ козла тамъ и сямъ.... Повсюду разносится запахъ готовящагося обѣда..... Веселая, оживленная картина бивака, которая врѣзывается навсегда въ памяти каждаго, хотя разъ ее видѣвшаго.

Но въ мірѣ всегда случается, что рядомъ съ радостью непремѣнно находится и горе; такъ и здѣсь: возлѣ костровъ, гдѣ солдатики, довольные и счастливые продолжительнымъ отдыхомъ, оглашаютъ воздухъ разговорами и искреннимъ смѣхомъ—стоятъ одноколки Краснаго креста, откуда доносится иной разъ тяжелый стонъ, вызванный нестерпимой болью; это больные лихорадкой и кровавымъ поносомъ, въ числѣ ихъ находится командиръ морской батареи лейтенантъ Ш-нъ; его энергическая, подвижная натура не выноситъ долгаго лежанія; онъ встаетъ, вылѣзаетъ изъ одноколки, пройдется, посмотритъ на батарею, которою завѣдуетъ гардемаринъ М-ръ, но слабость и боль снова заставляютъ его ложиться.... Голова горитъ, боль въ глазахъ, сухія губы потрескались—но это все пустяки въ сравненіи съ нравственнымъ мученіемъ: неотвязчивая мысль мучаетъ его, что завтра дѣло, первое дѣло, въ которомъ онъ долженъ участвовать и ему не придется быть тамъ! Мысль эта сверлитъ безпощадно лихорадочно разгоряченный мозгъ бѣднаго моряка и онъ внѣ себя! Ему представляется, что его новые товарищи по походу могутъ заподозрить

его въ трусости, могутъ подумать, что болѣзнь эта—только способъ отдѣлаться отъ участія въ бою, тогда какъ храбрый лейтенантъ только и мечтаетъ о возможности попасть въ огонь! Сколько проклятій посылаетъ бѣдный Николай Николаевичъ судьбѣ, виновницѣ этой болѣзни! Наконецъ онъ рѣшаетъ вопреки всѣмъ совѣтамъ докторовъ идти завтра въ дѣло и на этомъ рѣшеніи успокаивается.

Солдаты, плотно пообѣдавъ, располагаются на отдыхъ подъ деревьями и кустарниками, тамъ, гдѣ больше тѣни. Много, что черезъ 20 минутъ повсюду слышится храпъ, какъ будто раздающійся изъ подъ земли, такъ какъ густые виноградники совершенно закрываютъ спящихъ.

Не спятъ только офицеры штаба, готовящіе къ завтрашнему дню диспозицію для рекогносцировки; обливаясь потомъ въ духотѣ кибитки, сидятъ за бумагами адъютанты и писаря. Поминутно вбѣгаетъ разсыльный съ требованіемъ кого нибудь изъ офицеровъ или къ генералу или къ начальнику штаба: съ ворчаніемъ натягиваетъ офицеръ сюртукъ, кажущійся въ эту жару истинно Божескимъ наказаніемъ и отправляется на зовъ; черезъ нѣсколько минутъ онъ снова возвращается съ кипой бумагъ, которую начинаетъ или самъ просматривать или же передаетъ для переписыванія одному изъ писарей, которымъ дѣйствительно приходится тяжко отъ страшной жары и массы мухъ, мѣшающихъ работать.

Наступилъ вечеръ; прохлада смѣнила зной. Въ главной Калѣ идетъ дѣятельная работа по приведенію ея въ оборонительное состояніе, такъ какъ въ ней должны на время рекогносцировки остаться вьюки всего отряда, лишнія повозки Краснаго креста и и вообще всѣ предметы, могущіе стѣснить маленькую колонну во время завтрашнаго движенія къ крѣпости. Гарнизономъ остаются: полурота Красноводскаго мѣстнаго батальона, двѣ картечницы

подъ командой гардемарина М—ра, докторъ Цвибекъ и комендантомъ—войсковой старшина Александръ Васильевичъ Верещагинъ—братъ нашего знаменитаго художника, служившій ординарцемъ у Михаила Дмитріевича Скобелева во время турецкой войны и тяжело раненный въ ногу на Зеленыхъ горахъ.

На площадкѣ башни идетъ прорѣзаніе двухъ амбразуръ для картечницъ; молодцы матросы, мастера на всѣ руки, взявъ у саперныхъ солдатъ ломы и линнемановскій шанцевый инструментъ, съ рвеніемъ выбиваютъ куски глины, наполняя весь воздухъ пылью, лѣзущей въ ротъ и въ носъ гардемарина, присматривающаго за работами, что заставляетъ его чихать, кашлять и поминутно выражаться не совсѣмъ изящнымъ слогомъ....

Вдоль всѣхъ четырехъ фасадовъ Калы устраивается парапетъ для стрѣлковъ, для чего со всѣхъ сторонъ тащатся бревна, насыпается земля; верблюды вереницей тянутся внутрь Калы, неся на себѣ вещи, которыя должны здѣсь остаться; уже не мало фургоновъ и арбъ нашло себѣ здѣсь убѣжище. Комендантъ, одаренный какъ будто крыльями, носится повсюду; повсюду слѣдитъ за работами, отдаетъ приказанія, полученныя отъ начальника штаба записываетъ въ свою книжку; потъ льется съ его загорѣлаго, худощаваго лица градомъ, онъ поминутно вытираетъ его рукавомъ своей полинявшей, запыленной черкески, отчего грязныя полосы придаютъ очень комичный видъ его физіономіи.

— Скорѣе, скорѣе ребята, понукаетъ онъ солдатъ и казаковъ, являющихся все съ новыми и новыми партіями вьюковъ.

— Что еще много тамъ осталось фургоновъ? спрашиваетъ онъ унтеръ-офицера, назначеннаго вводить ихъ въ Калу и показывать мѣста.

— Много еще, ваше высокоблагородіе! отвѣчаетъ тотъ къ немалой печали коменданта, начинающаго чувствовать потребность въ отдыхѣ, которому нечего и думать предаваться, пока Кала не

будетъ приведена въ оборонительное состояніе, такъ какъ каждую минуту можетъ придти генералъ, самъ незнающій отдыха и требующій отъ другихъ добросовѣстнаго исполненія своего долга.

До глубокой ночи возился гарнизонъ этого укрѣпленьица съ своей работой. Наконецъ все было готово; выходъ былъ засыпанъ землей и наглухо задѣланъ.—Кала была отдѣлена отъ всего остальнаго міра своими высокими стѣнами, изъ за которыхъ блестѣли штыки часовыхъ, расхаживавшихъ по парапету. Все улеглось наконецъ; слышался храпъ солдатъ, лежавшихъ гдѣ попало въ повалку, полусонный ревъ верблюда, котораго мимоходомъ задѣлъ унтеръ-офицеръ, ходившій рундомъ, кто-то бармоталъ во снѣ и потомъ тяжело вздыхалъ; снова все смолкало и воцарялась тишина. Гдѣ-то далеко слышался перерывистый лай собаки и временами два часовыхъ, ходившихъ по двумъ перпендикулярнымъ между собою парапетамъ, встрѣчаясь на углу, перебрасывались тихими словами и снова начинали съ точностію маятника свою невольную прогулку, всматриваясь въ степь, посеребренную взошедшей луной....

Солнце еще не взошло, когда отрядъ, шедшій на рекогносцировку, выступилъ съ бивака. Оставшіеся въ Калѣ съ живымъ чувствомъ любопытства и участія слѣдили за этой темной массой, постепенно изчезавшей изъ глазъ въ предразсвѣтномъ сумракѣ.

Стало уже свѣтло, прошло около часа послѣ выступленія отряда, когда до гарнизона Калы донесся первый звукъ орудійнаго выстрѣла!

Облако пыли скрывало нашъ отрядъ изъ глазъ, но звукъ этого выстрѣла показалъ, что дѣло началось. Какъ-бы по командѣ обнажились головы офицеровъ и солдатъ маленькаго гарнизона, творившихъ крестное знаменіе съ безмолвной молитвой о помощи нашему отряду. Все чаще и чаще потрясался воздухъ гуломъ орудій; повидимому бой былъ не на шутку. Въ пескахъ,

гдѣ не было пыли, виднѣлись массы непріятельской кавалеріи, спѣшившей въ Геокъ-Тепе. Если васъ интересуетъ читатель быть свидѣтелемъ перепетій этой кровавой драмы, я васъ сведу туда, къ этому маленькому отряду, окруженному кольцомъ тэкинскихъ наѣздниковъ, которое становится все уже и уже. Кажется, что эта, едва примѣтная, кучка людей въ бѣлыхъ рубахахъ неминуемо должна исчезнуть и быть поглощенной этимъ моремъ разноцвѣтныхъ халатовъ, окружающихъ ее со всѣхъ сторонъ...

Весь воздухъ наполненъ пороховымъ дымомъ и непрерывнымъ гуломъ и трескомъ. Тэкинцы все съуживаютъ свое кольцо; простымъ глазомъ можно различить черты лица этихъ дикихъ наѣздниковъ, въ карьеръ подскакивающихъ къ нашей цѣпи и стрѣляющихъ изъ винтовокъ, послѣ чего они снова отскакиваютъ, чтобы зарядить оружіе.... Отрядъ остановился и, повинуясь громкой командѣ самого Михаила Дмитріевича, пріостановилъ стрѣльбу для того, чтобы черезъ минуту грознымъ единодушнымъ залпомъ заставить содрогнуться воздухъ и землю....

Все вокругъ окуталось дымомъ... Кольцо, составленное тэкинцами, прорвалось и расширилось... Убитыя и раненыя лошади и люди валялись на пескѣ, а живыя мчались вдаль отъ „бѣлыхъ рубахъ“, не ожидая втораго залпа... Но шрапнель догоняла ихъ и наводила новый ужасъ... Хоръ грянулъ маршъ и снова отрядъ двинулся впередъ; цѣпь шла по бокамъ, непрерывно отстрѣливаясь отъ непріятеля, дымки отъ выстрѣловъ котораго разстилались повсюду. Пули со свистомъ проносились надъ головой или же шлепались въ песокъ, подымая пыль...

Цѣпью командуетъ мой пріятель—поручикъ самурскаго полка, гигантскаго роста, съ громадной бородой, съ энергической и очень симпатичной физіономіей; онъ стоитъ вытянувшись во весь свой ростъ и скручиваетъ папироску между загорѣлыми пальцами и изрѣдка поглядываетъ впередъ, гдѣ, шагахъ въ 800 или 1000,

степь чернѣетъ непріятелемъ и откуда летятъ всѣ эти пули, свистящія и жужжащія около него какъ шмели...

— Опять ты кланяешься, Васильевъ!—обращается онъ къ солдату сосѣдняго звена, который, полусогнувшись и боязливо моргая глазами, вынимаетъ изъ подсумка патронъ...

Солдатъ конфузится и молча заряжаетъ винтовку, вскидываетъ ее къ плечу и, видимо не цѣлясь, спускаетъ курокъ...

— Поди сюда, Васильевъ! снова обращается къ нему поручикъ.

Солдатикъ подбѣгаетъ и беретъ на плечо.

— Ну, какъ-же тебѣ братецъ не стыдно стрѣлять зря? Вѣдь ты не цѣлился, скажи по правдѣ?

— Никакъ нѣтъ, ваше б—діе! отвѣчаетъ солдатъ, которому видимо очень жутко быть въ огнѣ.

— Ты сколько уже выпустилъ патроновъ? Поди штукъ 40 или больше, а вѣдь навѣрное не убилъ ни одного тэкинца!

— Не могу знать, ваше б—діе, отвѣчаетъ солдатъ и дѣйствительно видно по его физіономіи, что въ данный моментъ онъ ровно ничего знать не можетъ, такъ онъ взволнованъ этимъ проклятымъ свистомъ вокругъ.

— Покажи ружье,—продолжаетъ неумолимый поручикъ.

Солдатикъ съ видимой дрожью въ рукѣ передаетъ командиру винтовку.

— Ну, такъ и есть, прицѣлъ не поднятъ! Ты знаешь ли, дурень, что ты все время стрѣлялъ на 200 шаговъ, а до непріятеля добрая тысяча шаговъ; всѣ твои пули даромъ пропали, не долетѣли и тэкинцы поди смѣются теперь!

Поручикъ подымаетъ прицѣлъ, устанавливаетъ его на тысячу шаговъ и, велѣвъ хорошенько цѣлиться, а не стрѣлять на воздухъ, отсылаетъ солдатика къ своему звену.

— Унтеръ-офицерамъ осмотрѣть прицѣлы въ цѣпи, у всѣхъ-

ли на 1000 шаговъ!—слышится его команда, заглушающая трескотню выстрѣловъ.

Поѣдемъ дальше по цѣпи и посмотримъ, что дѣлается въ авангардѣ. Тамъ приходится жутко: сильный перекрестный огонь тэкинцевъ направленъ сюда; взводъ орудій непрерывно обстрѣливаетъ котловину, откуда непріятель болѣе всего подлерживаетъ огонь. Пѣхотная цѣпь лежитъ, чтобы не подвергаться напраснымъ потерямъ; вотъ гдѣ-то по близости затрещала картечница, отчетливо отбивая свое непрерывное та-та-та... Другая тоже ее поддерживаетъ. Молчавшее нѣсколько времени 4-хъ фунтовое дальнобойное орудіе бухнуло, какъ бы говоря: почему же и мнѣ не подать своего голоса.

Съ звономъ ударилась фальконетная пуля въ шину колеса картечницы, отскочила и шлепнула въ ногу рядомъ стоящаго матроса Петрова, браваго малаго, исполняющаго въ батареѣ и во всемъ отрядѣ обязанности парикмахера, повара, печника, портнаго и т. д.

Сей уважаемый энциклопедистъ крякнулъ и присѣлъ..

— Сильно зацѣпило? обратился къ нему батарейный командиръ лейтенантъ Ш—нъ, сидящій верхомъ на лошади, которая никакъ не хочетъ стоять на мѣстѣ и поминутно бросается въ сторону, пугаясь свиста пуль, летающихъ въ изобиліи. Бравый лейтенантъ опасается не безъ основанія, что онъ можетъ во время этого „аврала“ слетѣть съ своего подвижнаго „мостика“.

— Крови нѣтъ, ваше б—діе! Должно только одна „конфузія“, отвѣчаетъ подымаясь и хромая матросъ. Да вотъ и она самая! Ишь проклятая какая здоровая, да смятая,—и онъ подаетъ лейтенанту полуфунтовую фальконетную, сплюснувшуюся о колесо, пулю.

— Ну и кости же у тебя, Петровъ!—хохочутъ комендоръ и прислуга картечницы. Ишь вѣдь какъ пуля смялась!

— Черти! вамъ смѣшно! А мнѣ ажъ всю ногу разломило! Страсти какъ больно! Хорошо, что она сначала въ орудію вдарилась, а какъ бы прямо по ногѣ хватила!

Петровъ, хромая, снова становится къ картечницѣ.

Въ это время въ цѣпь галопомъ вскакиваетъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ со своей свитой. Рядомъ съ нимъ начальникъ артиллеріи полковникъ Вержбицкій—семидѣсятилѣтній старикъ, проведшій всю свою службу на Кавказѣ и участвовавшій болѣе чѣмъ въ 40 дѣлахъ!

Генералъ весело поздоровался съ моряками и началъ осматривать непріятельскую позицію въ бинокль. Тэкинцы направили на него ожесточеннѣйшій огонь. Михаилъ Дмитріевичъ не обращалъ на это никакого вниманія и обернулся назадъ только при звукѣ пули, ударившейся во что-то мягкое.... Трубачъ начальника артиллеріи, молодой солдатъ, потерялъ стремена и неуклюже шлепнулся, какъ мѣшокъ, на землю. Маленькая струйка крови окрасила его губы и онъ остался неподвижимымъ на пескѣ... пуля пробила сердце. Явились санитары съ носилками, подняли его и унесли.... Однимъ человѣкомъ стало на свѣтѣ меньше, и никому не было дѣла до этой преждевременно, насильственно угасшей жизни, да и возможно ли обращать ониманіе на всѣхъ убитыхъ!...

Можетъ быть и сжалось болѣзненно чье нибудь сердце при мысли, что и его ожидаетъ такая же участь, но это было на мгновеніе и мысли потомъ приняли снова другой оборотъ.....

Не буду описывать продолженія боя, такъ какъ описаніе это было бы однообразно. Долго еще гремѣли орудійные выстрѣлы, застилая степь облаками дыма; трещали берданки, посылая тысячи пуль въ массы тэкинскихъ наѣздниковъ, не разъ охватывавшихъ подвижною волною нашъ маленькій отрядецъ и снова отхлынывавшихъ, не имѣя достаточно мужества броситься въ шашки.... Долго еще лилась кровь, пока отрядъ дошелъ до стѣнъ

Геокъ-Тепе на такое разстояніе, что можно было снять планъ съ этого укрѣпленія, что и было сдѣлано нашими топографами подъ градомъ пуль... Самое художественное, правдивое описаніе не дастъ вамъ читатель того ощущенія, какое охватывало, опьяняло участниковъ этого дѣла. Смѣшиваясь съ громомъ выстрѣловъ, музыка непрерывно оглашала степь воинственными звуками марша и эта кучка людей въ 800 человѣкъ, окруженная десятками тысячъ безпощадныхъ, разсвирѣпѣвшихъ враговъ, сыпавшихъ пулями, стройно, какъ на парадѣ, двигалась подъ знойными лучами солнца, ярко освѣщавшаго эту эпическую борьбу.... Только одинъ незабвенный герой—„бѣлый генералъ“ могъ своимъ высокимъ геніемъ довести назадъ этихъ людей черезъ массу непріятеля... Минута смущенія, минута нерѣшимости и отрядъ бы погибъ... Но смущенія не было. Ровняясь подъ музыку шли солдаты, воодушевленные духомъ своего геройскаго вождя и непріятель разступался передъ этой гордой фалангой „бѣлыхъ рубахъ“, грознымъ молчаніемъ отвѣчающихъ на сыпавшіяся пули... Но вотъ колонна останавливается, развертываетъ фронтъ, который сразу окутывается клубами дыма; мѣткій единодушный залпъ гремитъ какъ одинъ выстрѣлъ. Воздухъ наполняется свистомъ пуль...

Снова играетъ хоръ музыки, снова стройно тянутся ряды „бѣлыхъ рубахъ“, солнце сверкаетъ на штыкахъ и тэкинцы съ озлобленіемъ начинаютъ сознавать, что выше ихъ силъ помѣшать „уруссу“ дѣлать, что онъ хочетъ...

Я хочу вамъ теперь, читатель, разсказать два эпизода, характеризующіе покойнаго Михаила Дмитріевича Скобелева и давшіе ему между офицерами и солдатами ореолъ недосягаемаго геройства. Мой разсказъ не прибавитъ къ славѣ покойнаго генерала ни одного лепестка, я это знаю, такъ какъ его имя такъ уже возвеличено въ сердцахъ русскаго народа, что сдѣлать его выше невозможно; я хочу только разсказать эти два эпизода,

чтобы выяснить причину того нравственнаго обаянія, которое производилъ покойный на всѣхъ своихъ подчиненныхъ и которое было его главной силой, ведшей его по пути громкихъ, достославныхъ побѣдъ повсюду, гдѣ онъ, этотъ легендарный нашъ современникъ, появлялся во главѣ русскихъ солдатъ!

Въ самомъ началѣ дѣла генералъ замѣтилъ, что массы тэкинской кавалеріи готовятся сдѣлать на отрядъ атаку. Зная, что противъ среднеазіатской кавалеріи наилучшее средство ракеты, наводящія своимъ шумомъ паническій ужасъ на лошадей, покойный Михаилъ Дмитріевичъ приказалъ отряду остановиться, вызвалъ на позицію ракетную сотню и велѣлъ открыть огонь, самъ стоя въ интервалѣ между двумя станками, верхомъ. Казакъ приложилъ фитиль... Послышалось шипѣніе... Масса огня и дыма вырвалась изъ станка, который грузно шлепнулся на землю ... Ракета не пошла... Каждую секунду надо было ожидать разрыва гранаты, помѣщенной въ ракетѣ и самаго станка... Всѣ окружающіе пригнулись и зажмурились... Незабвенный нашъ герой далъ шпоры лошади, храпѣвшей и бившейся отъ страха; она высоко взвилась на дыбы и заупрямилась; новый ударъ въ бока и лошадь однимъ прыжкомъ очутилась надъ станкомъ... Грянулъ оглушительный взрывъ... Звеня и свистя разлетѣлись осколки... Облако дыма скрыло на минуту Михаила Дмитріевича изъ глазъ окружающихъ, пораженныхъ его поступкомъ...

Черная пелена разсѣялась и онъ предсталъ всѣмъ намъ цѣлымъ и невредимымъ, съ самымъ покойнымъ выраженіемъ лица... По бокамъ и брюху его бѣлоснѣжнаго коня текли струйки крови изъ трехъ или четырехъ ранъ... Въ нѣсколькихъ шагахъ по землѣ катался въ предсмертныхъ судорогахъ казакъ съ пробитой грудью и животомъ.

Я не берусь описывать чувство энтузіазма, охватившее всѣхъ присутствовавшихъ... Загремѣло ура! полетѣли вверхъ фуражки...

Хотѣлось всѣмъ и каждому броситься къ этому великому человѣку, хотѣлось разцѣловать его, обнять, прикоснуться только хотя къ его платью ..

Хотѣлось чѣмъ нибудь выразить свое благоговѣніе, свой восторгъ! Этимъ геройскимъ поступкомъ генералъ поднялъ духъ окружавшихъ, растерявшихся отъ этой непредвидѣнной катастрофы.

Не медля ни минуты, по отданному сотеннымъ командиромъ приказанію, первый номеръ втораго станка приблизилъ лѣвой рукой фитиль, сотворивъ правой крестное знаменіе .. Съ шипѣніемъ вылетѣла ракета и угодила какъ разъ въ толпу тэкинцевъ, немедленно разсѣявшихся. Казакъ на мѣстѣ же получилъ Георгіевскій крестъ.

Въ этомъ же дѣлѣ Михаилъ Дмитріевичъ замѣтилъ, что Красноводская мѣстная рота, вооруженная винтовками Карле, отличающимися скверным боемъ и при томъ съ прицѣломъ всего на 600 шаговъ, должна была залечь противъ превосходнаго числомъ непріятеля, вооруженнаго при томъ берданками, отбитыми у насъ 28-го августа 1879 года. Нравственное состояніе бѣдныхъ Красноводцевъ было далеко незавидное при видѣ своихъ пуль, падающихъ на половинѣ разстоянія между непріятелемъ, въ то время, какъ сотни бердановскихъ и фальконетныхъ пуль щелкали и визжали мимо ушей.

Результатомъ явилась деморализація, выразившаяся въ томъ, что когда ротный командиръ, поручикъ Владиміровъ, приказалъ дать сигналъ къ подъему, чтобы перейдти ближе къ непріятелю и залечь въ болѣе удобномъ мѣстѣ, рота не поднялась. Ни приказанія, ни убѣжденія не дѣйствовали...

Покойный Михаилъ Дмитріевичъ, отъ орлинаго взора котораго ничего не ускользало, замѣтилъ это замѣшательство и не взявъ съ собой ни одного ординарца, поскакалъ по сильно обстрѣливаемой мѣстности къ ротѣ. По его командѣ: „встать“! рота

поднялась. Выстрѣлы со стороны тэкинцевъ еще болѣе участились при видѣ этого поднявшагося длиннаго фронта. Генералъ продѣлалъ нѣсколько ружейныхъ пріемовъ, вызвалъ затѣмъ пѣсенниковъ на правый флангъ и повелъ людей лично на нѣсколько сотъ шаговъ впередъ, подъ звуки какой-то разухабистой солдатской пѣсни! Куда дѣвался и страхъ и замѣшательство! Осыпаемые пулями, прошли какъ на ученіи, люди шаговъ шестьсотъ и, странное дѣло, съ того момента какъ подъѣхалъ Михаилъ Дмитріевичъ, потерь больше не было. Текинцы при видѣ такого мужества, не выдержали и отошли!...

Въ боевой дѣятельности покойнаго героя подобные факты насчитываются сотнями; теперь понятно то чувство боготворенія, которое испытывали видѣвшіе его въ дѣлѣ, понятно, почему онъ былъ героемъ народа, не чаявшаго въ немъ души; понятно также отчего его ненавидѣли многіе, добравшіеся до высокихъ степеней военной и общественной іерархіи при помощи не личной храбрости и талантовъ, а благодаря проискамъ, хлопотамъ бабушекъ, тетушекъ и поступкамъ, гдѣ приносилось въ жертву и самолюбіе и самостоятельность и совѣсть...

Покойный Михаилъ Дмитріевичъ былъ вѣчно для нихъ ненавистнымъ примѣромъ того, что можно сдѣлать, обладая качествами, которыхъ не было въ ихъ гаденькихъ душенкахъ! Этотъ гигантъ давилъ ихъ величіемъ своихъ подвиговъ и своей души и не было той грязной клеветы, которую бы не бросали эти господа въ покойнаго героя. Но тѣ, кто знали его, всегда будутъ чтить память этого преждевременно отнятаго смертью у Россіи истинно русскаго человѣка и великаго полководца! Пройдутъ тысячи лѣтъ и имя его будетъ въ народныхъ пѣсняхъ, въ народномъ эпосѣ занимать тоже мѣсто, какое имена Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Владиміра Краснаго Солнышка,—занимаютъ теперь въ сказаніяхъ русскаго народа! Спи покойно въ своей мо-

гилѣ, обожаемый нами герой! Тебѣ уже не придется помѣриться силами съ врагомъ, борьба съ которымъ была твоей завѣтной мечтой, но твой духъ будетъ жить въ груди тѣхъ людей, которые подъ твоимъ начальствомъ проливали кровь на благо страстно любимой тобою Россіи....

. . . . . .

Измученные, запыленные, закопченные порохомъ, едва движущіеся, добрались наконецъ солдатики, послѣ 12 часоваго непрерывнаго боя, до Эгянъ-Батыръ-Кала. Но физическая усталость искупалась тѣмъ радостнымъ настроеніемъ, которое ощущаетъ человѣкъ послѣ боя, выйдя изъ него побѣдителемъ; искупалась сознаніемъ своего честнаго поведенія, своего самопожертвованія! Чудныя минуты, наслажденіе ни съ чѣмъ несравнимое!

Остававшійся въ Эгянъ-Батыръ-Кала гарнизонъ приготовилъ для своихъ товарищей еще заранѣе дрова, чтобы не пришлось имъ заниматься этой утомительной работой.

Весело затрещали костры, на которыхъ варилось кушанье для проголодавшихся солдатъ. Нѣкоторые въ ожиданіи обѣда чистили винтовки, другіе поправляли обувь.

Повсюду велись оживленные разговоры по поводу только что оконченнаго дѣла и имя Михаила Дмитріевича слышалось во всѣхъ устахъ. Часть саперъ быстро выравнивала парапеты для орудій, на случай ночнаго нападенія. Отрядъ былъ расположенъ между виноградниковъ, за глиняными стѣнками вышиною футовъ въ 5 или 4½.

Въ стѣнкахъ этихъ были прорѣзаны для орудій амбразуры; пѣхота же могла стрѣлять черезъ банкетъ.

Тэкинцы такимъ образомъ для насъ же создали укрѣпленіе, которое и помогло, какъ увидитъ дальше читатель, выдержать страшно неравный ночной бой.

Начинало уже смеркаться, когда были закончены работы и генералъ пошелъ ихъ осмотрѣть съ начальникомъ штаба.

— Теперь девятый часъ,—обратился онъ къ капитану артиллеріи Петру Васильевичу Полковникову,—два часа будутъ тэкинцы ужинать, два часа совѣщаться, да около двухъ часовъ времени нужно имъ добраться сюда отъ Геокъ-Тепе; такъ приблизительно въ третьемъ часу ночи сдѣлаютъ они на насъ нападеніе; не забудьте же зарядить орудія на ночь картечью!

Покойный генералъ удивительно зналъ обычаи всѣхъ этихъ «халатниковъ». Онъ не ошибся и тутъ!

Наступила темная ночь. Измученные солдаты спали какъ убитые; въ лагерѣ повсюду слышался богатырскій храпъ; бодрствовали только аванпосты, оберегавшіе сонъ товарищей. Все было тихо впереди внимательно всматривавшихся во мракъ часовыхъ. Но, обладай они глазами дикой кошки, они увидѣли бы шагахъ въ четырехстахъ передъ собой и на флангахъ сотни и тысячи фигуръ, ползущихъ безшумно по землѣ или ѣдущихъ верхомъ на лошадяхъ, копыта которыхъ обернуты войлокомъ. Фигуры эти лѣзли въ разныхъ направленіяхъ, обхватывая кольцемъ маленькое укрѣпленіе Эгянъ-Батыръ-Кала; скоро всѣ окружающіе виноградники были наполнены этими фигурами, которыя какъ тѣни безшумно прятались въ кустахъ, все ближе и ближе подвигаясь къ мѣсту стоянки „бѣлыхъ рубахъ“. Гнѣвъ и месть клокотали въ ихъ груди при воспоминаніи о сегодняшнихъ жертвахъ, которыя теперь грудами лежали въ Геокъ-Тепе, окруженныя рыдающими женами, матерями и сестрами! Вотъ ползетъ старикъ въ изодранномъ халатѣ; онъ потерялъ свою папаху, но не чувствуетъ свѣжести ночи; голова его горитъ, рука сжимаетъ стволъ тяжелаго „мултука“; онъ ненавидитъ всею силой души своей этихъ, Аллахомъ и Магометомъ проклятыхъ, собакъ..... Сегодня его дитя, его любимецъ, джигитъ и краса Ахалъ-тэкинскаго оазиса, Ахметъ, былъ ссаженъ съ коня разрывомъ этой проклятой штуки, выдуманной гяурами, которая лопается на воздухѣ и сыплетъ сотнями пуль..... Старикъ

видитъ передъ собой это окровавленное лицо, судорожно искривленное, видитъ это богатырски сложенное тѣло, передергивающіеся въ предсмертной агоніи и ненависть душитъ его.... Рука впивается въ холодный стволъ ружья и горе той бѣлой рубахѣ, на голову которой опустится прикладъ этого пудоваго, стариннаго оружія...

Совсѣмъ близко отъ аванпостовъ лежитъ что-то темное, камень быть можетъ, а то и куча песку, въ темнотѣ разобрать мудрено... Нѣтъ, это не камень, и не куча песку, это человѣкъ, тоже пришедшій отомстить «уруссамъ» за двѣ молодыя жизни, безжалостно ими разбитыя—за свою молодую жену и грудного ребенка! Онъ, какъ храбрый джигитъ, однимъ изъ первыхъ вышелъ сегодня утромъ изъ крѣпости встрѣтить непрошенныхъ гостей... Двѣнадцать часовъ носился онъ въ вихрѣ пуль и снарядовъ на своемъ горячемъ скакунѣ... Близко подскакивалъ онъ къ „бѣлымъ рубахамъ“ и стрѣлялъ изъ берданки, у нихъ же въ прошломъ году взятой..... Довольный собой возвращался онъ въ крѣпость, какъ вдругъ у самаго входа встрѣтилъ его братъ и сообщилъ, что „огненная змѣя“ (ракета) разбила его кибитку и разорвала на части его красавицу жену и грудную дочь.. Храбрый джигитъ и виду не показалъ, что его сердце облилось кровью и что рыданье остановилось съ трудомъ въ груди; только складка легла между бровями, да рука съ нагайкой опустилась на крупъ недоумѣвшаго коня, сдѣлавшаго отчаянный скачокъ... Въѣхалъ джигитъ въ крѣпость и... Аллахъ! Аллахъ невольно сорвалось съ устъ его! Повсюду кровь, тѣла, разбитыя кибитки, дымящіеся войлоки, стонъ и ревъ раненыхъ верблюдовъ, визгъ и вой собакъ... Тамъ, гдѣ еще утромъ стояла его кибитка, гдѣ онъ оставилъ свою молодую жену, всего одинадцать мѣсяцевъ тому назадъ украденную имъ въ Асхабадѣ, этотъ перлъ между красавицами оазиса, подарившую ему мѣсяцъ тому назадъ славную дѣвочку съ быстрыми глазенками, тамъ находитъ онъ куски рѣшетокъ отъ кибитки, полусго-

рѣвшіе ковры, громадную лужу крови и разбросанные останки дорогихъ ему существъ... И все это надѣлалъ „огненный змѣй“, брошенный сюда „бѣлыми рубахами“... Онъ обарачивается на востокъ; губы его что то шепчутъ, воспаленные глаза мечутъ молніи —онъ даетъ Аллаху обѣтъ въ эту же ночь отмстить гяурамъ! И вотъ теперь онъ лежитъ близко отъ „бѣлыхъ рубахъ“ и смертельная ненависть заставляетъ громко, громко стучать его сердце .. Горе тебѣ будетъ солдатикъ, если прозѣваешь врага... Образъ жены и дочери, убитыхъ твоими, сдѣлали тэкинца безпощаднымъ и его шашка однимъ ударомъ разрубитъ тебя до пояса...

И цѣлыя сотни и тысячи подобныхъ мстителей подползли къ стану „бѣлыхъ рубахъ“... Но вотъ одинъ изъ нихъ не выдержалъ... Показалось ли ему, что онъ сквозь мракъ почи различаетъ фигуру аванпостнаго часоваго, долженствующаго сдѣлаться первой его жертвой, или же имъ самимъ овладѣло чувство страха при этомъ безмолвіи въ давящемъ окружающемъ его мракѣ, только рука судорожно нажала спускъ мушкетона... Сверкнуло красноватое пламя выстрѣла, раскатился по степи отрывистый гулъ и грохотъ... Молчавшая до сихъ поръ ночь какъ-бы только этого и дожидалась, чтобы огласиться безпорядочною стрѣльбою и криками... Тысячи пуль засвистали по всѣмъ направленіямъ!. Огоньки вспыхивающихъ выстрѣловъ засверкали повсюду, прорѣзывая мглу мгновенной вспышкой краснаго пламени.. Мирно спавшіе „бѣлыя рубахи“ вскочили и схвативши винтовки выстроились за глиняными стѣнками, въ которыя все чаще и чаще начинали шлепаться пули... Пронзительный свистъ коническихъ пуль и басовое жужжанье фальконетныхъ раздавались надъ головой... Изрѣдка прогремитъ отрывистый выстрѣлъ берданки одного изъ стрѣлковъ, разсыпанныхъ по стѣнкѣ, которому уже стало не въ терпежъ быть мишенью и который посылаетъ тэкинцу отвѣтъ на огонь его выстрѣла... Офицеры удерживаютъ солдатъ отъ безпорядочной траты

патроновъ... Вотъ старый боевой капитанъ, много разъ бывшій уже въ передѣлкахъ и похуже, ходитъ передъ фронтомъ своей роты, кутаясь въ бурку и отъ души проклиная этихъ непрошенныхъ гостей, помѣшавшихъ ему выспаться; ему и горя мало, что около шлепаются пули: страшная зѣвота овладѣваетъ имъ, а не во время прерванный сонъ еще болѣе заставляетъ чувствовать ночную прохладу!

Недалеко виднѣется искорка папиросы—это бравый капитанъ Полковниковъ покуриваетъ въ ожиданіи того момента, когда его четырехфунтовкамъ надо будетъ „прыснуть“ картечью.

Съ какою-то особенной, неестественною развязностью прохаживается молодой гардемаринъ передъ взводомъ своихъ картечницъ—онъ въ первый разъ въ дѣлѣ и на душѣ у него скребутъ кошки. Будь посвѣтлѣе, можно было бы замѣтить его блѣдность, но къ счастью для его самолюбія мракъ скрываетъ этотъ признакъ боязни... Вотъ онъ остановился въ интервалѣ между орудій и какъ разъ въ этотъ моментъ противъ него сверкнуло нѣсколько огоньковъ... Онъ зажмурилъ глаза... Прямо въ меня, мелькнуло у него въ головѣ... Теперь „онѣ“ ужъ близко... Неужели! Гдѣ то очень высоко прогудѣли эти пули, предназначенныя, какъ онъ думалъ, для него... Фу, какая гадость! можно ли такъ трусить!—злится самъ на себя молодой морякъ и нервно отходитъ отъ стѣнки... Едва онъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, какъ въ ушахъ у него раздается болѣзненный крикъ... Какой то казакъ получилъ пулю въ животъ... Какъ будто чѣмъ то холоднымъ повели по спинѣ у гардемарина... Никогда ему еще не хотѣлось такъ жить какъ теперь... Съ нимъ начинала дѣлаться нервная дрожь... Зубы стучали... Въ головѣ носились обрывки мыслей... Убьютъ или ранятъ! Вотъ еще двѣ свиснуло... Стой я тамъ и кончено... Нѣтъ буду ужъ лучше тутъ... Неужели этотъ капитанъ не боится?... Счастливецъ!.. И зачѣмъ я пошелъ? Кто-то теперь на вахтѣ сто-

итъ на *Персіанинѣ*... Хорошо тамъ... Ишь дьяволъ какъ близко шлепнулась! Убьютъ, навѣрное убьютъ!.. Въ сердце или въ голову!.. Охъ какъ страшно... Притвориться раненымъ? Нельзя, узнаютъ... Проклятыя руки не слушаются, такъ и трясутся, точно въ лихорадкѣ... Положить развѣ портсигаръ на грудь... Кого то спасло... Нѣтъ не пойду больше на войну!... Бѣдняга, какъ онъ кричитъ... И я такъ буду...

— Ваше б-діе! командиръ васъ требуютъ! послышался сзади гардемарина голосъ одного изъ матросиковъ.

— Гдѣ онъ? спросилъ молодой морякъ, стараясь придать своему голосу выраженіе твердости, что ему, впрочемъ, плохо удалось.

— А вотъ тутъ, сейчасъ налѣво. Они съ начальникомъ штаба разговариваютъ.

Гардемаринъ быстрыми шагами пошелъ по указанному направленію, поклонясь по дорогѣ раза два свиснувшимъ мимо пулямъ.

— Вы останетесь здѣсь съ вашимъ взводомъ картечницъ, я же иду къ ставкѣ генерала съ своими двумя орудіями; надѣюсь, что въ случаѣ чего, будете дѣйствовать молодцомъ,—такими словами встрѣтилъ его лейтенантъ Ш—нъ.

Эта фраза, произнесенная покойнымъ голосомъ среди страшной трескотни и свиста пуль, подѣйствовала на необстрѣленнаго юношу успокаивающимъ образомъ. Важную роль играло сознаніе также, что онъ теперь остается самостоятельнымъ командиромъ; боязнь исчезла на половину; въ умѣ мелькнула мысль—едва ли попадутъ, темно вѣдь совсѣмъ!

— Будьте покойны Николай Николаевичъ, распоряжусь какъ можно лучше, отвѣтилъ гардемаринъ уже твердымъ голосомъ.

— Главное не горячитесь; въ случаѣ атаки, непріятеля подпускайте ближе и тогда уже открывайте непрерывный огонь! Прикрытіе у васъ надежное, словомъ, не теряйте бодрости!

Лейтенантъ пожалъ руку молодаго моряка и исчезъ въ темнотѣ съ двумя своими картечницами, лихо подхваченными на лямки бравой прислугой...

Пули сыпались все чаще и чаще... Крики раздавались ближе... Въ виноградникахъ засѣлъ непріятель и оттуда летѣлъ свинцовый дождь... Жутко становилась „бѣлымъ рубахамъ“... Куда не взглянешь—повсюду мракъ прорѣзывается вспышками выстрѣловъ... Нѣтъ, нѣтъ и поле горизонта освѣтится красноватымъ пламенемъ и надъ головой пронесется точно туча пчелъ или шмелей .. Сначала непріятель стрѣлялъ издали, теперь же громъ его выстрѣловъ становился все ближе и ближе.. Крики: Алла, Маметъ, уръ, уръ! стономъ стояли въ ушахъ маленькаго отряда! Тяжелое сознаніе своей полной изолированности отъ всего остальнаго міра камнемъ ложилось на грудь! Ближайшій пунктъ, гдѣ были наши—это Бами, въ 126 верстахъ, значитъ помощи неоткуда было ждать—оставалось пробиться черезъ это кольцо освирѣпѣвшихъ враговъ!

Со стороны виноградниковъ непріятель подвинулся значительно впередъ; меньше сотни шаговъ было разстояніе до этой воющей и ревущей толпы... Отдѣльные голоса кричали ругательства, угрозы... Солдаты татары переводили, что они кричатъ о томъ, что собакъ гяуровъ немного и что они запаслись уже веревками, чтобы перевязать всѣхъ... Наступалъ критическій моментъ... Нѣсколько минутъ еще и вся масса этихъ дикихъ звѣрей ринулась бы на отрядъ и задавила бы его своею численностію... Ни храбрость, ни усовершенствованное оружіе не помоглибы выдержать эту неровную борьбу одного съ тридцатью... Закусивши губы до крови, съ напряженными мускулами, готовились „бѣлыя рубахи“ встрѣтить эту массу, которая должна была все задавить, но предварительно узнать тяжелымъ опытомъ, что „уруссъ“ продаетъ свою жизнь за дорогую цѣну...

Покрывая собою трескотню выстрѣловъ и гамъ тэкинцевъ, раздался рѣзкій голосъ самого бѣлаго генерала, не терявшаго ни въ какія минуты своего хладнокровія!

— Ну, ребята, я самъ скомандую залпомъ! Да смотрите у меня, чтобы залпъ былъ, какъ говорится, орѣхъ раскусить! Роты—товсь! Роты—пли!...

Какъ бы одинъ выстрѣлъ раскатился по степи грохотъ единодушнаго залпа!...

Въ виноградникахъ послышался страшный трескъ ломаемыхъ сучьевъ: какъ будто ураганъ пронесся въ этой чащѣ... Крики ярости, бѣшенства, неожиданности; стоны раненыхъ наполнили воздухъ; слышно было, что врагъ подался назадъ... Прежде чѣмъ онъ опомнился надо увеличить панику... Еще разъ сверкнула длинная огненная линія залпа .. Снова затрещали кусты и деревья пронизываемые пулями... Отвѣтомъ былъ ревъ и проклятія тэкинцевъ—но тонъ уже измѣнился—это не былъ вызывающій крикъ врага, собирающагося броситься въ рукопашный бой и сознающаго свою силу—нѣтъ это былъ крикъ ярости массы, признающей свое безсиліе...

Засвистѣла картечь... Топотъ бѣгущихъ слился съ шумомъ перестрѣлки... Отдѣльные крики продолжали раздаваться, но въ нихъ не было уже ничего способнаго навести на солдатъ ужасъ; кучка „бѣлыхъ рубахъ“ спаслась ..

Темнота начинала разсѣиваться; на горизонтѣ небо принимало болѣе свѣтлые оттѣнки;—еще недолго и долженъ былъ явиться могущественный союзникъ „урусса“—дневной свѣтъ! Первый лучъ солнца и вся эта масса враговъ будетъ уже нестрашна—картечь и огонь берданокъ будутъ держать ихъ въ почтительномъ разстояніи...

Тэкинцы понимали это и хотѣли сдѣлать еще попытку, подъ прикрытіемъ мрака ночи, задушить своею численностію куч-

ку дерзкаго врага, забравшагося въ нѣдры ихъ привольныхъ степей...

Но пока они собирались съ духомъ и тратили время на обсыпаніе насъ пулями, на востокѣ явилась розовая полоса утренней зари—предвѣстницы того, что черезъ нѣсколько минутъ вся степь будетъ озарена яркими лучами дневнаго свѣтила.

Какъ говорится—призраки боятся утренняго пѣнія пѣтуховъ, такъ и тэкинцы испугались зари... Выстрѣлы стали отдаляться; пули уже проносились въ воздухѣ одиночками, а не массою .. Солдатики могли вздохнуть полною грудью... Все чаще и чаще защелкали сухіе выстрѣлы нашихъ винтовокъ, посылая пули въ силуэты непріятеля, сдѣлавшагося замѣтнымъ и торопившагося уходить... Наконецъ появился краешекъ солнца, озарившій зеленыя вершины Коппетъ-Дага нѣжнымъ розовымъ свѣтомъ... Тяжелая ночь прошла и чувство радости охватило всѣхъ...

Съ первыми лучами солнца изъ лагеря вышла рота саперъ устраивать черезъ топкое мѣсто мостикъ. Непріятель разсыпался по всей степи и въ особенности сосредоточился подъ горами...

„Бѣлыя рубахи“ должны были ожидать хорошіе проводы, но это ихъ уже не пугало—солнце ярко свѣтило и впечатлѣнія ночи успѣли уже изгладиться. Изрѣдка со стономъ пронесется въ воздухѣ пуля и вызоветъ шутливое замѣчаніе кого нибудь изъ солдатъ... Отдано приказаніе варить чай и во многихъ уже мѣстахъ подымаются къ нему голубыя струйки дыма... Аванпосты выведены на мѣста и отъ скуки занимаются пострѣливаніемъ по черезъ чуръ близко подскакивающимъ наѣздникамъ... Вотъ командиръ батареи въ бинокль замѣтилъ толпу пѣшихъ подъ горами, собирающихся въ оврагѣ; немедленно заряжено орудіе шрапнелью и утренній воздухъ потрясается громомъ пушечнаго выстрѣла; на синевѣ неба далеко, далеко, показывается клубочекъ молочнаго цвѣта дыма и изъ оврага, какъ испуганная стая птицъ,

выскакиваютъ разноцвѣтные халаты и разбѣгаются по степи, увеличивая собою громадное количество черныхъ точекъ, разсыпанныхъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Иногда одна изъ этихъ точекъ начинаетъ вдругъ приближаться, увеличивается, превращается въ всадника, подскакивающаго все ближе и ближе; вотъ видна его черная шапка, длинный мултукъ, который онъ держитъ, уперши въ сѣдло. Аванпосты открываютъ огонь; лихой джигитъ подскакиваетъ еще ближе; вдругъ на полномъ скаку онъ прикладывается—бѣлый дымокъ скрываетъ его на моментъ, пуля свиститъ надъ головами стрѣлковъ или шлепается въ нѣсколькихъ шагахъ передъ ними. Вся линія нашей цѣпи трещитъ; взрываемая падающими пулями пыль закрываетъ всадника; пыль разсѣивается—ропотъ удовольствія пробѣгаетъ по цѣпи:—джигитъ лежитъ на пескѣ, а конь его, съ перебитой ногой старается ускакать отъ этого роковаго для него и хозяина мѣста. Солнце подымалось все выше и выше.... Чай уже сваренъ, солдаты спѣшатъ закусить передъ походомъ .... Повсюду идетъ оживленный говоръ. Славно теперь погрызть сухарь и выпить дымящагося чайку... Не будь изрѣдка слышно ружейныхъ выстрѣловъ, да не доносись стоны раненыхъ, которыхъ перевязываетъ нашъ бравый эскулапъ Минкевичъ,—никто бы не подумалъ, что отрядъ только что выдержалъ кровопролитное дѣло и что до сихъ поръ еще онъ окруженъ врагами....

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кучки пьющихъ чай матросовъ лежитъ только что раненый казакъ Таманскаго полка; какая то, неизвѣстно откуда взявшаяся, пуля хватила бѣднягу въ правый бокъ и засѣла внутри. Докторъ осматриваетъ его и должно быть причиняетъ сильную боль, такъ какъ это атлетически сложенное, бронзовое тѣло вздрагиваетъ и бьется... Бородатое, загорѣлое лицо передергивается судорогами, поблѣднѣвшія губы шепчутъ:

— Больно, ой! ой! жжетъ! Смерть моя пришла! Братцы жжетъ! Пить! Нутро горитъ!

Одинъ изъ матросовъ подходитъ съ стаканомъ чая; раненый дѣлаетъ глотокъ и крикъ вырывается у него .. Онъ мотаетъ головой, показывая, что не можетъ больше... Докторъ безнадежно покачиваетъ головой и накладываетъ перевязку на рану—едва за мѣтное черное отверстіе, изъ котораго выступила капелька темной крови... Казакъ тяжело дышалъ и губы окрашивались у него розоватою пѣной... Глаза смотрѣли изъ подъ полуопущенныхъ вѣкъ и въ нихъ выражалось и страданіе и желаніе жить... Тяжело, читатель, умирать въ свѣтлое, свѣжое, солнечное утро... Хотя небесный сводъ и манитъ къ себѣ своей чудной, глубокой синевой, но все таки не хочется переселяться туда на вѣки... Какъ ни скверно на землѣ, а страстное желаніе жизни проникаетъ все существо и смерть кажется чѣмъ-то чудовищнымъ, невозможнымъ, немыслимымъ въ этомъ общемъ оживленіи природы, обливаемой горячими лучами яркаго солнца... Солдаты закусили... Начали навьючивать верблюдовъ... Тэкинцы уже болѣе не безпокоили выстрѣлами, но, собравшись въ почтительномъ отдаленіи, ожидали выхода отряда съ мѣста ночевки... Но вотъ проскакалъ одинъ изъ ординарцевъ генерала, сообщая начальникамъ отдѣльныхъ частей приказаніе выстроить солдатъ, такъ какъ генералъ намѣренъ объѣхать отрядъ и поблагодарить его за молодецкое дѣло этой ночи... Въ мертвой тишинѣ, растянувшись длиннымъ фронтомъ, ожидали „бѣлыя рубахи“ появленія своего боготворимаго вождя... Вотъ и онъ, какъ всегда блестящій, покойный, выдѣляющійся изъ всѣхъ своей мужественной красотой... Далеко пронесся по степи его громкій, звенящій, немного картавящій голосъ, здоровающійся съ солдатами... Загремѣло по фронту радостное, единодушное: „здравіе желаемъ ваше пр—ство“.

Теплыми, задушевными словами благодарилъ Михаилъ Дмит-

ріевичъ своихъ молодцовъ и этой благодарностію воодушевлялъ ихъ на новый бой, на новыя опасности...

Генералъ закончилъ словами: „теперь, ребята, помолимся за упокой души нашихъ товарищей, честно исполнившихъ свой долгъ, павшихъ за Вѣру, Царя и Отечество и получившихъ уже свою награду передъ престоломъ Создателя“...

Священникъ, въ полномъ облаченіи, началъ служить панихиду.... И всѣ эти загорѣлыя, закопченныя порохомъ головы набожно склонялись на грудь, принося теплую, полную вѣры молитву за вѣчное успокоеніе душъ своихъ товарищей, которымъ промыслъ Божій судилъ навсегда остаться въ этихъ раскаленныхъ пескахъ, въ дали отъ своей родины... Священникъ окропилъ святой водой кусокъ земли, которая должна была принять въ свои нѣдра павшихъ героевъ; тѣла ихъ осторожно опущены въ могилу.... и страшный залпъ потрясъ воздухъ.... залпъ понесшій сотни пуль тэкинцамъ, недоумѣвающимъ, что дѣлаетъ „уруссъ“..... Послѣдняя почесть была оказана.... Музыка заиграла маршъ и отрядъ „бѣлыхъ рубахъ“ сталъ медленно выходить изъ того мѣста, которое, благодаря генію великаго „бѣлаго генерала“, не сдѣлалось его могилою!. Тэкинцы издали открыли огонь, совершенно безвредный, но сдѣлать нападенія не рѣшались.... Они разступались передъ этой горстью съ бѣшенствомъ и яростью въ душѣ, сознавая свое безсиліе.... Изрѣдка гремѣло орудіе и дождь шрапнели сыпался на кучку смѣльчаковъ, слишкомъ близко подскочившихъ къ отряду.... А солнце начинало уже сильно жечь и напоминало о предстоящемъ тяжеломъ переходѣ.... Но „бѣлыя рубахи“, подъ впечатлѣніемъ одержанной побѣды. легко, и беззаботно шагали, какъ будто это не ихъ головы и спины подвергались дѣйствію жгучихъ лучей солнца.... Музыка играла безостановочно и отрядъ все дальше и дальше оставлялъ за собой бѣлыя стѣны Эгянъ-Батыръ-Кала... Скоро онѣ совершенно исчезли въ морѣ

желтаго песка, но не исчезло изъ памяти людей, проведшихъ эту ночь въ Эгянъ-Батыръ-Кала, воспоминаніе о пережитомъ и перечувствованномъ за время боя семисотъ съ двадцатью тысячами.... И когда нахлынутъ воспоминанія въ голову, изъ нихъ самое яркое — личность покойнаго героя — богатыря Михаила Дмитріевича Скобелева, который только одинъ могъ вывести и спасти этотъ отрядъ; будь же на его мѣстѣ одинъ изъ генеральчиковъ, считающихъ себя геніями и бросающихъ грязью въ покойнаго—отрядъ бы погибъ....

Впрочемъ не зачѣмъ этого и доказывать—28-го августа 1879 года достаточно показало, что могутъ сдѣлать наши высокопоставленные, титулованные полководцы, мнящіе себя геніями.... Однако довольно; не надо чтобы желчь подымалась; воспоминаніе о дѣлѣ 6-го іюля слишкомъ хорошо, чтобы его портить приведеніемъ себѣ на память фактовъ трусости и безчестія..... Sapienti sat.

VIII.

Осада и штурмъ Геокъ-Тепе.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, еще сидя на школьной скамейкѣ, знавалъ я одного князька, потомка Рюрика, значитъ, наиболѣе русскаго, чѣмъ кто бы то ни былъ. Сей многообѣщающій юноша удостоилъ меня, будучи уже слушателемъ въ одномъ высшемъ учебномъ заведеніи, вопросомъ! Qu'est ce que ça—Рыбинскъ?... Я, откровенно говоря, не особенно удивился этому вопросу—на то вѣдь, предложившій его мнѣ, и былъ русской титулованной особой, знающей всѣхъ хорошенькихъ продавщицъ лимонадъ-газёза, начиная отъ Вѣны и кончая Ниццей, и сомнѣвающійся стоитъ ли Кіевъ на Днѣпрѣ или на Дону... Моимъ читателямъ вѣроятно тоже не въ диковинку такіе „благополучные россіяне“, наши представители „чистѣйшей славянской крови“—не объ нихъ я и рѣчь свою поведу дальше, а вспомнилъ эту фразу, какъ подходящую къ другой, болѣе заслуживающей вниманія... Ахалтекинская экспедиція кончилась... Вернулся я въ Петербургъ. Однажды попалъ на вечеръ „съ генералами“—не съ щедринскими дѣйствительными статскими совѣтниками, нѣтъ, съ настоящими генералами—съ лампасами и со всѣми прочими принадлежностями... Со скромностію, пропорціональною моему малень-

кому чину, усѣлся я въ уголъ и весь обратился въ слухъ.... Были тутъ генералы боевые и мирные; были генералы большіе и маленькіе (насколько генералъ можетъ быть вообще маленькимъ); были почти что Суворовы и были только что оперяющіеся полководцы; были генералы едва,-едва цѣдящіе слова сквозь зубы и были говорящіе плавно, мѣрно, торжественно, цѣлыя тирады въ два или три столбца мелкой газетной печати, съ блаженствомъ прислушивающіеся къ журчанію собственной рѣчи, такъ и просящейся въ христоматію образцовъ русской словесности... О зачѣмъ я не стенографъ!...

Въ воздухѣ скрещивались гармоничныя—„ваше превосходительство!“, повторяемыя на разныя тоны; порой слышалось и „excellence!“ Словомъ все до того было проникнуто „превосходительнымъ духомъ“, что даже я, совсѣмъ маленькій человѣкъ, вдругъ вообразилъ, что обладаю уже необходимой частью туалета —съ лампасами...

Когда, въ разговорѣ, вся Европа была покорена присутствовавшими полководцами, при чемъ на долю каждаго досталось по крайней мѣрѣ по одному выигранному сраженію, а инымъ и по нѣскольку (въ зависимости отъ чина)—виноватъ, впрочемъ, одинъ старый, почтенный полководецъ не одержалъ ни одной побѣды, такъ какъ все время мирно всхрапывалъ въ укромномъ уголку, тогда дѣло дошло и до Азіи! Не успѣлъ я мигнуть, какъ „ихъ превосходительства“ уже дѣлили Китай; черезъ минуту одинъ молодой, „генеральнаго штаба“ генералъ (въ Германіи такіе юнцы не всегда и ротою командуютъ), занесъ уже ногу, чтобы перешагнуть Гималаи и собирался провозгласить себя покорителемъ Остъ-Индіи, какъ вдругъ кому то пришла неудачная мысль вспомнить о Михаилѣ Дмитріевичѣ Скобелевѣ и о только что окончившейся Ахалтэкинской экспедиціи! Мой Создатель, какъ всѣ встрепенулись! Черезъ пять минутъ я, прошедшій весь оазисъ,

бывшій во всѣхъ дѣлахъ, знающій мельчайшія обстоятельства приготовленія къ экспедиціи и ея исполненія, получилъ такія свѣдѣнія изъ устъ собравшагося генералитета, что окончательно обомлѣлъ; я не могъ себѣ уяснить, нахожусь ли я въ обществѣ русскихъ, которые, какъ мнѣ кажется, должны радоваться всякому успѣху роднаго оружія, или же я попалъ въ общество ненавидящихъ насъ нѣмцевъ или венгерцевъ, злорадно отрицающихъ все, чѣмъ можетъ гордиться Россія? Я съ необычайнымъ удивленіемъ узналъ, что тэкинцы самый покойный и мирный народъ, что отрядъ пребывалъ все время не въ пустынѣ, а въ настоящемъ Эдемѣ, что вода тамъ лучше нашей невской, что, если бы мы захотѣли, то взяли бы Геокъ-Тепе безъ выстрѣла, что потери наши людьми, а равно отбитіе у насъ знамени и двухъ орудій было устроено съ намѣреніемъ, чтобы показать небывалую силу непріятеля, что... впрочемъ, зачѣмъ передавать читателю всѣ измышленія, которыя могутъ породить мелкая злоба и зависть? Перломъ всей бесѣды былъ вопросъ, предложенный однимъ изъ присутствовавшихъ, будущихъ Суворовыхъ и Наполеоновъ, вопросъ въ pendant къ вышеуказанному: Ou'est que ça—Рыбинскъ?

— Э... что тэкинцы... Э... вооружены огнестрѣльнымъ оружіемъ?

Къ чести остальной почтенной ассамблеи долженъ заявить, что отвѣтъ послѣдовалъ утвердительный, хотя немедленно же было дано ложное свѣдѣніе, что большинство ружей—фитильныя. Пишущій эти строки имѣлъ груды тэкинскаго оружія, но ни одного фитильнаго мултука.

Чѣмъ окончилась бесѣда—не знаю; во избѣжаніе разлитія желчи я незамѣтно исчезъ... Послѣднія, донесшіеся до меня слова были:... Фи! какіе то халатники... Вдругъ салютъ, выходъ во дворцѣ!... Черезчуръ!...

Злость меня душила... Душила до того, что если бы я, по-

винуясь первому впечатлѣнію, вернулся назадъ и захотѣлъ бы высказать этой публикѣ истину о ея сужденіяхъ, то не могъ бы вымолвить ни слова... Да оно и лучше что не вернулся!

Читатель навѣрно подумаетъ обо мнѣ: какой неблаговоспитанный молодой человѣкъ! So jung—und so verdorben! Осмѣливается такъ критиковать старшихъ, заслуженныхъ уже людей!

Сознаю свою вину, но заслуживаю снисхожденія...

Когда эти строки выливаются изъ подъ моего пера, передъ моими глазами портретъ покойнаго героя—бѣлаго генерала...

Не отнесись я такъ строго къ его врагамъ и завистникамъ, людямъ, не годившимся быть въ его войскахъ даже субалтерн-офицерами—мнѣ-бы постоянно чудилось, что эти холодные, обыкновенно безстрастные глаза моего боготворимаго генерала смотрятъ на меня съ нѣмымъ упрекомъ, обвиняя меня въ измѣнѣ его памяти...

И такъ, въ тотъ памятный вечеръ, компетентные судьи наши порѣшили, что вся наша экспедиція не стоила и гроша мѣднаго; что чествованіе въ Петербургѣ взятія Геокъ-Тепе было вовсе неумѣстно; что объ этой экспедиціи кричали больше, чѣмъ слѣдуетъ, и т. д.—Пусть будетъ, по мнѣнію нашихъ доморощенныхъ Наполеоновъ, это и вѣрно, я же, съ своей стороны, нарисую читателю исторически вѣрную картину 23 дневной осады и штурма „глиняной крѣпости безоружныхъ халатниковъ“! Авось читатель найдетъ, что это дѣяніе дѣйствительно прибавляетъ новый лепестокъ къ лавровому вѣнку покойнаго героя, да и сподвижникамъ его служитъ къ чести, а не къ позору...

На сколько можетъ обнять взоръ на сѣверъ, западъ и востокъ—желтая, песчанная равнина... На югъ—длинная линія горъ, вершины которыхъ посеребрены снѣгомъ...

На этой равнинѣ, верстахъ въ 5 отъ подошвы горъ, временами показывается, между облаками дыма, какой то длинный,

неправильный четыреугольникъ изъ бѣлыхъ глиняныхъ стѣнъ.... Близко отъ него, едва примѣтныя для глазъ, тянутся по поверхности земли линіи насыпей, по которымъ непрерывно перебѣгаютъ дымки. Во многихъ мѣстахъ подымаются большіе клубы молочнаго цвѣта дыма, слышатся глухіе раскаты, заставляющіе содрагаться землю... Это то и есть Геокъ-Тепе...

Издали нѣтъ ничего страшнаго, думается наблюдателю, воображеніе котораго настроено разсказами въ ближайшемъ отъ Геокъ-Тепе пунктѣ—Эгянъ-Батыръ-Кала, лежащемъ въ 12 верстахъ, посмотрѣть поближе?

Вотъ какъ разъ идетъ транспортъ подъ прикрытіемъ роты и полусотни казаковъ, присоединимся читатель къ нему и отправимся въ лагерь, а оттуда въ траншеи...

Грязно таки... Утромъ рано шелъ снѣгъ, а теперь градусовъ 25 жару и отъ снѣга нѣтъ и слѣдовъ, только глинистая почва размокла и на ногахъ у бѣдныхъ пѣхотныхъ солдатъ по пуду глины... Ничего, скоро дойдемъ, если только на дорогѣ не прихлопнутъ... Вы съ недовѣріемъ смотрите? Да, могутъ и прихлопнуть и даже очень близко отсюда; видите этотъ мостъ черезъ арыкъ? Шагахъ въ трехстахъ отсюда? Ну-съ, такъ вотъ у самаго этого моста насъ поподчуютъ тэкинцы ядромъ, и хорошо направленнымъ, за эту ручаюсь, такъ какъ уже 5 разъ имѣлъ удовольствіе слышать его гудѣніе передъ самымъ носомъ! Вы сдерживаете коня? Не бойтесь, авось и мимо...

Охъ, близко проклятый мостъ!.... Пустили подлецы! Вижу дымъ орудійнаго выстрѣла на стѣнѣ..... Вотъ оно... Вжжи... Шлепъ... Близко... Что это? Забрызгало глиной физіономію?

Ничего, утритесь рукавомъ, здѣсь дамъ нѣтъ.

Что непріятное ощущеніе? Будетъ и хуже... Еще минутъ 15 холу и пульки начнутъ посвистывать... Тѣ хуже, потому что ихъ больше, да и визжатъ ужъ очень несимпатично, черезъ-чуръ

дискантомъ, такъ и кажется, что первая барыня взвизгнула надъ ухомъ...

А смерть витаетъ очень близко отъ насъ, видите впереди двое солдатиковъ несутъ носилки—вѣроятно или убитый, или тяжело раненый; легко раненные обыкновенно сами добираются до перевязочнаго пункта. Интересно ихъ догнать и спросить; здѣсь уже наши владѣнія, можно безопасно отдѣлиться отъ колонны, не рискуя попасть въ лапы тэкинцевъ.

— Кого ребята несете?

— Солдатика, ваше б—діе, сейчасъ убило, такъ въ лагерь его несемъ.

— Гдѣ убило, въ траншеѣ?

— Никакъ нѣтъ, вотъ тутотко,—близко! Онъ изъ лизервныхъ былъ, помогалъ значитъ ротному кашевару, и только онъ это, нагнумшись, подложить хотѣлъ полѣно, какъ ему вдаритъ пуля въ эфто самое мѣсто—разсказывающій указалъ себѣ на темя, такъ онъ значитъ сейчасъ и померъ. Ну, бери на себя больше, обратился онъ къ товарищу и они оба снова пошли тяжелою походкою впередъ, и убитый снова началъ раскачиваться съ носилками. Въ его фигурѣ не было ничего страшнаго: поблѣднѣвшее лицо сохранило самое покойное выраженіе; полуоткрытые глаза не выражали ровно ничего—видно было, что человѣкъ кончилъ жизнь самымъ неожиданнымъ образомъ и что этотъ сюрпризъ не произвелъ на него дурнаго впечатлѣнія—такъ былъ быстръ переходъ отъ жизни къ смерти... Завидная участь въ сравненіи съ тѣми, которымъ приходится отправляться „ad patres“ съ постели.... Постно-торжественныя физіономіи окружающихъ, стереотипныя утѣшенія, что еще смерть далека, когда самъ умирающій уже чувствуетъ ея ледяное дыханіе, пичканіе разными произведеніями латинской кухни, только увеличивающими агонію, обязательныя фразы напутствія, что, дескать „тамъ“ лучше, когда можетъ быть

самъ субъектъ, „туда“ отправляющійся, находитъ, что здѣсь, на землѣ, гораздо лучше... Все это очень непріятно и злитъ страшно. Нѣтъ, что можетъ быть лучше смерти мгновенной, неожиданной! Я молю судьбу, покрайней мѣрѣ, послать мнѣ кончину въ бою или за зеленымъ полемъ—когда объявлю большой шлемъ на безкозыряхъ и буду брать послѣднюю взятку—тогда пусть кончится мое земное поприще! Блаженная кончина!

Вотъ и лагерь наконецъ. Масса кибитокъ, большинство врыто фута на четыре въ землю и снаружи обложено мѣшками съ землею, чтобы обезопасить ихъ обитателей отъ пуль, щедро направляемыхъ сюда тэкинцами. Особенно много ихъ сыплется около наметовъ (большихъ палатокъ) Краснаго Креста; дня не проходитъ чтобы не убили или не ранили кого нибудь изъ лазаретной прислуги или изъ числа же раненныхъ и больныхъ. Обидная вещь! Является легко раненный, съ прострѣленной рукой или ногой; вдругъ черезъ нѣсколько времени влетаетъ нежданная гостья и... хлопъ! въ грудь или въ бокъ! Понятно приходится умирать...

Одинъ бѣднякъ фельдшеръ получилъ пулю въ бедро въ госпиталѣ, во время перевязки раненнаго; волей неволей пришлось лечь вмѣстѣ со своими пацiентами; на другой день бердановская пуля пробила ему на вылетъ легкое; фельдшеръ и тутъ крѣпится—не умираетъ, да и только; наконецъ подъ вечеръ третьяго дня ему перебило шейные позвонки, тогда только этотъ здоровякъ порѣшилъ, что этого для одного человѣка слишкомъ уже много и скончался...

Николай Николаевичъ Яблочковъ, инженеръ морской строительной части, былъ раненъ утромъ 30-го декабря въ грудь, а 2-го или 3-го января получилъ въ лазаретѣ другую пулю въ руку. Докторъ Малиновскій, во время консиліума или какого-то засѣданія медицинскаго персонала въ лагерѣ, былъ раненъ въ бокъ...

За лазаретомъ тянется довольно длинная линія кибитокъ армянъ-торгашей. Торговля идетъ оживленно:—хотя наканунѣ смерти поѣмъ, да выпью чего нибудь,—думаютъ войны, забѣжавши на минуточку изъ траншеи въ „магазинъ“ какого нибудь Карапетки. Карапетка же думаетъ: авось не убьютъ, такъ съ капиталомъ вернусь въ Тифлисъ или Нахичевань и деретъ страшно, непозволительно деретъ! Какъ вамъ покажется, читатель, заплатить за бутылку пива 5 р. с. Дѣйствительно, вѣдь это только, когда смерть на носу, можно смотрѣть на деньги какъ на лоскутки какой-то бумаги, неимѣющей значенія! А смерть тутъ, какъ тутъ, въ этой самой лавчонкѣ, гдѣ теперь сидятъ трое офицеровъ и пьютъ какую-то бурду, именуемую кяхетинскимъ виномъ, но ни цвѣтомъ, ни запахомъ, ни вкусомъ, непохожую на это божественное произведеніе зеленыхъ виноградниковъ лучшей части Кавказа! А вѣдь каждый стаканъ этой смѣси уксуса съ ваксой стоитъ 2 руб. сер. самое меньшее. Довольно этимъ бѣднягамъ иллюзіи, что они пьютъ вино и имъ подкрѣпляютъ свои силы, довольно и этого, послѣ 5 безсонныхъ ночей, проведенныхъ подъ пулями въ траншеяхъ, въ липкой грязи, подъ дождемъ, среди томительнаго ожиданія вылазки и рѣзни!..

Карапетъ сдѣлалъ изъ своей кибитки нѣчто вродѣ каземата броненосца—кажется ни одна пуля не пробьетъ, уложенныхъ до самаго верха мѣшками, стѣнъ его лавочки. Много ихъ шлепаетъ въ верхъ кибитки, да тѣ ни опасны—никого не задѣнутъ, развѣ шальная, пущенная подъ угломъ въ 60° къ горизонту, ухитрится упасть въ средину кибитки, отстоящей отъ непріятеля на 600—700 шаговъ, словомъ покоенъ Карапетъ, покойны его гости.....

Вдругъ съ дребезжащимъ звономъ слетаетъ съ полки почти пустая, жестяная коробка англійскихъ печеній, падаетъ стоящая на ней бочка съ сельдями, падаетъ и самъ Карапетъ къ ногамъ

Sv. leiri 24

удивленныхъ офицеровъ, только что собравшихся еще потребовать бутылку дорого стоющей смѣси! Бѣдняга катается въ судорогахъ по полу кибитки, ударяясь головой и ногами о боченки, замѣняющіе стулья...

Кровь заливаетъ его черкеску; пуля какъ разъ угодила на вершокъ выше его кожаннаго, усаженнаго металическими пуговицами кушака... Офицеры хотятъ его поднять—онъ отмахивается руками и страшно стонетъ, умоляя его оставить въ покоѣ... Лучшее украшеніе его армянской физіономіи—полутора-аршинный носъ поблѣднѣлъ. Близка твоя смерть Карапетъ! Вотъ тебѣ и деньги твои! Такъ себѣ и пропадутъ всѣ эти кипы засаленныхъ бумажекъ, спрятанныя тобой такъ тщательно въ землѣ подъ мѣшкомъ съ сушонымъ инжиромъ! Хорошо, если кто нибудь изъ твоихъ соотчичей знаетъ твой секретъ и хоть десятую долю ихъ доставитъ твоей семьѣ, а то вѣдь пропадутъ всѣ плоды твоего обмана и мошенничества.

Одинъ изъ офицеровъ кладетъ около хрипящаго армянина двѣ 10 рублевыя бумажки—плату за выпитое вино, и всѣ трое выходятъ изъ кибитки. Группа солдатъ сидитъ за мѣшками въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кибитки; солдатики провели нѣсколько дней въ траншеяхъ и теперь отдыхаютъ, если можно назвать отдыхомъ сидѣнье въ грязи подъ свистящими пулями... Одинъ наигрываетъ на гармоникѣ...

— Ребята, тутъ вотъ въ кибиткѣ ранило маркитанта, снесите его въ Красный Крестъ, обращается одинъ изъ офицеровъ къ солдатикамъ...

Черезъ минуту глухо стонущій Карапетка уже покачивается на рукахъ четверыхъ солдатъ, а его товарищи маркитанты наводнили кибитку..

Пропалъ Карапетъ, пропалъ его товаръ...

Сегодня убили его, завтра кого нибудь другого—пройдетъ 5—6 дней и ни одна душа уже не будетъ даже помнить, что

такой-то существовалъ когда то, у каждаго слишкомъ много заботъ о цѣлости и сохранности собственной шкуры...

Вотъ кибитка артиллеристовъ 4-й батареи 20 бригады, заглянуть развѣ туда?

Предварительно надо согнуться въ три погибели: черное отверстіе, именуемое дверью, какъ будто сдѣлано только для входа кошекъ, а не людей, даже небольшаго роста. Въ довершеніе неудобства, входъ закрытъ кошмой. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ вашъ покорнѣйшій слуга пролѣзаетъ въ кибитку.

— А, морякъ, здорово! Откуда Богъ принесъ,—слышится изъ разныхъ угловъ.

Народонаселеніе кибитки очень густое; здѣсь собрались почти всѣ офицеры 4-й батареи. Представлять ихъ вамъ, читатель, всѣхъ затруднительно, познакомлю васъ только съ лихимъ командиромъ этой батареи—капитаномъ Полковниковымъ, который за экспедицію, благодаря своей храбрости и разумному командованію своею частью, получилъ чинъ подполковника въ 27 лѣтъ, Георгіевскій крестъ и золотую саблю. Онъ любимецъ фортуны, пули его не трогаютъ, имѣетъ большой успѣхъ у женщинъ и удивительно счастливо играетъ въ карты—два послѣднія обстоятельства обыкновенно, судя по пословицѣ, не совпадаютъ, но Петръ Васильевичъ въ этомъ случаѣ рѣдкое исключеніе.

— Ты изъ траншей къ намъ забрелъ? обращается онъ къ вновь пришедшему моряку?

— Нѣтъ, только что вернулся изъ Самурскаго (такъ названо было укрѣпленіе Эгянъ-Батыръ-Кала, въ 12 верстахъ отъ Геокъ-Тепе).—Надо было забрать пожитки людей и посмотрѣть что подѣлываютъ тамъ наши, оставленные съ однимъ орудіемъ. А что, господа, водки и легкаго пыжа у васъ не найдется?

— Какъ не найтись, есть понятно? Ей Иванъ! Дай господину моряку водки и пыжъ, какой найдется!

Для мирнаго читателя, наша, выработанная походомъ, терминологія можетъ быть несовсѣмъ понятна. Пыжемъ называется всякая закуска, ибо, какъ зарядъ пороха отдѣляется отъ пули пыжемъ, такъ, обыкновенно, и одна рюмка отдѣляется отъ другой кускомъ чего бы то ни было—въ крайнемъ случаѣ сухаремъ.

Черезъ минуту гардемаринъ зарядилъ себя стаканчикомъ живительной влаги и крѣпко прибивалъ этотъ стаканчикъ пыжемъ изъ сардинокъ и колбасы.

— Ну что хорошаго видѣлъ въ Самурскомъ, спросилъ Петръ Васильевичъ, видя, что морякъ прибилъ уже какъ слѣдуетъ зарядъ и принялся крутить папиросу.

— Да ничего интереснаго! Скучаютъ тамъ бѣдняки; сильно рвутся сюда, завидуютъ намъ!

— Ну, завидовать то нечему, замѣтилъ молодой, высокаго роста, красивый поручикъ Сущинскій, подымаясь съ постели и потягиваясь; онъ направился къ столу, гдѣ стояла еще бутылка водки и коробка сардинокъ. Едва онъ сдѣлалъ шагъ, какъ всѣ сидѣвшіе въ кибиткѣ вздрогнули: что-то сильно шлепнулось въ верхній переплетъ, облако пыли и осколковъ дерева разлетѣлось повсюду и большая, полуфунтовая фальконетная пуля упала къ ногамъ поручика...

— Ну, они подлецы рѣшительно замышляютъ меня отправить на тотъ свѣтъ, проговорилъ поручикъ, наклоняясь и подымая эту безобразную, призматическую, сильно сплюснувшуюся пулю. Нынѣшнюю ночь всадили мнѣ пулю въ пальто, которое я свернулъ и подложилъ подъ голову, сегодня же чуть не залѣпили въ голову....

— Да она бы не убила тебя, сказалъ совсѣмъ молоденькій прапорщикъ, взявши пулю и разсматривая ее.

— Покорно благодарю, еслибы щелкнула въ голову... Вѣдь если даже прямо упала бы съ этой высоты и то сильно ушибла

бы, а то вѣдь, кромѣ того сила еще сохранилась... Нѣтъ эта, пожалуй, рана была бы изрядная...

— За то перваго разряда, въ голову, сказалъ морякъ, выпуская клубъ табачнаго дыма ртомъ и носомъ.

— Вчера былъ интересный случай, замѣтилъ, подымая глаза съ книги, которую прилежно читалъ, одинъ изъ офицеровъ 19-й бригады; прохожу я около траншеи передъ лагеремъ, а тамъ выстроена рота, назначенная на ночь на смѣну туркестанцамъ въ Великокняжескую Калу. Фельдфебель, такой бравый изъ себя, съ двумя крестами, дѣлалъ разсчетъ людямъ. Дошелъ ужъ почти до средины фронта, солдаты откликаются: первый, второй, первый, второй,—вдругъ откуда-то шальная пуля хлопнула прямо въ переносье одного во фронтѣ ужъ изъ числа разсчитанныхъ, и не пикнулъ—слетѣлъ съ ногъ! Фельдфебель сплюнулъ, выругался и говоритъ: ишь проклятая, только разсчетъ испортила! Я сго готовъ былъ за такое хладнокровіе разцѣловать...

— Дѣйствительно молодчина, согласились всѣ.

— Ну однако засиживаться то у васъ не приходится, замѣтилъ морякъ, поднимаясь и подтягивая кушакъ съ висѣвшей на немъ кобурой, откуда торчало ложе револьвера.

— Ты куда? обратился къ нему Петръ Васильевичъ.

— Да къ себѣ въ Охотничью.

— Что, поди, у васъ тамъ посвистываетъ?

— Изрядно таки; пристрѣлялись подлецы здорово! Да и близко вѣдь—всего 82 шага. Приходится на ночь бойницы въ стѣнѣ затыкать—стрѣляютъ на огонь, который просвѣчиваетъ. На башнѣ ужъ трехъ моихъ стрѣлковъ уложили—въ глазъ каждаго... Какъ только выставишь дуло винтовки, такъ и начинаютъ пули щелкать около бойницы; самъ замѣчаешь какъ онѣ ложатся все ближе и ближе, каждый разъ ожидаешь, что влѣпятъ тебѣ въ зрачекъ прямо... Но все таки у васъ въ лагерѣ хуже, тамъ по

крайней мѣрѣ на ночь уляжешься себѣ подъ стѣной, ближайшей къ непріятелю и дрыхни сколько угодно...

— Сегодня утромъ жаловался Гетшель, что наши осколки отъ бомбъ падаютъ къ вамъ, сказалъ поручикъ, чуть было не получившій въ голову тэкинскаго презента.

— Это вѣрно, подтвердилъ гардемаринъ. Какъ только увидишь вечеромъ надъ головой букетъ этихъ свистящихъ и свѣтящихся шариковъ, такъ и ожидаешь, что посыпятся осколки въ Калу... Непріятно они жужжатъ, пули куда лучше... Однако досвиданья, господа, пора мнѣ и къ себѣ—и морякъ крѣпко пожалъ протянутыя ему руки.

Быстрымъ шагомъ прошелъ онъ открытое мѣсто до кибитокъ апшеронцевъ. Но какъ ни быстро шелъ молодой морякъ, а все-таки около него свистнуло двѣ пули и одна шлепнулась въ двухъ шагахъ передъ нимъ.

— Ишь подлецы, это вѣдь для меня спеціально предназначались—пробормоталъ сквозь зубы гардемаринъ и поторопился завернуть за рядъ кибитокъ, ибо молодой морякъ не чувствовалъ никакого желанія быть убитымъ такъ себѣ, ни за что ни про что.

— Пойдти развѣ переодѣться, пришла ему въ голову мысль и онъ повернулъ налѣво, къ тому мѣсту, гдѣ виднѣлись три, отдѣльно стоявшія, кибитки. Еще не доходя шаговъ 40 онъ крикнулъ во всю мочь: Абабковъ!

Изъ одной кибитки высунулась голова матроса; увидя гардемарина, обладатель головы показался весь и немедленно перебѣжалъ въ другую кибитку, въ которую вошелъ и молодой морякъ.

— Здорово, Абабковъ! поздоровался онъ съ матросомъ, на физіономіи котораго выражалось искреннее удовольствіе видѣть своего барина цѣлымъ и здоровымъ.

— Здравія желаю, ваше б—діе, отвѣтилъ Абабковъ, и прибавилъ: а намъ сказали, что вы, ваше б-діе, будто ужъ ранены были ночью .....

— Наврали, братъ Абабковъ, цѣлехонекъ, какъ видишь. Тэкинцы дураки еще не отлили для меня пули... А вотъ дай-ка мнѣ переодѣться, да разскажи что тутъ у васъ дѣлается.

— Вы какъ, ваше б-діе, скрозь будете переодѣваться?

Вѣроятно выраженіе „скрозь“ было уже знакомо молодому моряку, такъ какъ онъ съ улыбкой отвѣчалъ:

— Да, скрозь переодѣнусь.

Абабковъ вытащилъ изъ переметныхъ суммъ разное бѣлье и началъ его приготовлять къ переодѣванью своего барина. Пока онъ этимъ занимается, я отрекомендую его читателямъ.

Николай Абабковъ—матросъ 1-й статьи одного изъ кронштадтскихъ экипажей. Онъ уже старослуживый—кончаетъ десятый годъ своей службы. Бравый матросъ, при этомъ не дуракъ и выпить. Отношенія его къ гардемарину чисто отеческія: проиграется напримѣръ молодой морякъ въ штоссъ—Абабковъ дѣлаетъ ему внушеніе; вернется-ли съ товарищеской попойки переливши за галстукъ не въ мѣру—тотъ же Абабковъ пристыдитъ его на другой день; пользуясь нетрезвымъ состояніемъ своего барина, этотъ образецъ слугъ отбираетъ деньги и часть ихъ немедленно идетъ на пополненіе истаскавшагося въ походѣ костюма и гардемаринъ къ своему изумленію и удовольствію черезъ нѣсколько времени находитъ новую блузу, замѣнившую его прежній китель, представлявшій уже изъ себя одну большую дыру, неподдававшуюся больше никакой починкѣ. За эту заботливость Абабковъ считаетъ себя вправѣ курить господскія папиросы и, въ торжественныхъ случаяхъ, надѣвать галстухи и сорочки своего барина. Въ праздникъ Абабковъ является съ неизмѣннымъ вопросомъ:

— Ваше б-діе, позвольте идти гулять?

— Ты напьешься сегодня Абабковъ? спрашиваетъ его молодой морякъ.

— Точно такъ, ваше б-діе, напьюсь, коли только я вамъ не нуженъ.

— А деньги есть?

— Коли дадите, ваше б-діе, все лучше, потому водка эта самая два съ полтиной бутылочка.

— Ну возьми себѣ, и Абабковъ получаетъ какую нибудь бумажку, въ зависимости отъ состоянія финансовъ гардемарина.

Къ вечеру Абабкова приносятъ въ истерзанномъ видѣ и въ состояніи невмѣняемости; онъ начинаетъ бушевать.

— Абабковъ успокойся, нето будешь связанъ, слышится изъ кибитки голосъ строгаго командира—лейтенанта III—а. Абабковъ успокаивается, но усиленно ворчитъ.

Проходитъ нѣсколько минутъ и снова слышится въ матросской кибиткѣ шумъ, драка и возня.

— Дежурный по батареѣ! кричитъ лейтенантъ.

— Есть!

— Связать Абабкова, а будетъ ругаться—заткнуть ротъ!

— Есть!

Наступаетъ тишина—Николай Абабковъ уснулъ.

Утромъ онъ является съ пасмурной физіономіей, иногда даже украшенной парой знаковъ, извѣстныхъ почему-то въ общежитіи подъ названіемъ фонарей, хотя знаки сіи вовсе не освѣщаютъ физіономіи, а скорѣе придаютъ ей мрачный видъ.

— Нагулялся Абабковъ? спрашиваетъ гардемаринъ, ежась подъ буркой и не рѣшаясь подняться съ пригрѣтой постели. Абабковъ молчитъ.

— И не стыдно тебѣ, старому матросу, такъ напиваться что тебя связываютъ?

— А вамъ, ваше б—діе, не стыдно позавчера было когда

васъ принесли ихъ б—діе, господинъ лейтенантъ, на плечахъ, да еще вамъ уши оттирали, потому вы какъ мертвый были?

Начинаются взаимные укоры.

Кончается тѣмъ, что Абабковъ получаетъ на опохмѣленіе нѣкоторую сумму, а сожители гардемарина долго еще хохочутъ надъ сценой взаимныхъ упрековъ.

Этотъ-то Абабковъ и собирался теперь переодѣвать своего барина, дѣйствительно сильно нуждавшагося въ смѣнѣ бѣлья, такъ какъ, заранѣе прошу извиненія у моихъ читательницъ, все бѣлье обратилось въ зоологическій садъ..

— А что, братъ, обратился гардемаринъ къ своему Санчо-Пансо, не найдется ли воды помыться, не очень горячей, а такъ, потеплѣе?

— Никакъ нѣтъ, ваше б—діе! Коли угодно вамъ холодной—сейчасъ принесу.

— Ну валяй холодной.

Черезъ минуту молодой морякъ, фыркая и ежась, обливался ледяной водой въ кибиткѣ при температурѣ +4° R. Подобныя вещи сходятъ даромъ для здоровья только въ походѣ; попробуйте выкинуть такой фокусъ въ обыденной жизни, при мирной обстановкѣ и навѣрное получите тифъ или воспаленіе въ легкихъ или что нибудь въ этомъ духѣ и получите пожалуй даже отъ силы воображенія, что я, молъ, простудился. Подъ выстрѣлами же непріятеля, жертвами которыхъ на вашихъ глазахъ становятся сотни вашихъ товарищей, вамъ ужъ никакъ не взбредетъ въ голову мысль, что вы можете отправиться ad patres отъ другой причины, а не отъ одной изъ этихъ свистящихъ мимо пуль. Скажи кто нибудь гардемарину, что онъ рискуетъ протянуть ноги отъ этого мытья холодной водой, онъ расхохотался бы и заявилъ, что это невозможно. Да и смѣшно, дѣйствительно, бояться простуды въ томъ мѣстѣ, гдѣ пули сыпятся и щелкаютъ о землю градомъ...

— Вчера у насъ, ваше б—діе, Тарсукова ранили, заявилъ Абабковъ, старательно вытирая своего барина какою-то тряпкою, нѣкогда бывшею кажется чайнымъ полотенцемъ или салфеткою.

— Опасно? спросилъ гардемаринъ, стараясь расчесать кусочкомъ гребешка волосы, свалявшіеся на головѣ чуть не въ колтунъ.

— Нѣтъ, такъ себѣ, въ ногу наскрось! Онъ ставилъ самоваръ и только это вышелъ пощипать лучину, а она его какъ зыкнетъ... Спужался, бѣдный, сильно.

— А что, Абабковъ, хочется въ Кронштадтъ?

— Извѣстное дѣло, ваше б—діе, хочется! Здѣсь то-исть настоящая Азія—ничего нѣтъ, окромя этихъ черномазыхъ... Да и дорого все до страсти; виданное ли дѣло, чтобы бутылка водки 4 рубля стоила. Скажешь землякамъ, такъ вить разсмѣются всѣ, не повѣрятъ! Да и донимаютъ ужъ очень ваше б—діе эти самые трухмены—и ночью палятъ и днемъ палятъ—ни минуты, значитъ, не дадутъ спокойствія.

— А ты очень боишься Абабковъ? спросилъ гардемаринъ, оканчивая свой туалетъ.

— Какъ же не бояться, ваше б—діе? Развѣ кому пріятно свою жисть покончить, да и еще въ чужой сторонѣ?

— А знаешь пословицу: пуля виноватаго найдетъ? спросилъ гардемаринъ, собираясь выходить изъ кибитки.

— Знаю ваше б—діе, да знаю и другую: береженаго и Богъ бережетъ; вы не очень высовывайтесь, ваше б—діе, оно вѣрнѣе...

— Стыдно Абабковъ, старый матросъ и говоришь такія вещи! А еще въ претензіи, что тебѣ Георгія не даютъ! Я вѣдь видѣлъ какъ ты высунулъ голову изъ кибитки и не хотѣлъ выходить, пока не увидалъ, что я тебя зову! Ну, прощай Абабковъ, да смотри не трусь у меня...

— Счастливо оставаться, ваше б—діе, послѣдовалъ отвѣтъ и Абабковъ стрѣлой перелетѣлъ въ свою кибитку, опасаясь представить собою мишень для тэкинцевъ...

Вечерѣло. Косвенные лучи заходящаго солнца отливали пурпуромъ на бѣлыхъ стѣнахъ Геокъ-Тепе, на которыхъ уже рѣже начинали вспыхивать дымки выстрѣловъ; изъ траншей тоже какъ-то лѣнивѣе начинали стрѣлять—обѣ стороны хотѣли отдохнуть. Но всетаки нѣтъ-нѣтъ и пуля съ пронзительнымъ свистомъ пролетитъ надъ лагеремъ или вопьется въ какой нибудь мѣшокъ съ глухимъ шлепаньемъ...

Гардемаринъ направился по траншеѣ къ Великокняжеской Калѣ. Задумчиво шагалъ онъ по узкому пути; по дорогѣ попадались траверсы, которые онъ обходилъ совершенно машинально—мысли его были совсѣмъ не въ Ахалъ-Текэ, не въ этихъ траншеяхъ, начинавшихъ уже окутываться сумракомъ вечера... Виталъ ли онъ мыслью въ морѣ, вспоминая разные эпизоды бурнаго плаванія, или голова его была занята приведеніемъ на память прошлаго, для него дорогаго—не знаю, знаю только, что онъ очнулся и пришелъ къ сознанію дѣйствительности столкнувшись носомъ къ носу съ первыми людьми какой-то роты, возвращавшейся на отдыхъ въ лагерь. Прижавшись на сколько могъ къ брустверу, всматривался молодой морякъ въ лица двигавшихся мимо солдатъ. Видно было, что люди утомлены, что нервы напряжены до крайности; съ какою-то суровою молчаливостью проходили они мимо, звякая штыками винтовокъ, часто цѣплявшихся въ этой тѣснотѣ другъ за друга.

Осунувшіяся, потемнѣвшія, закопченыя лица мелькали въ глазахъ гардемарина... Казалось каждое лицо выражало желаніе или скорѣе покончить эту тяжелую осаду или присоединиться къ тѣмъ многимъ сотнямъ товарищей, которые уже успокоились подъ покровомъ этой желтой необъятной степи...

Рота прошла и морякъ поторопился добраться до входа въ Великокняжескую Калу.

Едва держащіяся, всѣ прострѣленныя, стѣны окружали четыреугольникъ, переполненный солдатами всякаго рода оружія.

Во многихъ мѣстахъ разложены были костры. Вправо отъ входа шла небольшая стѣнка, съ продѣланными въ ней амбразурами для двухъ картечницъ и двухъ горныхъ орудій. По недалеку стоялъ верхъ отъ желомейки; человѣкъ пять матросовъ лежало около картечницъ. Къ нимъ-то и направился гардемаринъ, выйдя изъ траншеи, ведшей въ эту Калу.

— Гдѣ господинъ Голиковъ? обратился онъ къ одному изъ матросовъ, обтиравшему патроны, приготовленные на ночь.

— Здѣсь, ваше б-діе, подъ верхомъ, отвѣчалъ матросикъ, указывая на верхъ желомейки, изъ отверстія которой дѣйствительно торчали чьи-то ноги, какъ теперь замѣтилъ гардемаринъ.

— Сейчасъ вылѣзу, подожди, послышался замогильный голосъ. Ноги пришли въ движеніе и начали понемногу показываться изъ этого своеобразнаго жилища; показалось туловище, облеченное въ какую то куртку шеколаднаго цвѣта съ обрывками мичманскихъ погонъ на плечахъ, наконецъ явился на свѣтъ Божій и затылокъ съ надвинутой фуражкой. Фигура стала на четверинки, поднялась и сдѣлала пируэтъ.

— Вотъ и я собственной персоной, дройжашій камарадъ, привѣтствовала эта особа, выползшая изъ своего жилища ракообразнымъ способомъ, гардемарина, не безъ улыбки наблюдавшаго за этими маневрами.

— Пришелъ васъ провѣдать, сказалъ гардемаринъ, обмѣнявшись крѣпкимъ рукопожатіемъ съ своимъ товарищемъ по оружію.

— Ничего, живемъ еще, пока не убили... Не хотите ли рюмочку божественаго напитка „veuve Popoff“? А? съ холоду не мѣшаетъ вѣдь?—И, не дожидаясь отвѣта, Евгеній Николае-

вичъ Голиковъ нырнулъ подъ верхъ и явился съ бутылкой „божественнаго напитка“.

— Стаканчика-то нѣтъ, еще сегодня былъ, да какой то милый армеецъ, съ ловкостью молодаго гиппопотама, танцующаго въ посудномъ магазинѣ, раздавилъ его своимъ сѣдалищемъ... Ну да не бѣда, душа мѣру знаетъ, можно и изъ горлышка Я, какъ хозяинъ, покажу вамъ примѣръ.—Къ словамъ присоединилось дѣйствіе и послышалось довольно продолжительное бульканье...

— Валяйте... Преполезно, я вамъ скажу, отъ всѣхъ болѣзней помогаетъ... Вотъ вамъ и сухарь на закуску. Теперь вы разсказывайте гдѣ были, что дѣлали, куда направляетесь.

Гардемаринъ сообщилъ вкратцѣ о своихъ приключеніяхъ. Отъ внимательнаго взгляда Евгенія Николаевича не скрылось, что его молодой товарищъ чѣмъ-то озабоченъ.

— Что батенька съ вами, спросилъ онъ похлопывая своей широкой ладонью по плечу товарища.

— Глупая хандра какая-то напала, самъ не знаю съ чего... Усталъ я отъ этой жизни... Каждый день рѣзня, рѣзня... Каждую секунду нервы въ страшномъ напряженіи... Ежеминутное ожиданіе смерти—все это доведетъ до апатіи, до хандры...

— Вотъ тѣ и на! Отъ васъ ли я это слышу, гардъ? Вчера или третьяго дня еще цѣлыхъ пять часовъ самъ же сидѣлъ подъ брустверомъ безъ обѣда, чтобы подстрѣлить пару - другую тэкинцевъ, а сегодня пустился въ миндальничанье! Плюньте вы на свои нервы и будьте мужчиной. Ну убьютъ—опять же наплевать! Взгляните на меня—всегда я веселъ безконечно....

— Пойду завалюсь-ка я спать, порѣшилъ гардемаринъ и, простившись съ Голиковымъ, направился по стѣнкѣ въ свою Калу.

Совсѣмъ стемнѣло... На темномъ небѣ зажигались миріады звѣздъ, но ихъ матовый блескъ не могъ разсѣять мрака южнаго вечера... Приходилось идти очень осторожно, чтобы не спокнуть-

ся на глыбы глины, валявшіяся по всюду. Морякъ шелъ отъ костра къ костру, руководясь ихъ мерцающимъ и неровно вспыхивающимъ пламенемъ какъ свѣтомъ маяка. Вотъ онъ дошелъ до кибитки Алексѣя Николаевича Куропаткина, начальника Туркестанскаго отряда. При свѣтѣ свѣчи, вставленной въ бутылку, этотъ талантливый, всѣми любимый молодой начальникъ разсматривалъ какіе то кроки и вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ записки съ приказаніями, переходившія сейчасъ же въ руки двухъ его адъютантовъ.

Отдѣльные выстрѣлы за все это время не умолкали; гулъ ихъ становился рѣзче и рѣзче по мѣрѣ приближенія гардемарина въ траншеѣ, соединяющей Охотничью Калу съ Великокняжескою. Вотъ наконецъ и стѣна съ выходомъ и траверзъ, устроенный на мѣстѣ, гдѣ текинцы положили своими выстрѣлами не мало таки народу, въ томъ числѣ и подполковника Николая Николаевича Яблочкова. Удушливый пороховой запахъ такъ и ударялъ въ носъ; въ пространствѣ, окруженномъ стѣнами близь-лежащихъ укрѣпленій, выстрѣлы особенно рѣзко отдавались. Вдоль всей линіи бруствера темнѣли силуеты нашихъ стрѣлковъ; солдатики тихо переговаривались между собою.

Совсѣмъ близко виднѣлась вправо бѣлая линія стѣнъ Геокъ-Тепе, нѣтъ, нѣтъ и вспыхнетъ нѣсколько огоньковъ поверхъ этой линіи, раздастся въ воздухѣ надъ головой свистъ или шуршанье пули и одновременный трескъ нѣсколькихъ отвѣтныхъ выстрѣловъ изъ траншеи....

— Кто это? раздалось надъ ухомъ гардемарина, уже подходившаго къ концу траншеи—къ мостику черезъ Великокняжескій ручей, отдѣляющій Калу этого имени отъ Охотничьей.

— А, да это морякъ, послышалось затѣмъ и отъ бруствера отдѣлился силуэтъ командира роты Ширванскаго полка Лемкуля.

— Здравствуйте поручикъ,—поздоровался морякъ.—Вамъ эту ночь не спать?

— До спанья ли тутъ! Сейчасъ будутъ занимать наши плотину, какъ бы текинцы не сдѣлали вылазки!

— Кто будетъ занимать? спросилъ гардемаринъ.

— Наша 9 рота, а 11 будетъ прикрывать рабочихъ, строющихъ редутъ впереди Охотничьей Калы...

Гардемаринъ быстро перешелъ мостикъ и очутился передъ дверью въ Калу; дверь эта представляла изъ себя низенькую, проломленную въ стѣнѣ арку; молодой морякъ пригнулся и прошелъ эту арку, но у входа въ Калу дорогу ему загородилъ штыкъ, направленный часовымъ въ грудь.

— Стой! Кто идетъ?

— Свой; офицеръ! послѣдовалъ отвѣтъ.

Часовой отступилъ на шагъ и гардемаринъ очутился наконецъ въ давно знакомомъ маленькомъ четыреугольникѣ. Все пространство освѣщалось нѣсколькими кострами, около которыхъ толпились солдатики, не занимавшіеся варкой пищи, а пользовавшіеся свѣтомъ пламени для осмотра своихъ винтовокъ и патронныхъ суммъ.

Замѣтно было оживленное движеніе; охотники подпоручика Воропанова были выстроены во фронтъ и самъ ихъ командиръ, одѣтый въ черкеску верблюжьяго сукна, съ бердановскими патронами въ газыряхъ, говорилъ имъ, по обыкновенію заикаясь, рѣчь:

— Э..... чтобы того вы, э..... не палили у меня, э, э... зря.... команду слушать, э... А то перебью, э, э... самъ какъ собакъ, э!.. Да не шумѣть... того... Разойтись, пока!

Гардемаринъ подошелъ къ поручику, который, распустивши команду, опершись о стѣну спиной и чиркая о черкеску спичкой, нежелавшей никакъ загорѣться...

— Э... морякъ, э... дайте огня—обратился онъ къ гардемарину.

— Гребенщиковъ! крикнулъ молодой морякъ.

— Есть! донеслось откуда то изъ пространства.

— Принеси уголекъ закурить!

Черезъ минуту молодой матросикъ, въ шинели въ рукава, бѣжалъ къ двумъ офицерамъ, перекидывая изъ руки въ руку раскаленный уголь.

— Э... Э... вотъ молодецъ... похвалилъ Воропановъ, закуривая.

— Радъ стараться, ваше б-діе! вытянулся матросъ и исчезъ немедленно во мракѣ.

— А... А... вы знаете, морякъ... э... что вы будете... э... э... сегодня комендантомъ Охотничьей... э... Калы?

— Нѣтъ не зналъ, да это и невозможно, отвѣтилъ удивленный гардемаринъ.

— Ку-Куропаткинъ говорилъ мнѣ! э... э... Да вотъ и онъ! Пойдите къ нему...

Алексѣй Николаевичъ Куропаткинъ стоялъ въ серединѣ Калы и разговаривалъ съ инженернымъ капитаномъ Масловымъ.

— При такой темнотѣ тэкинцы почти навѣрняка попытаются сдѣлать вылазку и уничтожить наши работы, говорилъ Алексѣй Николаевичъ. Намъ по этому важно занять сначала плотину, откуда уже можно будетъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ оборонять вновь закладывающійся редутъ.

— Когда же двинутся наши на плотину? спросилъ Масловъ.

— Черезъ десять минутъ, самое большее. Одновременно съ ними пойдутъ и охотники поручика Воропанова, которые должны залечь вправо отъ нашей Калы за стѣнками, шагахъ въ 50 отъ непріятеля... А, вотъ и вы, обратился Куропаткинъ къ гардемарину, уже нѣсколько времени стоявшему около, въ ожиданіи конца бесѣды начальника отряда съ капитаномъ Масловымъ.

— Вамъ сегодня поручается защита Охотничьей Калы, такъ какъ комендантъ ея, поручикъ Воропановъ, идетъ съ своей коман-

дой для прикрытія работъ; вы останетесь вмѣсто его комендантомъ.

— Есть! отвѣтилъ гардемаринъ.

— Оставшимися у васъ людьми займите всѣ выходы и оберегайте въ особенности эту полуразрушенную стѣну—и Куропаткинъ указалъ на лѣвую стѣну, въ которой наши снаряды, во время занятія Калы 29-го декабря, понадѣлали массу пробоинъ и на половину обрушили ее. Никого не впускайте въ Калу, единственный входъ—это передній; наблюдайте, чтобы не было суматохи въ Калѣ, а главное не позволяйте людямъ, стоящимъ по бойницамъ, безъ толку стрѣлять!.....

Команды, назначенныя занимать плотину и прикрывать рабочихъ, уже выстроились... Въ Калѣ стало тихо... Выстрѣлы непріятеля очень рѣдко нарушали тишину... Небо горѣло міріадами звѣздъ... Полупотухшіе костры освѣщали вокругъ себя небольшое пространство мерцающимъ, краснова̀тымъ пламенемъ... Ожиданіе начала дѣла тѣснило грудь. Вотъ Воропановъ въ полголоса скомандовалъ своимъ охотникамъ: на пра-во! шагомъ маршъ! и люди одинъ за другимъ, нагибаясь при выходѣ, стараясь не зацѣпляться штыками, стали исчезать въ темной аркѣ стѣны... Куропаткинъ отправился въ траншею передъ Калой.

Чтобы читатель понялъ ходъ работъ и боя этой ночи, необходимо объяснить мѣстоположеніе Охотничьей Калы.

Съ восточной стороны Геокъ-Тепе, ближе къ южному углу, тэкинцы выстроили во ста шагахъ отъ главной крѣпостной стѣны два небольшія четыреугольныя укрѣпленія, шагахъ въ полутораста одно отъ другаго; если встать лицомъ къ Геокъ-Тепе, то лѣвое называлось Охотничьей Калой, а правое Туркестанскою—по имени отрядовъ, штурмовавшихъ это укрѣпленіе 29 декабря.

За этими укрѣпленіями находилась Великокняжеская Кала, въ которой всегда помѣщались резервы на ночь и которая была

главною квартирою начальника праваго фланга — Алексѣя Николаевича Куропаткина. Эти три укрѣпленія соединялись между собою траншеями. Въ ночь съ 4-го на 5 января рѣшено было занять мѣсто передъ Охотничьей Калой, чтобы возвести редутъ, изъ котораго можно было-бы начать вести минную галлерею подъ непріятельскую стѣну. Слѣдовательно приходилось окапываться въ 60 шагахъ отъ непріятеля, а пока еще окопаешься, приходилось разсчитывать на угощеніе многими тысячами пуль, что на такомъ близкомъ разстояніи равнялось разстрѣливанію. Правда, передъ Калой были глиняныя стѣнки, но очень невысокія—фута 3, 3½ —печальная защита!

Когда охотники ушли и Кала опустѣла, въ уголку, при свѣтѣ нѣсколькихъ фонарей, расположились съ носилками санитары. Два доктора и нѣсколько фельдшеровъ приготовляли перевязочныя средства, перекидываясь между собой отрывочными фразами... У бойницъ и въ угловыхъ башняхъ молча стояли фигуры солдатъ съ берданками на готовѣ...

Гардемаринъ ходилъ вдоль стѣны, обращенной къ непріятелю и какое то тоскливое чувство сжимало его сердце...

Съ каждымъ выстрѣломъ ему чудилось начало кровопролитной свалки.

„А можетъ быть тэкинцы и не замѣтятъ нашихъ“, успокаивалъ иногда себя морякъ; «вѣдь теперь они уже должны залечь“...

Какъ будто горстью гороха ударили снаружу въ стѣну, мимо которой нервными шагами ходилъ гардемаринъ; нѣсколько пуль съ визгомъ пронеслись надъ Калой... Еще и еще... Гулко начачали хлопать громадные тэкинскіе мултуки, вмѣщающіе заряды чуть не въ полфунта пороха .. Наперерывъ затрещали наши берданки .. Щелканье пуль въ стѣны Охотничьей Калы напоминало собою сильный градъ, барабанящій въ окна...

Глиняныя стѣны обладаютъ удивительнымъ резонансомъ,

поэтому въ Калѣ всякій выстрѣлъ дѣйствовалъ оглушительно, а тутъ гремѣли тысячи выстрѣловъ... Глина летѣла глыбами сверху стѣнъ, сбиваемая фальконетными пулями... Пороховой дымъ началъ наполнять крѣпостцу... Морякъ бѣгалъ по всѣмъ фасамъ и не переставая кричалъ: „безъ команды не стрѣлять, своихъ перебьете“!..

Но вотъ надъ Калой какъ будто чья-то гигантская рука ударила по воздуху и привела его въ содроганіе и надавила внизъ, —всѣ почувствовали толчокъ въ голову, въ ушахъ зазвенѣло отъ шума прогудѣвшихъ полудюжины девяти фунтовыхъ снарядовъ— въ крѣпости грянуло нѣсколько почти одновременныхъ разрывовъ, звукъ которыхъ покрылся криками и стонами .. Вдругъ вся Кала озарилась яркимъ свѣтомъ, послышалось невыразимое шипѣнье и свистъ, повсюду полетѣли искры и ракета съ верхушки Охотничьей Калы угодила въ непріятельскій ровъ и тамъ разорвалась... Мортирная батарея сдѣлала залпъ... Земля задрожала отъ этого страшнаго удара и на темномъ небѣ быстро начали подыматься шесть свѣтящихся и посвистывающихъ шариковъ... Вотъ они остановились какъ разъ надъ головою моряка, наблюдающаго за ихъ полетомъ... Одно мгновеніе они были неподвижны, но вотъ начали опускаться и кажется прямо на голову... Ниже, ниже, быстрѣе и быстрѣе, наконецъ быстрота уже такова, что не видно свѣтящейся точки, а полоса свѣта... Слышенъ гдѣ то близко за стѣной крѣпости звукъ паденія тяжелыхъ тѣлъ на землю... Нѣсколько секундъ ожиданія... Бумъ-бумъ... Начали рваться... А тутъ уже и новыя точки появились на небѣ, помрачая своимъ свѣтомъ яркія звѣзды, съ недоумѣніемъ смотрящія на землю, гдѣ люди, вмѣсто того, чтобы наслаждаться созерцаніемъ чудной ночи, рвутъ другъ друга на части...

А передъ Охотничьей Калой дѣйствительно рвали другъ друга на части въ ожесточенномъ рукопашномъ бою... Подъ са-

мою стѣной Охотничьей Калы сотни голосовъ заревѣли: уръ! уръ! Магометъ!

Гардемаринъ невольно отшатнулся... Рука машинально выхватила изъ кобуры револьверъ, курокъ щелкнулъ... Нервная дрожь пробѣжала по тѣлу... Стрѣльба на мгновеніе замолкла... Вдругъ у передняго входа послышались нечеловѣческіе крики и шумъ... Гардемаринъ и человѣкъ десять солдатъ бросились туда и увидѣли толпу, въ паническомъ страхѣ толкающуюся у входа... Какой то солдатикъ, въ припадкѣ безумнаго страха, вырвался изъ этой давки, сбилъ съ ногъ одного изъ солдатъ, старавшихся удержать эту толпу, ничего не видя отъ ужаса наскочилъ на уголъ стѣны, упалъ, снова поднялся и спотыкаясь помчался по Охотничей Калѣ, что-то крича... Въ узкомъ проходѣ масса народу давила другъ друга... Чей-то голосъ, озлобленный, бѣшенный, ревелъ:—что вы дѣлаете, мерзавцы!... Трусы... Назадъ, назадъ.... Слышались страшные удары не то нагайкой, не то шашкой плашмя...

— Бей ихъ прикладами—крикнулъ гардамаринъ, окружавшимъ его 10—12 человѣкамъ охотниковъ, старавшимся остановить эту толпу, рвавшуюся назадъ въ Калу...

Человѣкъ 20 проскочило еще, а затѣмъ начали уже по три, по четыре появляться у входа, но тутъ встрѣчали или штыкъ охотниковъ или дуло револьвера молодаго моряка, ставшаго въ проходѣ....

Показалась какая-то фигура, страшно ругавшаяся и хромавшая—морякъ по голосу узналъ подпоручика Гринева, сапера.

— Ты откуда, что съ тобою?

— Эти мерзавцы рабочіе бросились бѣжать, сбили меня съ ногъ, я попалъ въ ручей и они перебѣжали чрезъ меня... Паника страшная. Съ этими словами подпоручикъ снова вернулся назадъ —въ это море ружейнаго огня... На лѣвомъ флангѣ, шагахъ въ 800 отъ Охотничей Калы, раздавался залпъ за залпомъ...

— Охъ, охъ... крикнулъ кто-то надъ ухомъ моряка и мимо него промчался, отчаянно махая правой рукой, его пріятель Абадзіевъ, ординарецъ Михаила Дмитріевича Скобелева.

Два осетина подхватили молодаго прапорщика подъ руки и повели къ перевязочному пункту.

Морякъ пошелъ туда же... У него начинала кружиться голова отъ этой страшной трескотни, въ атмосферѣ, пропитанной пороховымъ дымомъ...

Въ углу, между стѣнами, сидѣлъ на носилкахъ безъ сюртука Абадзіевъ, мертвенно блѣдный; правая рука облитая кровью, лившейся изъ двухъ отверстій... Въ правой сторонѣ груди маленькая черная дырочка и подъ лѣвой ключицей такая же... Пуля раздробила ему правую руку съ боку и пробила грудь... Его окружали осетины изъ конвоя генерала, его соотечественники... По этимъ чернымъ, звѣрскимъ, бородатымъ физіономіямъ катились слезы. Одинъ схватилъ бутылку вина и вмѣсто воды вылилъ ему на голову... Другой, желая поддержать, опрокинулъ ящикъ съ хирургическими инструментами... Абадзіевъ, ихъ любимецъ, и вдругъ его смертельно ранили... Такъ, по крайней мѣрѣ, всѣ думали...

Пули жужжали и въ этомъ уголку... Одна разбила фонарь... Другая шлепнулась въ спину санитара, глухо вскрикнувшаго и свалившаго ничкомъ... Доктора съ поразительнымъ хладнокровіемъ перевязывали раненыхъ...

— Что ты тащишь сюда мертвыхъ? съ нетерпѣніемъ крикнулъ одному изъ санитаровъ молодой докторъ, указывая на убитаго въ лобъ солдата, принесеннаго на носилкахъ...

— Да онъ еще хрипѣлъ, ваше б-діе, какъ мы его несли, возразилъ солдатикъ санитаръ;—значитъ теперь только скончался...

— Ну убирай его, не загораживай дороги...

Приторный запахъ крови смѣшивался съ пороховымъ...

Гардемаринъ остановился надъ носилками, съ которыхъ слышалось удушливое храпѣніе...

Лежалъ на нихъ унтеръ-офицеръ Ширванскаго полка... Лицо потемнѣло, глаза закатились, лѣвая рука прижата къ горлу и изъ подъ пальцевъ сочилась кровь, казавшаяся въ этомъ полумракѣ совсѣмъ черною... Правая рука царапала кожу носилокъ.

Морякъ отошелъ въ сторону и началъ прислушиваться къ шуму утихавшей свалки... Крики доносились уже изъ крѣпости, вылазка была отбита... Съ нашей стороны гремѣли непрерывные залпы... Ракеты освѣщали Калу и, оставляя во мракѣ длинную красную полосу, то ударяли въ ровъ. то летѣли по стѣнѣ... Воздухъ былъ наполненъ криками, стонами, ревомъ верблюдовъ и ишаковъ, пронзительнымъ дѣтскимъ плачемъ...

— Генералъ идетъ—послышалось сзади моряка и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него показалась стройная фигура Михаила Дмитріевича, одѣтаго въ коротенькій бѣлый полушубокъ .. Съ нимъ шелъ начальникъ штаба Гродековъ и два ординарца...

Генералъ прошелъ въ арку и направился во вновь возведенный редутъ, въ которомъ обкладывали брустверъ мѣшками.

— Здорово ребята!—донесся голосъ генерала въ Калу.

Какъ на учаньи отчетливо грянуло: здравія желаемъ ваше п-ство!

Умолкнувшіе было тэкинцы тоже привѣтствовавали приходъ генерала тучей пуль, защелкавшихъ въ стѣну Калы...

— Прапорщикъ Ушаковъ! дайте мнѣ одинъ знакъ отличія военнаго ордена, я хочу наградить наиболѣе отличившагося... Ребята, кому вы присуждаете крестъ?

Послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія послышались голоса:

— Крупенкову, ваше п-ство... Крупенковъ больше всѣхъ

заслужилъ... Онъ двоихъ закололъ... Рука порублена и съ нами остался... Крупенкову слѣдуетъ...

Вытолкнули впередъ Крупенкова, которому генералъ и навѣсилъ крестъ, приказавши идти на перевязочный пунктъ, такъ какъ у браваго солдатика сильно было разрублено лѣвое плечо и не досчитывалось что-то трехъ пальцевъ на той же рукѣ...

Цѣль была достигнута—впереди Охотничьей Калы возвышался грозный редутъ, изъ котораго можно было начать вести минныя работы.

Изъ Великокняжеской Калы явился оркестръ музыки... Черезъ 10 минутъ, подъ самымъ носомъ тэкинцевъ, въ 60 шагахъ отъ стѣны, раздавались звуки марша изъ „Боккаціо“... Нѣкоторымъ диссонансомъ являлись стоны и оханья подбираемыхъ раненыхъ, но... на войнѣ на это не обращается вниманія! Духъ солдатиковъ легче всего поддержать такимъ путемъ, бравируя опасность или уменьшая ее въ ихъ глазахъ...

Много разъ меня занимала мысль, какое впечатлѣніе на нашего полудикаго врага производила эта музыка, появлявшаяся немедленно послѣ всякаго дѣла?... Я думаю, что у нихъ непремѣнно должно было явиться сознаніе о нашемъ превосходствѣ... Для тэкинцевъ, какъ для всякаго восточнаго народа, театральность обстановки играетъ большое значеніе, по этому и звуки музыки, раздающейся въ бою, должны возвышать въ ихъ мнѣніи „бѣлыхъ рубахъ“, умѣющихъ умирать такъ эффектно...

Часамъ къ десяти вечера все вошло въ свою колею; только залпы двухъ ротъ изъ траншеи, черезъ каждыя четверть часа, напоминали тэкинцамъ, что бдительность наша не ослабѣла; въ Охотничьей Калѣ солдатики примащивались на покой, завернувшись въ шинели, позѣвывая и крестя ротъ; у едва тлѣвшаго костра два солдатика что то ковыряли въ своихъ сапогахъ и одинъ изъ нихъ разсказывалъ какую-то исторію...

— И вотъ, братецъ ты мой, значитъ онъ пришелъ въ деревню и провѣдалъ объ этихъ самыхъ дѣлахъ, и почалъ же онъ ее, значитъ, колотить... И-и какъ!...

Изъ жаломейки доносились голоса гардемарина и прапорщика Морица игравшихъ въ пикетъ:

— Квартъ отъ дамы...

— Не годится—квартъ мажоръ!

— Три туза...

— Не годятся—четырнадцать десятокъ!

— Чтобъ тебя подстрѣлили!... Постоянно игру отобьетъ...

Изъ кибитки саперъ слышался звонъ бутылокъ—Михаилъ Дмитріевичъ прислалъ своимъ „кротамъ“, какъ онъ ихъ называетъ, нѣсколько коробокъ консервовъ и пару, другую вина, подкрѣпить свои силы...

Наконецъ все успокоилось... Вотъ откуда-то очень издалека донесся звукъ горна—протяжное „слу-шайте всѣ!“

Это казачій или драгунскій объѣздъ подаетъ сигналъ своимъ, чтобы въ темнотѣ не быть принятымъ за непріятеля... У тэкинцевъ же долго не умолкаетъ шумъ въ крѣпости; долго слышатся крики, иногда даже можно ясно различить плачущіе и причитающіе голоса женщинъ... Много сегодня погибло храбрыхъ джигитовъ и кровь ихъ вопіетъ о мести; и вотъ сѣдобородые муллы проповѣдуютъ собравшимся около нихъ мрачнымъ, закопченымъ пороховымъ дымомъ старшинамъ, что Магометъ долженъ помочь своимъ правовѣрнымъ сынамъ, что „бѣлыхъ рубахъ“ немного, что зарядовъ имъ не можетъ еще хватить на долго, что они истомлены осадой; припоминаютъ пораженіе, какое имъ было нанесено $1\frac{1}{2}$ года тому назадъ и подъ этими же стѣнами снова воскрешается надежда въ груди вольныхъ дѣтей пустыни; и дѣятельно они начинаютъ чистить свои винтовки, переснаряжать стрѣляныя гильзы берданокъ, точить свои кривыя шашки или распредѣлять

порохъ между изстрѣлявшими... Много раздается въ ночной тиши проклятій „уруссу“, много моленій возносится Аллаху о помощи, а въ землянкахъ, гдѣ спрятаны жены и дѣти, много слезъ льется объ убитыхъ и израненныхъ близкихъ...

7-го января былъ сѣренькій, довольно теплый день...

Какъ всегда пощелкивали выстрѣлы, гудѣли орудія... Особеннаго ничего не предвидѣлось, развѣ дежурившій въ траншеѣ съ ротою офицеръ, которому было и скучно и холодно, начиналъ самъ по себѣ „предвидѣть“, что штурмъ долженъ быть назначенъ таки скоро, такъ какъ просто не въ терпежъ становится...

Славно спалось гардемарину послѣ обѣда... Закрывшись съ головой буркой, свернувшись калачикомъ, покоился онъ въ нижнемъ этажѣ лѣвой башни и громъ безпрерывныхъ выстрѣловъ берданки его пріятеля прапорщика Морица, „практиковавшагося“ по тэкинцамъ изъ бойницы этой же башни, ничуть не мѣшалъ его розовымъ сновидѣніямъ... Онъ бы пожалуй проспалъ до вечера, если бы вдругъ Морицъ не подскочилъ къ нему еще съ дымящейся, отъ послѣдняго выстрѣла, винтовкой и, стащивъ безцеремонно бурку, не началъ бы толкать его подъ бока. Со стороны гардемарина послышалось ворчанье...

— Да вставай-же, чортъ тебя подери, тэкинцы бѣлый флагъ выкинули! Сдаются должно быть!

— Ну и пускай себѣ, спать хочу—пробормоталъ доблестный сынъ флота.

— Да пойми же ты тэкинцы вышли изъ крѣпости, они около нашихъ траншей... Да вставай же!

Морякъ приподнялся; зѣвнулъ во всю пасть, протеръ глаза и все таки, видимо, не пришелъ совсѣмъ въ себя.

Мориць приподнялъ его подъ мышки и встряхнулъ раза два.

— Оставь, я проснулся... Въ чемъ дѣло?

— А вотъ посмотри—и прапорщикъ подвелъ его къ бойницѣ, изъ которой онъ минутъ десять тому назадъ стрѣлялъ.

Должно быть то, что увидѣлъ гардемаринъ, было дѣйствительно интересно, такъ какъ онъ мгновенно выскочилъ изъ башни, даже оставивъ тамъ свою бурку, которую онъ берегъ всегда пуще зеницы своего ока.

Вся крѣпостная стѣна была усѣяна тэкинцами, даже не усѣяна, а биткомъ набита... Старые, молодые, большіе и малые, женщины, съ дѣтьми на рукахъ, толпились на стѣнѣ. Вся эта публика была одѣта въ самые разнообразные халаты, поражавшіе своею пестротою. Многіе спускались въ ровъ и выходили изъ него на пространствѣ между нашими траншеями и ихъ стѣнами.

Гардемаринъ обратился къ одному изъ нѣсколькихъ офицеровъ, взобравшихся на брустверъ Ширванскаго редута съ вопросомъ, что значитъ эта картина?

— Перемиріе для уборки тѣлъ—отвѣтилъ тотъ.

Общее вниманіе нашихъ было привлечено какимъ-то виднымъ, красивымъ тэкинцемъ пожилыхъ лѣтъ, ходившимъ съ копьемъ въ рукахъ по стѣнѣ и что то кричавшимъ народу, глазѣвшему на „бѣлыхъ рубахъ“.

Обратились къ солдатику—татарину за переводомъ.

— Это онъ, ваше б—діе, говоритъ своимъ, что ежели, говоритъ, кто изъ васъ только выпалитъ теперь по русскимъ, такъ тутъ, говоритъ, ему сейчасъ и смерть будетъ... Запрещаетъ, значитъ, стрѣлять!...

Подполковникъ Іомудскій, главный переводчикъ штаба, вышелъ изъ траншеи и вступилъ въ бесѣду съ двумя старшинами... Всѣ трое усѣлись на равномъ разстояніи какъ отъ рва, такъ и отъ траншеи на корточки и начали разговаривать en bons amis...

Тэкинцы подбирали мертвыхъ и уносили ихъ въ ровъ. Подбирали иныхъ далеко небережно...

Какъ сейчасъ помню одного здороваго молодца, который схватилъ трупъ за обѣ ноги, просунулъ ихъ себѣ подъ мышки, и, медленно ступая, поволокъ тѣло, бившееся о неровности головою, къ краю рва...

Многіе трупы тэкинцы оставляли неубранными; когда кто-то изъ переводчиковъ спросилъ отчего они ихъ не подбираютъ, то получилъ въ отвѣтъ, что это собаки, которыхъ они не хотятъ погребать. Въ послѣдствіи мы узнали, что трупы эти принадлежали къ числу жителей одного аула, которые, не желая выносить всѣхъ тягостей осады, и, потерявъ большое число убитыми на неудачной для тэкинцевъ вылазкѣ 4-го января, оставили Геокъ-Тепе и ушли въ Мервъ.

Какое то странное чувство овладѣло смотря на этихъ людей, которые нѣсколько минутъ тому назадъ стрѣляли по насъ и въ свою очередь не могли высунуть носа изъ за стѣны, не рискуя получить дюжину пуль, и которые теперь прогуливались на виду у всѣхъ, подходили къ намъ на нѣсколько шаговъ, разговаривали съ солдатами татарами и нашими джигитами туркменами какъ ни въ чемъ не бывало...

Правда были между ними и субъекты, смотрѣвшіе на насъ очень враждебно.

Два какихъ-то молодыхъ текинца, одѣтые въ шелковые халаты, бережно проносили тѣло старика съ совершенно сѣдой, длинной бородой; тѣло это лежало у самаго нашего бруствера, такъ что тэкинцы не могли его взять сами, вслѣдствіе условія перемирія не подходить къ брустверу ближе 15 шаговъ; два солдатика выскочили за брустверъ, подняли старика и отнесли тѣло на опредѣленное разстояніе. Сейчасъ же подскочили два вышеупомянутые молодые тэкинца, бережно подняли тѣло и понесли мимо нашихъ траншей.

Проходя мимо группы офицеровъ, разсматривавшихъ ихъ, одинъ кинулъ такой вызывающій, надменный, и вмѣстѣ съ тѣмъ полный ненависти и злобы взглядъ на насъ, что всякому одновременно пришла въ голову мысль о неудобствѣ попасться ему въ лапы...

Вдругъ тэкинцы на стѣнѣ пришли въ движеніе; большая часть ихъ устремила взоры на сѣверовосточный уголъ—тамъ, выйдя за брустверъ, съ своимъ штабомъ стоялъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ. У многихъ екнуло и сжалось сердце... Вѣроломство восточныхъ народовъ слишкомъ извѣстно и вошло даже въ поговорку... А вдругъ? Но на стѣнѣ все было покойно; непріятель только разсматривалъ „акъ-пашу“. Впрочемъ тэкинцы понимали, что одинъ выстрѣлъ съ ихъ стороны и всѣ зрители, толпившіеся на стѣнѣ, будутъ сметены картечью...

Изъ лагеря было наведено 22 орудія шрапнелью на всякій случай. Войска въ траншеяхъ были тоже готовы!

Я, впрочемъ, не хочу отнять у тэкинцевъ ихъ вполнѣ рыцарской чести, проявившейся во время этого перемирія.

Уборка тѣлъ кончилась. Нашъ переводчикъ, полковникъ Іомудскій, разговаривавшій съ старшинами, медленно возвращался къ своимъ траншеямъ; онъ еще не дошелъ до бруствера, а флагъ былъ уже спущенъ. Всѣ тэкинцы спрятались за стѣну, такъ что сами не подвергались опасности. Кто-то изъ нихъ крикнулъ ему —скорѣе уходи и прячься, будемъ стрѣлять! И только тогда, когда онъ исчезъ за брустверомъ, грянулъ съ угла фальконетный выстрѣлъ, бывшій сигналомъ общаго залпа, окутавшаго всю стѣну пеленою дыма и наполнившаго воздухъ свистомъ, шипѣніемъ и жужжаніемъ разнокалиберныхъ пуль.....

Снова началась перестрѣлка, снова живые люди стали обращаться въ трупы до будущей уборки...

— Такъ вы говорите, что генералъ былъ очень недоволенъ на гардемарина, что онъ не взорвалъ мину?—спрашивалъ лейтенантъ Ш—нъ кого-то изъ офицеровъ въ траншеѣ.

— Страшно недоволенъ! И рветъ и мечетъ; говоритъ, что надо было броситься въ штыки, не разбирая числа людей непріятеля, работавшихъ въ это время во рву.

— Да вѣдь съ гардемариномъ было всего десятка два людей?

— Генералъ на это не обращаетъ вниманія; ему не даетъ покоя мысль, что брешь до сихъ поръ не готова и что пожалуй артиллерія не будетъ въ состояніи пробить ее...

— Да вонъ идетъ и генералъ—и офицеръ рысью побѣжалъ къ своей ротѣ, чтобы встрѣтить Михаила Дмитріевича на своемъ мѣстѣ.

Лейтенантъ пошелъ на встрѣчу генерала, здоровавшагося съ частями, расположенными въ траншеѣ, по мѣрѣ того, какъ онъ подходилъ къ нимъ.

— А, здравствуйте морякъ! обратился Михаилъ Дмитріевичъ къ лейтенанту, приложившемуся подъ козырекъ.

— Вы вѣдь переведены сюда изъ право-фланговой?—продолжалъ генералъ не останавливаясь, обращаясь къ идущему рядомъ съ нимъ лейтенанту.

— Точно такъ ваше превосходительство, только что прибылъ съ двумя картечницами.

— А вѣдь вашъ гардемаринъ острамился вчера? Слышали?

— Слышалъ ваше превосходительство; много было народу во рву, вотъ онъ...

— Пустяки! И онъ и Богославскій пряме струсили! Молоды они еще, растерялись и назадъ! Я вѣдь такъ надѣялся на этотъ взрывъ пироксилиномъ.

— Вы возьметесь взорвать?—быстро повернулся Скобелевъ къ лейтенанту.

— Возьмусь и считаю это великой честью для себя,—от-

вѣтилъ Ш—нъ и краска удовольствія бросилась ему въ лицо при мысли объ удачномъ исполненіи этого безразсудно отважнаго предпріятія.

— Такъ пойдемте, я вамъ покажу хорошее и безопасное мѣсто откуда можно будетъ осмотрѣть стѣну и выбрать подходящій пунктъ для взрыва—и генералъ ускорилъ шаги...

День былъ очень ясный; солнце заливало своими лучами всю степь... Тэкинцы пользовались хорошей погодой и стрѣльба шла ожесточенная.... Изъ траншей дружно отвѣчали....

Генералъ шелъ медленно, не сводя глазъ съ длинной линіи бѣлой стѣны, на которой вспыхивали тутъ и тамъ дымки... Вотъ онъ вышелъ въ соединительную параллель между Великокняжеской и Охотничьей Калами. Въ одномъ мѣстѣ брустверъ былъ осыпавшись, такъ что проходящіе были видны до плечъ. Тэкинцы не преминули пустить нѣсколько пуль, провизжавшихъ около головы генерала, въ разстояніи фута, а можетъ быть и меньше.

— Хорошо пристрѣлялись,—замѣтилъ онъ и вошелъ въ Охотничью Калу, пройдя которую, не останавливаясь, вышелъ въ Ширванскій редутъ и подошелъ къ минному колодцу, изъ котораго какъ разъ вылѣзалъ, вымазанный весь въ глинѣ, саперный унтеръ-офицеръ.

— Кончаете, братцы? обратился къ нему генералъ.

— Почитай, что все кончили; завтра и заряжать можно будетъ, ваше превосходительство,—отвѣтилъ бравый саперикъ.

— Ну, помогай вамъ Богъ!... Весь исходъ дѣла въ этомъ минномъ взрывѣ—обратился Михаилъ Дмитріевичъ къ начальнику штаба... Онъ долженъ произвести страшную панику...

Генералъ подошелъ къ самому брустверу, отстранилъ одного изъ стрѣлковъ и началъ смотрѣть въ промежутокъ между мѣшками; рядомъ съ нимъ помѣстился и лейтенантъ Ш—нъ.

— Вотъ видите эту большую трещину! Вправо отъ угла?

Вотъ здѣсь можно по моему заложить мину и результатъ долженъ быть хорошъ; главное надо закопать ее по глубже.

— Было бы хорошо подвѣсить ее—замѣтилъ лейтенантъ.

— Ну эти техническія подробности я предоставляю на ваше усмотрѣніе; мнѣ главное необходимо, чтобы взрывъ былъ—это облегчитъ артиллеристамъ пробитіе бреши... Я не могу примириться съ мыслію, что взрывъ могъ быть уже совершеннымъ въ эту ночь... Такъ вы, морякъ, взорвете! Я надѣюсь на васъ!

— Сдѣлаю все, что могу, ваше превосходительство!

— Спуститесь въ ровъ во что бы то ни стало! Если онъ будетъ занятъ непріятелемъ—выбейте его оттуда штыками... Возьмите съ собой роту, двѣ, три!... Сколько вамъ надо, вамъ дадутъ, но только исполните это предпріятіе—оно очень важно...

Нѣсколько пуль щелкнулось въ мѣшокъ очень близко отъ отверстія, въ которое смотрѣлъ генералъ... Одна ударилась въ верхъ бруствера и обсыпала присутствующихъ землею...

— Ваше п—ство, обратился къ генералу полковникъ Козелковъ, начальникъ лѣваго фланга,—уйдите отсюда! Тэкинцы пристрѣлялись такъ, что очень часто попадаютъ въ бойницу, вѣдь до стѣны 70 шаговъ съ небольшимъ!

— Вѣчно вы полковникъ боитесь за меня—съ неудовольствіемъ отвѣтилъ генералъ, и снова началъ разсматривать стѣну, вспышки выстрѣловъ на которой продолжали перебѣгать также часто.

— Да какъ же не бояться за васъ, когда вы рискуете своею жизнью, какъ простой рядовой... Уйдите ваше п—ство!

— Да оставьте меня въ покоѣ! —разсердился генералъ...

— Такъ вы идите сегодня же ночью? снова обратился генералъ къ лейтенанту, смотрѣвшему прямо черезъ брустверъ и представлявшему такимъ образомъ прекрасную мишень для непріятеля, открывшаго сильный огонь.

— Точно такъ, думаю отправиться послѣ полночи.

— Ваше п—ство! если васъ убьютъ, кто-же поведетъ насъ на штурмъ—не унимался Козелковъ.

— Ну хорошо, сейчасъ уйду! Досвиданья, морякъ! Приходите такъ черезъ часъ ко мнѣ; выпьемъ кофе и поговоримъ еще о взрывѣ!... и генералъ направился на лѣвый флангъ.

Лейтенантъ Ш—нъ остался на мѣстѣ и еще нѣсколько времени смотрѣлъ на стѣну, запоминая мѣстность и дѣлая въ головѣ разные разсчеты.

— Что это вы тутъ подѣлываете? обратился къ нему подошедшій капитанъ инженеровъ—Васильевъ.

Морякъ въ краткихъ словахъ разсказалъ ему о предпріятіи, предполагавшемся быть произведеннымъ въ эту ночь.

— Такъ пойдемте со мной, можетъ быть мнѣ удастся вамъ сдѣлать полезныя указанія... Мнѣ помнится я видѣлъ тутъ мѣсто, подходящее для взрыва, а главное подползти легко, идетъ канава близко отъ непріятельскаго рва...

Оба офицера пошли по траншеѣ, весело болтая о разной разности.

— Вотъ отсюда можно разсмотрѣть удобно; видите вы эту канаву, идущую наискосокъ къ траверзу? Доползти до нея, затѣмъ по ней, а тамъ и ровъ близехонько...

— Мнѣ надо взорвать поближе къ углу—возразилъ лейтенантъ.

— Такъ вы можете пройти непріятельскимъ рвомъ; еще сегодня ночью въ ровъ забиралось четверо охотниковъ тушинъ и пролежали тамъ часа два! Однако досвиданья—тороплюсь въ лагерь къ полковнику Рутковскому, и Васильевъ рысцей направился къ лѣвому флангу.

Морякъ порѣшилъ, что осмотръ удовлетворителенъ.

— Надо взглянуть на свою батарею,—подумалъ онъ и

повернулся чтобы идти въ Великокняжескую Калу; сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ вспомнилъ, что надо еще разъ взглянуть на мѣсто предполагаемаго взрыва, чтобы опредѣлить приблизительное разстояніе этого пункта отъ угла.

Лейтенантъ остановился около бруствера и, высунувшись по грудь, началъ разсматривать интересовавшее его мѣсто... Только что онъ повернулся чтобы продолжать свой путь, какъ сильный уларъ въ лѣвую руку, сопровождаемый жгучей болью и мгновеннымъ онѣменіемъ всего предплечья, заставилъ его перевернуться вокругъ самого себя...

Онъ почувствовалъ какъ что-то горячее потекло по рукѣ... Захотѣлось поднять руку—плечо поднялось, а рука ниже плеча вершка на три перегнулась съ страшной болью, отъ которой въ глазахъ потемнѣло...

— Кость раздроблена!—мелькнуло у него въ головѣ и почему-то вспомнился видѣнный у кого-то пустой, болтавшійся рукавъ сюртука...

Подхвативъ раненую руку правой, лейтенантъ быстрыми шагами пошелъ къ перевязочному пункту, находящемуся въ Великокняжеской Калѣ...

Кровь каплями текла по пальцамъ, приклеивая рубашку къ тѣлу... Ломота увеличилась... Каждый шагъ отдавался во всей рукѣ тупой болью...

— Ну вотъ и Красный Крестъ—обрадовался морякъ.

— Докторъ, я раненъ—обратился онъ къ какому-то медику, сидѣвшему на буркѣ.

Этотъ немедленно вскочилъ, подбѣжали санитары, фельдшера.

Лейтенантъ помогъ снять пальто съ праваго плеча; начали стаскивать съ лѣвой руки и она въ перебитомъ мѣстѣ перегнулась... Морякъ охнулъ... Стащили рукавъ...

— Да вы и въ грудь ранены? съ безпокойствомъ спросилъ

докторъ, увидавъ отверстіе съ правой стороны груди въ сюртукѣ.

— Не чувствую—отвѣтилъ Ш—нъ.

Начали раздѣвать. Оказалось, что пуля вошла съ правой стороны, пробила пальто, сюртукъ, три фуфайки, скользнула по груди, незадѣвъ ее и, раздробивъ лѣвую руку, вылетѣла.

Сдѣлали перевязку и черезъ нѣсколько минутъ лейтенантъ, лежа на носилкахъ, сдавалъ батарею мичману Голикову, велѣвъ перенести себя въ ту часть Великокняжеской Калы, гдѣ была главная квартира этого офицера. Сдавъ батарею, лейтенантъ приказалъ выпустить 200 пуль по крѣпости изъ картечницы въ отместку за свою рану и его понесли въ лагерь, гдѣ уже были въ госпиталѣ два раненные моряка—капитанъ-лейтенантъ Зубовъ и подполковникъ Яблочковъ.

У браваго лейтенанта во всю дорогу не выходила изъ головы мысль, что онъ теперь поставленъ въ невозможность дѣлать взрывъ и эта мысль вызывала у него слезы на глаза, заставляя даже забывать боль въ раздробленной рукѣ ..

Темно.... Грязно... Вѣтеръ налетаетъ порывами, свиститъ въ ушахъ у солдатиковъ, врывается подъ шинели, оледѣняетъ бѣдняковъ и мѣшаетъ имъ вглядываться во мглу, откуда нѣтъ, нѣтъ и сверкнетъ огонекъ выстрѣла и зажужжитъ пуля подъ аккомпаниментъ завыванія вѣтра... Небо покрыто тучами, по временамъ сѣющими мелкимъ дождемъ...

Скверно въ это время въ траншеяхъ... Укрыться некуда... Глина размякла, прилипаетъ къ ногамъ... Съ каждымъ шагомъ ожидаешь полетѣть, до того скользко... Руки, держащія винтовку, окоченѣли отъ холода желѣза ствола и мокроты... Вода льется за шиворотъ и чувствуешь, какъ сорочка понемногу прилипаетъ къ

тѣлу... Долго стоять на одномъ мѣстѣ нельзя—ноги начинаютъ вязнуть... А въ головѣ роятся мысли одна другой безотраднѣе... Невыносимое чувство неизвѣстности давитъ всей своей тяжестію... Долго ли будетъ все это тянуться? Какъ кончится? Что ожидаетъ меня въ недалекомъ будущемъ?—Копошатся вопросы въ головѣ—вопросы, остающіеся безъ отвѣта... Чтобы разсѣяться немного начинаешь пристально вглядываться въ темноту, прислушиваться, считать числа вспыхивающихъ на непріятельской стѣнѣ выстрѣловъ... Надоѣдаетъ наконецъ и это... Воспоминанія о прежнемъ нахлынутъ въ голову... Вся жизнь начинаетъ проходить передъ глазами какъ въ стереоскопѣ... Все, что было наиболѣе выдающееся, является панорамой, какъ бы только вчера это миновало... Но вмѣстѣ съ тѣмъ все это какъ будто въ полуснѣ, какъ будто въ представленіяхъ волшебнаго фонаря видишь самого себя... Наконецъ является благодѣтельная дремота! Какъ хорошо переселиться въ міръ сновидѣній хоть на нѣсколько минутъ!... Все окружающее такъ не хорошо, такъ тягостно!... Минута забытія, минута радужныхъ сновъ придастъ снова силы переживать все это на яву... Но спать нельзя .. Не потому, что чувство сознанія долга мѣшаетъ спать, нѣтъ, а потому, что внутреннее состояніе человѣка мѣшаетъ ему забыться, хотя кратковременнымъ, тяжелымъ сномъ...

А вдругъ вылазка?... Можетъ быть въ эту самую минуту, когда дремота смыкаетъ глаза, непріятель ползетъ и черезъ минуту ринется на насъ съ дикимъ крикомъ, рубя все направо и налѣво? ..

Снова всматриваешься въ густой мракъ до боли въ глазахъ... Снова бредъ соннаго человѣка начинаетъ мѣшаться съ дѣйствительностію... Картины дѣтства, беззаботнаго веселья, перемѣшиваются съ картинами боя и звукъ выстрѣла выводитъ насъ изъ этого полулетаргическаго состоянія... Прикосновеніе рукой къ мокрой, липкой глинѣ напоминаетъ вамъ, что вы въ траншеяхъ, вблизи отъ непріятеля, и образы минувшаго и пережитаго исчезаютъ изъ

вашего мозга—остается дѣйствительность—тяжелая, но имѣющая всетаки свою прелесть...

Въ чѣмъ же эта прелесть-то? удивится навѣрное читатель, на котораго предъидущее описаніе вѣроятно не произвело впечатлѣнія чего бы то ни было прелестнаго.

Прелесть въ томъ, что эта обстановка заставляетъ васъ чувствовать, что вы живете, а не прозябаете; вы сознаете, что какой бы маленькій человѣчекъ вы ни были въ общественной іерархіи, тутъ вы становитесь большимъ, такъ какъ вы въ этотъ моментъ собираетесь и готовы отдать жизнь—т. е. принести величайшую жертву на алтарь общественнаго благосостоянія...

Въ васъ подымается энергія, какой обыкновенно можетъ быть и не бываетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ является и чувство внутренней гордости, при мысли, что сейчасъ, можетъ быть сцѣпившись грудь съ грудью съ врагомъ, вы покажете свою удаль, свою непоколебимость...

Не знаю будутъ ли понятны читателю эти чувства, особливо если строки эти попадутся на глаза какому нибудь буржуа, сидящему въ хорошо натопленной комнатѣ, когда самоваръ поетъ на столѣ, въ то время какъ на улицѣ воетъ и свиститъ вѣтеръ и дождь хлещетъ и барабанить въ окна... Пожалуй читатель тогда потянется въ креслѣ, прихлебнетъ глотокъ чайку и, пустивши кольцо табачнаго дыма, скажетъ про вашего покорнѣйшаго слугу: „идеалистъ! Пылкая голова или же напускаетъ на себя оригинальность.“

Съ своей точки зрѣнія вы, можетъ быть, будете и правы, читатель! Не всѣ люди созданы по одному масштабу, иному величайшее наслажденіе пользоваться комфортомъ, жить „понемножку,“ полегоньку, принадлежать къ золотой серединѣ мирнаго буржуа, находить наслажденіе въ игрѣ опредѣленныхъ шести роберовъ винта и, затѣмъ, также покойно мирно сойдти съ арены жизни, какъ и дѣйствовалъ на ней!

Другому нужна лихорадочная дѣятельность, нужны сильныя ощущенія, ежеминутно напоминающія ему, что онъ дѣйствительно живетъ, нужна борьба, которая могла бы поглощать избытокъ его силъ; „золотая середина“ этому человѣку кажется болотомъ. Или выдвинуться впередъ съ цѣлью приложить свои способности, которыя въ „золотой серединѣ“ сгніютъ, или сложить свою голову, не переваривающую будничной жизни... Ant Caesar—ant nihil!

Большинство обладателей такихъ темпераментовъ не бываютъ Caesar'ями, а обращаются въ nihil, въ горсточку земли, потерянную гдѣ нибудь на поверхности земнаго шара, безъ всякаго слѣда, безъ памятника, какіе воздвигаютъ себѣ „буржуа“ съ цѣлью увѣковѣченія имени субъекта, бывшаго „добрымъ“ и безобиднымъ только потому, что не хватало способностей быть злымъ!

Прожить 30—40 лѣтъ на свѣтѣ, пройти школу отчаянной борьбы, чувствовать, что живешь всѣми нервами своего организма, всѣми фибрами—и затѣмъ сгорѣть—оставивъ огненный слѣдъ своего существованія—вотъ завидная, желательная, идеальная судьба человѣка по моему понятію!

А такъ какъ жизнь въ походѣ исполняетъ нѣкоторую, правда незначительную часть программы желательнаго для автора этихъ строкъ существованія, то поэтому и не должно быть удивительно восхищеніе той обстановкой, которая людямъ, съ другимъ характеромъ не покажется привлекательною.

Возвращаюсь къ моему описанію.

Ночь съ 11 на 12 января 1881 года принадлежала къ числу ночей, картину которыхъ я только что нарисовалъ.

Въ передовой траншеѣ лѣваго фланга, часовъ въ 11 вечера, замѣчалось особенное суетливое движеніе. Въ разныхъ мѣстахъ собирались группы офицеровъ, оживленно разговаривавшихъ, проходили саперы съ фашинами, собирались апшеронцы, которымъ дѣлался разсчетъ; инженерный капитанъ Васильевъ бѣгалъ взадъ и

впередъ, иногда перепрыгивалъ черезъ брустверъ, исчезалъ въ темнотѣ, откуда слышался его шепотъ, заглушаемый ударами лопатъ въ землю, плескомъ воды и шумомъ бросаемыхъ фашинъ.

— Николаевъ! Гдѣ Николаевъ? слышался чей-то голосъ.

— Здѣсь, ваше б-діе!

— Не забудь запалы!

— Никакъ нѣтъ!—въ карманѣ у меня ваше б-діе!

— То-то-же! Да двухъ людей поздоровѣе назначить нести динамитъ!

— Назначилъ уже... Скоро и пойдемъ ужъ, ваше б-діе?

— Будьте готовы... Вотъ какъ только кончатъ саперы мостикъ и двинемся съ Богомъ!

Вся эта суета, всѣ разговоры, приказанія и совѣщанія касались предпріятія, сильно всѣхъ волновавшаго и интересовавшаго —взрыва нашими охотниками стѣны, съ цѣлью продѣланія бреши.

Поручикъ 1-го желѣзнодорожнаго баталіона Остолоповъ и гардемаринъ М—ръ вызвались пролезть въ непріятельскій ровъ, заложить подъ стѣну 3 пуда динамита и 3 пуда пироксилина и взорвать эти мины; въ прикрытіе охотниковъ, на случай вылазки непріятеля, была дана цѣлая рота апшеронскаго полка; всѣмъ предпріятіемъ командовалъ флигель-адъютантъ, войсковой старшина, графъ Орловъ-Денисовъ.

Отъ передовой траншеи до непріятельскаго рва было около 300 шаговъ, охотникамъ предстояло перейдти ручей, протекавшій по этому мѣсту и дойти до такъ называемой подковки, т. е. полукруглой траншеи, лежавшей шагахъ въ пятидесяти отъ рва непріятельскаго и соединенной съ нимъ узенькой и маленькой канавкой, постепенно углублявшейся, и спускавшейся на дно рва.

Въ этой подковкѣ должна была остаться гальваническая батарейка для взрыва пироксилиновой мины и часть команды. Остальнымъ надо было спуститься въ ровъ, выкопать углубленіе

подъ стѣной, которая начиналась прямо со дна рва, эскарпа не было, заложить въ это углубленіе мину, на случай недѣйствительности или порчи батареи, зажечь фитиль Бикфорда и выскочить изо рва.

Промежутокъ между мѣстами заложенія пироксилиновой и динамитной мины долженъ былъ быть шаговъ 12 или 15.

Прикрытіе минеровъ—апшеронцы должны были частью, во время работы, лежать на краю рва, частью залечь въ ровъ, по обѣимъ сторонамъ работающихъ, и, въ случаѣ нападенія, драться до послѣдняго, давая выиграть время до окончанія работъ...

— Скоро-ли кончатъ эти саперы съ своимъ мостомъ? Съ нетерпѣніемъ обращается графъ Орловъ къ гардемарину, который занятъ стягиваніемъ своей персоны пояснымъ ремнемъ сверхъ полушубка и ощупываніемъ на должномъ ли мѣстѣ револьверъ, чтобы не мѣшалъ ползти.

— Да, пора бы и кончить!... Мокро, холодно... Я думаю будетъ трудненько ползти по глинѣ, которая совсѣмъ размякла.....

— За то вамъ будетъ легче работать подъ стѣной... Удары ломомъ и киркой по мокрой землѣ не будутъ такъ слышны—возразилъ на сѣтованія гардемарина графъ Орловъ.

— Лишь бы не было тэкинскаго секрета въ подковкѣ разъ она занята непріятелемъ, придется начать цѣлое дѣло...

— А вамъ сколько надо времени для работы?

— Не менѣе получаса, чтобы основательно закопать мину.

— Я думаю, что если тэкинцы не замѣтятъ нашего подползанія, то работу услышатъ или замѣтятъ навѣрное Вопросъ только, сдѣлаютъ ли вылазку, или ограничатся одной стрѣльбой...

— Сейчасъ саперы окончатъ мостъ, ваше сіятельство,—сказалъ подошедшій поручикъ Остолоповъ.

— Вы совсѣмъ готовы?

— Совсѣмъ.

— Начальникъ штаба идетъ сюда—послышалось изъ мрака... Графъ Орловъ пошелъ въ ту сторону, откуда слышалось приближеніе нѣсколькихъ человѣкъ, между собою разговаривавшихъ.

— Если можете, выдвигайте понемногу людей изъ траншеи, дайте только минерамъ выйдти впередъ—послышался голосъ начальника штаба, полковника Гродекова. Съ Богомъ ребята, будьте молодцами и помните, что въ случаѣ насядутъ на васъ тэкинцы, васъ выручатъ, не бросятъ!...

Вотъ на брустверѣ обрисовалась одна фигура, немедленно исчезнувшая, за ней другая, третья... Послышался сдержанный шепотъ:

— Динамитъ-то подавай, легче! Ну, принимай на себя!

— Что минеры вышли? Не урони ящика съ батареей!... Передай катушку съ проводниками! Не шуми, ребята! Какъ призраки исчезли одна за другой темныя фигуры...

Особенное ощущеніе, читатель, когда выходишь за брустверъ, покидаешь эту надежную защиту и знаешь, что теперь окончательно открытъ для непріятельскихъ выстрѣловъ! Ни зги не видать... Вотъ тутъ налѣво должно быть мостикъ... Пригнувшись идутъ люди.... Ручей... Остановились...

— Чего стали? слышится шепотъ.

— Впередъ не задерживайте... доносится голосъ графа Орлова.

— Сюда ребята, вотъ мостикъ—ведетъ капитанъ Васильевъ передовыхъ... Штыки звякнули одинъ о другой; кто-то залѣзъ въ воду и зашлепалъ сапогами.

— Тише, лѣшій!

Тамъ, гдѣ впереди чернѣется что-то темнѣе окружающаго мрака, сверкнулъ красный огонекъ, одинъ другой... Пуля удари-

лась въ воду и нѣсколько капель брызнуло въ лицо Остолопова, идущаго рядомъ съ ящикомъ динамита.

Мысль, какъ молнія, мелькнула въ головѣ—а что если-бы въ ящикъ? Ощущеніе чего-то холоднаго пробѣжало по спинѣ... Фашины хрустятъ подъ ногами.. Наконецъ всѣ перешли мостикъ...

— Ложись!—доносится приказаніе графа Орлова...

— Ползи за мной, не растягивайся, ребята!—шепчетъ гардемаринъ и съ однимъ изъ осетинъ конвоя Скобелева безшумно направляется на четверинькахъ къ едва примѣтной черной точкѣ —подковкѣ... Въ нѣсколькихъ шагахъ за нимъ минеръ унтеръ-офицеръ Забѣлкинъ и матросъ Гребенщиковъ...

Руки уходятъ въ размокшую, холодную, липкую глину... Двигаться приходится съ страшнымъ трудомъ... Сердце стучитъ усиленно... Кровь приливаетъ отъ неестественнаго положенія къ головѣ, звонъ въ ушахъ... Отъ пристальнаго напряженнаго всматриванья въ темноту начинаетъ представляться какое-то движеніе во мракѣ... Вотъ снова сверкнулъ огонекъ... Раскатился звукъ непріятельскаго выстрѣла... Второй...

— Должно увидали насъ—шепчетъ одинъ изъ охотниковъ.

Прилегли... А дождь проклятый мороситъ... Заливаетъ за шиворотъ... Руки коченѣютъ...

— Ваше б—діе! что это какъ будто чернѣется влѣво?—шепчетъ Забѣлкинъ на ухо гардемарину.

— Гдѣ?—спрашиваетъ тотъ, сразу чувствуя какое-то особенное ощущеніе въ сердцѣ, опредѣляемое выраженіемъ: сердце упало!

— А вотъ—смотрите, ваше б—діе, по рукѣ!

Дѣйствительно, напрягли зрѣніе, морякъ видитъ вблизи отъ себя что-то темное... Вотъ и еще...

— Должно люди... Люди и есть—слышится вокругъ шепотъ.

— Лежать пока смирно, я поползу осмотрѣть!

Морякъ переворачивается на лѣвый бокъ, растегиваетъ кобуру, вынимаетъ револьверъ, засовываетъ его за бортъ тулупа на груди и ползетъ. Осетинъ не отстаетъ съ кинжаломъ въ зубахъ... Вотъ уже близко эта черная масса... Нѣтъ сомнѣнія—контуры человѣческаго тѣла...

— Стрѣлять или нѣтъ? Пусть первый выстрѣлитъ...

Осетинъ дергаетъ за руку... Легли вплотную къ землѣ... Фигура неподвижна... Подползли ближе.. Осетинъ вынимаетъ кинжалъ изо рта и беретъ въ руку...

Но вотъ моряку попадаетъ что-то подъ руку...

Холодное, скользкое, разбухшее и мягкое... отвратительный запахъ мертвечины... Гардемаринъ отдергиваетъ руку; какъ ни коротко было прикосновеніе, но морякъ убѣдился, что это была нога трупа... Чувство гадливости охватило его до мозга костей... Онъ началъ вытирать руку о землю, о тулупъ... Осетинъ что-то проворчалъ... Дальше влѣво виднѣлось еще нѣсколько темныхъ силуэтовъ убитыхъ... Тутъ только морякъ вспомнилъ, что все это пространство покрыто трупами непріятеля, оставшимися послѣ вылазки 4-го января, слѣдовательно лежавшими подъ дѣйствіемъ воздуха и дождя болѣе недѣли...

Поползли далѣе... Все болѣе и болѣе обрисовывается силуэтъ подковки... Есть ли тамъ кто нибудь? Мертвая тишина не нарушается никакимъ звукомъ!.. И выстрѣлы даже прекратились... Тучи начали расходиться—стало немного свѣтлѣе... шагахъ въ 30 видѣнъ брустверъ подковки... Вдругъ эта темная линія озарится свѣтомъ залпа? Осетинъ поползъ безшумно впередъ... Прошло нѣсколько мгновеній ожиданія... Морякъ также двинулся.

— И я съ вами—послышался голосъ графа Орлова, заставившій отъ неожиданности вздрогнуть моряка.

Вотъ и брустверъ... Затаивъ дыханіе, поднимаются оба офицера на него и свѣшиваютъ внутрь голову, держа на готовѣ ре-

вольверы... Въ тотъ же моментъ черная папаха лѣзетъ имъ на встрѣчу... Быстрѣе молніи опускаются два дула... Секунда и грянули бы выстрѣлы...

— Это я, говоритъ гортанный голосъ осетина... Невольно глубоко, съ чувствомъ облегченія вздохнулъ морякъ и опустилъ револьверъ.

— До самаго рва нѣтъ никого—прошепталъ осетинъ.

Черезъ нѣсколько минутъ вся команда была въ подковкѣ.

Внутри этотъ редутикъ подковка представлялъ изъ себя довольно узенькую полукруглую траншейку. Земля изъ середины не была вынута и такимъ образомъ на высотѣ груди человѣка была плоскость въ видѣ стола. Немедленно воспользовались этимъ обстоятельствомъ, поставили сюда ящикъ съ динамитомъ, открыли крышку и вложили между динамитными патронами запалъ съ гремучей ртутью, со вставленнымъ въ него кускомъ фитиля Бикфорда, длина котораго была разсчитана на двѣ минуты горѣнія. Минеръ Забѣлкинъ расположился въ траншеѣ на землѣ съ батареею.

Въ это время небо начало очищаться отъ облаковъ. На горизонтѣ стало свѣтлѣть—признакъ скораго появленія луны. Надо было торопиться. Стѣна ясно виднѣлась; раза два или три послышались голоса тэкинцевъ...

— Ступай ты, Остолоповъ, съ своими минерами впередъ, иначе вы можете мнѣ перервать проводники, прошепталъ гардемаринъ...

Два человѣка подняли ящикъ съ динамитомъ и, пригнувшись, двинулись по траншейкѣ въ ровъ...

За ними потянулись медленно, шагъ за шагомъ, и другіе... Оставшіеся въ подковкѣ съ замираніемъ сердца вглядывались въ постепенно исчезавшія во мракѣ фигуры... Со стѣны не было сдѣлано ни одного выстрѣла.

— Пора и намъ... Смотри же, Забѣлкинъ, не замыкай то-

ка раньше, пока я не крикну „готово“! А теперь дай больше слабины катушкѣ, я самъ возьму проводники, смотри, чтобы не заѣдало на катушкѣ...

Съ этими словами гардемаринъ взялъ въ руку концы проводниковъ и, пригнувшись, быстро направился по траншейкѣ въ ровъ...

Проводники свободно тащились за нимъ.

Вотъ уже близко и ровъ... Слышенъ шепотъ охотниковъ Остолопова... Вотъ кончается и траншейка... Дно рва ниже немного—фута на два... Легко спрыгнулъ морякъ, но все-таки зашумѣлъ... Сердце упало... На стѣнѣ кто-то кашляетъ... Вотъ какая-то гортанная фраза, къ кому-то обращенная... Разговариваютъ... На стѣнѣ шорохъ... Морякъ, ни живъ—ни мертвъ, прислонился къ стѣнѣ... Прижался къ сырой глинѣ, какъ бы желая вдавиться совсѣмъ въ нее... Шорохъ прекратился, но разговоръ ясно слышенъ...

Вотъ подходитъ Остолоповъ и едва слышнымъ голосомъ спрашиваетъ, пора ли закладывать мину и не пойдти ли смотрѣть начатую брешь?

Оставивъ команду, прижавшуюся къ стѣнкѣ, оба офицера безшумно крадутся къ темному пятну, шагахъ въ 20 лѣвѣе выхода траншейки въ ровъ...

Еще не доходя до бреши, оба офицера споткнулись нѣсколько разъ на валявшіеся обломки глины... Вотъ наконецъ и груды осыпавшейся земли... Довольно пологій подъемъ .. Съ сильно бьющимся сердцемъ поднялись крадучись Остолоповъ съ гардемариномъ... Земля осыпается подъ ногами и съ шумомъ падаетъ внизъ... Отъ волненія шумъ этотъ кажется способнымъ разбудить мертвыхъ... Вотъ и вершина бреши... Голова моряка на уровнѣ стѣны... Онъ приподымается и заглядываетъ внутрь крѣпости... Полный мракъ. Гдѣ-то далеко блеститъ огонекъ... Собака залаяла внизу... На-

право въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, на стѣнѣ, разговоръ тэкинцевъ—слышно каждое слово... Шорохъ, шаги...

— Хорошо бы вскочить неожиданно на стѣну...! шепчетъ Остолоповъ.

Вмѣсто отвѣта морякъ сползаетъ назадъ по бреши... На днѣ рва его поддерживаютъ дюжія руки одного изъ охотниковъ... И кстати... Отъ волненія ноги дрожатъ, изъ подъ козырька фуражки катятся капли холоднаго пота...

— Начнемъ работать, говоритъ Остолоповъ.

— Пора, пора... шепчетъ прерывающимся голосомъ морякъ и идетъ влѣво отъ бреши, Остолоповъ направо...

— Вотъ тутъ ребята, указываетъ гардемаринъ... Ну начинай ломомъ... У кого ломъ?

— У меня, ваше б—діе...

Раздается глухой ударъ, въ основаніе стѣны...

— Чего ты лѣзешь... Мнѣ ихъ благородіе приказали начать не тебѣ!...

— Пошелъ вонъ! Я матросъ... Раньше съ ихъ благородіемъ служилъ... А ты что!...

— Не шумите, чортъ бы васъ подралъ... Давай ломъ... И гардемаринъ началъ осторожно ударять въ глину, стараясь выворачивать побольше куски... Удары глухо раздавались по рву...

На стѣнѣ смолкли голоса, но послышался шумъ у самаго края парапета и нѣсколько кусочковъ глины упало около работавшихъ... Должно быть обезпокоенные шумомъ тэкинцы заглядывали черезъ парапетъ...

Работа пріостановилась... Вотъ снова раздался говоръ на стѣнѣ.. Но ни тревоги, ни выстрѣла... Опять заработали ломы и кирки... Гардемаринъ передалъ ломъ одному изъ охотниковъ и, прижавшись плечомъ къ стѣнѣ, слѣдилъ за работой... Какъ-то невольно часто подымались глаза его наверхъ, гдѣ онъ ожидалъ

увидѣть силуэтъ врага, перегнувшагося черезъ парапетъ .. Но все было покойно... Углубленіе подъ стѣной увеличивалось...

— Ваше б—діе! Почитай ужъ довольно, обратился къ нему матросикъ Гребенщиковъ.

Гардемаринъ сталъ на колѣни и ощупалъ рукой углубленіе...

— Нѣтъ, ребята, еще мало... Валяй теперь лопатой... Выгребай всю мелочь оттуда и еще немного подкопай...

— Ну, какъ твои дѣла?—послышался тихій шепотъ Остолопова, вынырнувшаго изъ мрака.

— Сейчасъ буду закладывать... А ты?

— У меня тоже кончаютъ... Не забудь же крикнуть, когда будетъ готово...

— А гдѣ графъ Орловъ?...

— Во рву, около моей мины—и поручикъ исчезъ.

— Ну довольно, ребята... Закладывай мину... Гдѣ она?...

— Вотъ...

Какъ перышко поднялъ одинъ изъ охотниковъ объемистый, трехпудовый мѣдный цилиндръ и засунулъ въ углубленіе...

— Осторожно, не порви проводниковъ или фитиля...

— Никакъ нѣтъ, ваше б—діе!...

— Ну, ребята, хорошенько теперь замните весь промежутокъ кусками глины...

Гардемаринъ нагнулся осмотрѣть хорошо-ли вложена мина, и убѣдился, что весь цилиндръ скрылся подъ землею... Фитиль Бикфорда выдавался на полъ-аршина изъ обломковъ глины, которыми была сдѣлана забивка мины...

— Ребята, уходите всѣ по траншейкѣ .. Живо!.. Ты, Гребенщиковъ, бѣги къ поручику Остолопову и скажи, что сейчасъ буду зажигать фитиль и вмѣстѣ съ его людьми выскакивай изо рва... Слышишь?...

— Есть, ваше б-діе!...

Гардемаринъ остался одинъ... Дрожащими руками вынулъ онъ коробку спичекъ, кусокъ фитиля и фальшфейеръ изъ кармана полушубка .. Чиркнулъ спичкой... Загорѣлась.,. Сталъ зажигать кусокъ фитиля—не горитъ... Руки ли черезчуръ дрожатъ или фитиль отсырѣлъ... Снова зажегъ спичку... Фитиль затлѣлся наконецъ... Распластырилъ фальшфейеръ, размялъ смѣсь... Вотъ въ сторонѣ работы Остолопова—шумъ... Слышно, какъ бѣгутъ люди... Доносится крикъ „готово!“. Надъ головой на стѣнѣ шумъ, говоръ многихъ голосовъ... Огненная точка фитиля коснулась фальшфейера... Въ моментъ яркій, дневной почти свѣтъ залилъ весь ровъ... Въ глазахъ зарябило... На секунду морякъ ослѣпъ... Загремѣли надъ головой выстрѣлы... Крики... Посыпались около комки глины... Пламенемъ фальшфейера дотронулся морякъ до конца фитиля Бикфорда, торчавшаго изъ мины... Каучукъ фитиля затрещалъ, что-то вспыхнуло и фитиль, зашипѣвъ, началъ выбрасывать снопъ искръ...

Крикнувъ „готово“, быстрѣе молніи бросилъ гардемаринъ фальшфейеръ на мокрую землю, затопталъ ногой и... очутился въ полномъ мракѣ, мракѣ страшномъ, безпроглядномъ...

Онъ бросился прямо впередъ и наткнулся на эскарпъ рва... Хотѣлъ влѣзть по этой почти отвѣсной стѣнѣ... Судорожно хватавшіеся пальцы встрѣчали мокрую, скользкую глину, остававшуюся комками въ горстяхъ.. Обернулся назадъ—фитиль выкидываетъ красную ленту искръ... Сейчасъ взрывъ—мелькнуло въ головѣ моряка... Онъ бросился влѣво... Споткнулся обо что-то... Упалъ... Поднялся и побѣжалъ, ощупывая руками бокъ рва—вездѣ сплошная глина—слѣдовъ выхода нѣтъ... Отчаяніе сдавило горло... Разумъ уже пересталъ руководить имъ... Въ такія минуты человѣкъ или сѣдѣетъ или сходитъ съ ума... Изъ ста человѣкъ въ девяноста девяти тупое отчаяніе заставляетъ даже не слѣдовать инстинкту самосохраненія...

Молодой морякъ оглянулся еще разъ назадъ... Искры вылетаютъ изъ подъ стѣны... Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ и почувствовалъ справа пустоту... Выходъ въ траншейку изо рва нашелся...

Невозможно описать ощущенія его... Волна радости охватило все его существо;—онъ не думалъ о градѣ пуль, сыпавшихся со стѣны, не слышалъ страшнаго треска непрерывныхъ выстрѣловъ гремѣвшихъ на стѣнѣ... Одна мысль овладѣла имъ, одно сознаніе наполняло его голову—возможность спастись отъ взрыва—избѣгнуть этой неминуемой, ужасной опасности...

Вотъ онъ шагнулъ одной ногой, уперся руками и уже взобрался во входъ траншейки... Въ этотъ моментъ, что-то съ страшной силой ударило его въ спину и голову, мракъ озарился краснымъ свѣтомъ, открытый ротъ тщетно пытался набрать воздуха... Милліоны красныхъ и зеленыхъ круговъ явились передъ глазами; онъ почувствовалъ что сверхъестественная сила подняла его и бросила... Онъ летитъ, летитъ и... сознаніе исчезло...

. . . . . .

— Ваше б—діе, живы?...

— Что?... Гдѣ я?... Ты кто?...

— Гребенщиковъ, ваше б—діе... Вы здѣсь лежали, должно взрывомъ ошеломило...

— Да гдѣ я?...

— Около подковки, ваше б—діе... Наши отступаютъ... Пожалуйте руку, я васъ доведу...

Гардемаринъ поднялся... Все вертѣлось передъ глазами... Что-то теплое текло изъ лѣваго уха по щекѣ... Вкусъ крови чувствовался во рту... Онъ ступилъ нѣсколько шаговъ—кровь хлынула носомъ...

На лѣвое ухо онъ ничего не слышалъ... Голова страшно ныла, спина одервенѣла...

— Правѣе, ваше б—діе, тутъ ровъ; вотъ впереди наши охотники; я ужъ доведу васъ въ цѣлости!

Въ траншеяхъ гремѣло „ура"! Вся непріятельская стѣна опоясывалась огнемъ; пули летѣли градомъ, посвистывая на разные лады; въ темнотѣ слышался голосъ графа Орлова, отдававшаго приказаніе отступать въ порядкѣ и идти въ ногу.

Гардемаринъ шелъ, поддерживаемый матросомъ, не отдавая себѣ вполнѣ отчета, что онъ дѣлаетъ.

Вотъ наконецъ близко и ручей. Не отыскивая мостика, люди идутъ прямо по водѣ, еще нѣсколько шаговъ и траншея...

— Ой убило! Ой смерть моя—раздается болѣзненный крикъ, заглушающій и шумъ перестрѣлки и командныя слова... Охъ, братцы, тошнехонько—кричитъ кто-то и въ этомъ крикѣ слышится нестерпимая боль...

— Возьми его подъ руки, Матвѣевъ! Чего стоишь!

— Ружье-то, ружье захвати—потеряетъ вѣдь... Эхъ вы, народъ! Ну, тащи, что ли!

— Не суетись, ребята! Всѣ поспѣете, всѣ будете за брустверомъ—доносится голосъ графа Орлова.

Возвращающіеся охотники входятъ въ траншею; начальникъ параллели, сѣдоусый кавказскій полковникъ выстраиваетъ ихъ во фронтъ.

— Всѣ-ли вернулись; гдѣ поручикъ Остолоповъ, гдѣ гардемаринъ М—ръ?—звучитъ всѣмъ знакомый голосъ бѣлаго генерала, Михаила Дмитріевича Скобелева.

— Здѣсь ваше превосходительство—отвѣчаетъ Остолоповъ; морякъ-же еще не можетъ выговорить ни слова и молча подходитъ къ генералу, окруженному толпой офицеровъ.

— Спасибо, господа, за честно исполненный вами долгъ! Съ такими офицерами не можетъ быть сомнѣнія въ удачѣ завтрашняго штурма. Я доведу до свѣдѣнія Государя Императора о

вашемъ сегодняшнемъ подвигѣ и убѣжденъ, что Его Императорское Величество не оставитъ васъ безъ награды, такъ доблестно вами заслуженной! Ребята! кричите ура нашимъ героямъ-охотникамъ! Ура! Ура! Ура!

Громовое „ура“ раскатилось по траншеямъ, подхватываемое во всѣхъ параллеляхъ, перебиваемое трескотнею залповъ и выстрѣловъ непріятеля.

Генералъ крѣпко, крѣпко пожалъ руки обоихъ офицеровъ, отошелъ нѣсколько шаговъ, вернулся снова, еще разъ пожалъ имъ руки, видимо ища словъ, чтобы выразить свою признательность, но гремѣвшее „ура“, выстрѣлы изъ мортиръ и непрерывная трескотня картечницъ не давали возможность выслушать его.

Гардемаринъ стоялъ опьяненный радостью!

Его идеалъ, его Богъ, на котораго онъ взиралъ съ особеннымъ благоговѣніемъ, такъ сердечно благодарилъ его и назвалъ героемъ! Находясь еще подъ впечатлѣніемъ взрыва, выбросившаго его изо рва, онъ сразу подвергнулся еще впечатлѣнію такого вниманія человѣка, бывшаго для него выше всѣхъ, человѣка, одинъ взглядъ котораго былъ для него радостнымъ лучемъ, способнымъ разогнать всѣ нравственныя тучи, смягчить всѣ физическія страданія! Для молодаго моряка это было слишкомъ уже много: нервы его сдали, онъ поторопился завернуть въ пустую полупараллель, чтобы скрыть слезы, лившіяся градомъ по закопченному, выпачканному грязью и кровью лицу!

Кто никогда не проливалъ такихъ слезъ, тотъ не испытывалъ полнаго счастья на землѣ! Эти слезы очищаютъ, подымаютъ человѣка; эти слезы не ложатся на грудь тяжелымъ гнѣтомъ скорби, нѣтъ—онѣ облегчаютъ, освѣжаютъ душу; выплакавшись человѣкъ пріобрѣтаетъ небывалую бодрость и снова готовъ къ самопожертвованію, къ борьбѣ, снова готовъ на подвиги во имя общаго блага, снова готовъ идти на зовъ долга...

Перестрѣлка умолкла; траншеи погрузились въ тишину; морякъ перевязалъ себѣ мокрымъ платкомъ голову, завернулся въ бурку и улегся на мокрой глинѣ въ траншеѣ; все спало вокругъ, кромѣ дежурной роты, вытянувшейся вдоль бруствера; гардемаринъ лежалъ закрывши глаза; въ ушахъ звенѣло отъ страшной контузіи, голова ныла, но онъ былъ счастливъ, счастливъ такъ, какъ никогда потомъ не былъ, да и не будетъ....

Сквозь страшный звонъ, наполнявшій его уши, ему чудилось, что онъ слышитъ голосъ Скобелева, благодарящаго его; правая рука чувствовала крѣпкое пожатіе боготворимаго имъ героя.... Черезъ восемь часовъ ему надо было идти на штурмъ, мысль о смерти нѣсколько разъ промелькнула въ его головѣ, но онъ отгонялъ ее; ему казалось немыслимымъ быть убитымъ черезъ нѣсколько часовъ, когда теперь онъ избѣжалъ такой страшной опасности въ моментъ взрыва. Неужели судьба дала ему возможность отличиться, для того, чтобы черезъ нѣсколько часовъ онъ былъ убитъ? Морякъ твердо вѣрилъ въ свою звѣзду и заснулъ, какъ мертвый, убаюканный розовыми надеждами ожидающей его награды...

Знай онъ, какая перспектива страшнаго искалѣченія ожидала его на слѣдующее утро, онъ, по всей вѣроятности, не предался бы съ такимъ удовольствіемъ радужнымъ сновидѣніямъ....

Какими бы стальными нервами не обладалъ человѣкъ, а все таки рѣшающій моментъ въ его жизни вызываетъ невольное сжатіе сердца, невольно заставляетъ его призадуматься, проанализировать свой внутренній міръ, оглянуться на прошлое и постараться представить себѣ картину будущаго...

Послѣдняя кровавая сцена трехнедѣльной драмы, разыгравшейся подъ стѣнами Геокъ-Тепе, должна была наступить черезъ часъ, холоднаго, мрачнаго дня 12-го января 1881 года....

Черезъ часъ должна была рѣшиться судьба всей экспедиціи и судьба многихъ отдѣльныхъ членовъ этой экспедиціи... Черезъ

часъ долженъ былъ взвиться на этихъ глиняныхъ твердыняхъ русскій Императорскій штандартъ или нашего отряда не должно было существовать... Въ душѣ каждаго копошился гнетущій вопросъ: буду-ли я черезъ часъ побѣдителемъ или буду безгласной, окровавленной массой, одинаково равнодушной къ побѣдѣ и къ пораженію? Независимо отъ самого себя представлялись малоуспокоительныя картины, являлись воспоминанія о смерти товарищей, совершавшейся на глазахъ, являлось страстное, непреодолимое желаніе узнать свою судьбу. Въ душу многихъ закрадывалась эгоистическая надежда, что авось буду убитъ не я, а другой, рядомъ стоящій... Какая то особая печать торжественности лежала на всѣхъ этихъ лицахъ... Иной пытался казаться развязнымъ и самая эта нестественная, не присущая его натурѣ развязность лучше всего выдавала его внутреннее смятеніе, вызванное, можетъ быть, его страстнымъ желаніемъ жить... Каждый, изъ готовившихся идти на штурмъ, не былъ новичкомъ въ дѣлѣ опасности, каждый десятки, если не сотни, разъ рисковалъ своей жизнью, а все таки передъ штурмомъ, передъ этой рѣшающей минутой, въ душу каждаго забиралось какое то особенное, неиспытанное чувство, заставлявшее сильнѣе обращаться кровь въ его жилахъ, сильнѣе сжиматься сердце...

Орудія брешь-батареи неумолчно заставляли своимъ гуломъ содрогаться землю, посылая снарядъ за снарядомъ, черезъ голову собравшихся въ третьей параллели апшеронцевъ, въ разбитую и разрыхленную землю приготовляемой бреши... Послѣ каждаго разрыва гранаты, ознаменовывавшагося темнымъ столбомъ взбрасываемой вверхъ земли, показывалось нѣсколько непріятельскихъ фигуръ изъ за стѣны, торопившихся наложить войлоки и засыпать землею разрушительные результаты дѣйствія нашихъ девяти-фунтовыхъ орудій... Въ это же время съ пронзительнымъ гуломъ снова летѣло нѣсколько снарядовъ, которые своимъ разрывомъ

разбрасывали и кошмы и войлоки и разрывали на куски геройскихъ рабочихъ, цѣною собственной жизни старавшихся парализовать страшное дѣйствіе пушекъ „урусса“...

Колонна подполковника Гайдарова, которой предстояло штурмовать помощью лѣстницъ западный фасъ Геокъ-Тепе, или, вѣрнѣе сказать, главное назначеніе которой заключалось въ отвлеченіи вниманія непріятеля отъ штурмовыхъ колоннъ полковника Куропаткина и полковника Козелкова, натискъ которыхъ долженъ былъ рѣшить судьбу штурма, давно уже вступила въ дѣло... Ружейный и орудійный огонь разгарался все болѣе и болѣе около Мельничной Калы и примыкавшаго къ нему четыреугольнаго редута, сплошь занятаго непріятелемъ, массы котораго, поминутно окутывавшіяся облаками дыма отъ ружейныхъ выстрѣловъ, ясно были видны въ бинокль изъ третьей параллели лѣваго фланга, гдѣ собрались апшеранцы и охотники подъ командой флигель-адъютанта графа Орлова-Денисова... Съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли офицеры и солдаты за движеніемъ своихъ товарищей, все ближе и ближе подходившихъ къ Мельничной Калѣ, причемъ все болѣе и болѣе учащалось хлопанье тэкинскихъ фальконетовъ, гуломъ своимъ заглушавшихъ трескъ берданокъ... Но вотъ отрядъ скрылся за стѣнами Калы, тэкинцы изъ редута начали перебѣгать по траншейкѣ частью въ ровъ крѣпости, частью въ Мельничную Калу, изъ за стѣнъ которой продолжали подыматься клубы молочнаго цвѣта дыма и доноситься раскаты орудійныхъ выстрѣловъ.

Брешь-батарея не умолкала... Выпускаемые ею снаряды пролетали очень низко надъ головами столпившихся въ третьей параллели войскъ.... Воздухъ содрагался отъ полета и съ силой ударялъ въ уши. Нашлось уже и нѣсколько своихъ жертвъ, жертвъ неминуемой случайности при подобныхъ обстоятельствахъ.... Какой то солдатикъ ставропольскаго полка, не вовремя вздумалъ пере-

бѣжать изъ одной траншеи въ другую, прямо черезъ открытое мѣсто подъ амбразурами брешь-батареи... Сверкнулъ выстрѣлъ, солдатика окутало облакомъ дыма.... Черезъ секунду дымъ разсѣялся и солдатикъ оказался лежащимъ въ лужѣ крови, бившей фонтанами изъ шеи, на которой болтались какія то клочья—голова была оторвана снарядомъ... Нельзя сказать, чтобы этотъ случай произвелъ особенное впечатлѣніе на присутствовавшихъ—каждый былъ такъ мысленно сосредоточенъ на самомъ себѣ, что смерть посторонняго не могла сильно затронуть ничьихъ нервовъ .. Судьба, значитъ было суждено этому солдатику кончить такимъ образомъ свою жизнь... А, можетъ быть, не подвернись онъ подъ свой снарядъ, онъ былъ бы убитъ на штурмѣ!.....

Канонада не прерывалась ни на минуту... Въ мѣстѣ пробиваемой бреши все также взлетала земля, со стѣны непріятель отвѣчалъ рѣдкими ружейными выстрѣлами; однимъ изъ этихъ выстрѣловъ былъ тяжело раненъ въ правую руку храбрый подполковникъ ставропольскаго полка Ципринскій-Цекава, высунувшійся черезъ чуръ за брустверъ; этотъ бравый офицеръ, старый типичный кавказскій воякa, командуя батальономъ вышеназваннаго полка, отбилъ вылазку тэкинцевъ 4-го января на лѣвый флангъ, поражая ихъ выдержанными мѣткими залпами. Время штурма приближалось... Въ передовой траншеѣ собралась группа офицеровъ.., Нѣсколько человѣкъ на скорую руку закусывали буттербродами, предложенными для общаго пользованія графомъ Орловымъ-Денисовымъ. Самъ графъ, одѣтый по кавказскому обычаю передъ штурмомъ во все новое, при помощи деньщика прицѣплялъ свѣжіе флигель-адъютанскіе аксельбанты.

Въ это время подошелъ къ групѣ офицеровъ гардемаринъ.

— Ну что, какъ ваша контузія? Обратился къ нему графъ, крѣпко пожимая руку.

— Ничего, такъ себѣ, голова болитъ меньше, но на лѣвое

ухо ничего не слышу,—должно быть, лопнула барабанная перепонка!

— До свадьбы заживетъ. Выпейте-ка коньяку, да закусите передъ дѣломъ...

— А вдругъ ранятъ въ животъ, лучше на тощакъ идти на штурмъ—возразилъ гардемаринъ.

— Пустяки.. виноватаго найдетъ! Съ полнымъ-ли желудкомъ, съ пустымъ-ли, коли суждено—не избавитесь! Выпейте, право лучше... а то такъ холодно!

Морякъ послѣдовалъ совѣту—выпилъ рюмку коньяку и сталъ закусывать буттербродомъ съ солониной....

— По мѣстамъ, господа, по мѣстамъ—раздался въ это время голосъ полковника Козелкова, начальника штурмовой колоны лѣваго фланга, который, ковыляя раненой еще въ турецкую кампанію ногой, обходилъ траншею.

Все офицерство бросилось поспѣшно на мѣста—въ траншеѣ воцарилась мертвая тишина, нарушаемая приказаніями офицеровъ, отдававшимися въ полголоса. Взоры всѣхъ обратились на правый флангъ, гдѣ долженъ былъ быть взрывомъ поданъ сигналъ къ штурму.

Всѣ солдатики, снявъ шапки, крестились—лица были блѣдны, глаза неестественно горѣли...

Томительно подобное ожиданіе...

— Помните-же, ребята,—слышался голосъ графа Орлова: какъ взрывъ—сейчасъ выскакивай за брустверъ, стройся и быстрымъ шагомъ впередъ; шагахъ въ 30 или 40 отъ стѣны—„ура“ и бѣгомъ. На брешѣ залечь, оправиться и разомъ въ штыки...

Земля дрогнула, заколебалась, люди въ траншеяхъ покачнулись, многіе схватились другъ за друга, чтобы не упасть, надъ восточной стѣной крѣпости поднялось облако дыма и пыли со столбомъ всевозможныхъ обломковъ и летящихъ фигуръ... Какъ

одинъ человѣкъ выскочили изъ-за бруствера охотники и апшеронцы... Начали выстраиваться... какой-то солдатикъ, блѣдный, дрожащій, видимо ничего не сознающій отъ страха, поднялъ винтовку, и никуда не цѣлясь, торопливо выстрѣлилъ... Какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла затрещали выстрѣлы между не успѣвшими выстроиться людьми...

Полковникъ Козелковъ, графъ Орловъ, офицеры старались остановить эту безпорядочную стрѣльбу... Голоса ихъ заглушались трескотней... Козелковъ, видя безполезность словесныхъ уговоровъ, прибѣгнулъ къ помощи костыля, графъ Орловъ шашкой плашмя началъ водворять порядокъ... Стрѣльба прекратилась, колонна, выстроившись, двинулась къ мостику черезъ ручей ...

Тэкинцы не стрѣляли пока... На мостикѣ началась давка... штыки со звономъ цѣплялись одинъ за другой... Задніе напирали на переднихъ, многіе съ мостика сталкивались въ воду, намокали до пояса, съ трудомъ вылѣзали на берегъ, отряхивались и торопились занять свое мѣсто... На непріятельской стѣнѣ вспыхнуло нѣсколько дымковъ... Фельдфебель апшеронецъ, видный, красивый мужчина, пичкомъ рухнулъ на землю... Чаще, чаще зашлепали пули въ эту скученную массу... Люди падали, убитые на повалъ, или на мостикѣ, загромождая дорогу, или въ ручей... Раненые старались выбраться изъ этой давки... Все время слышался зычный голосъ графа Орлова, ободрявшій людей... Мостикъ перейденъ... Штурмовая колонна двинулась... Раздались звуки „марша добровольцевъ“... Страха какъ не бывало... А между тѣмъ эта грозная, бѣлая стѣна все чаще и чаще стала окутываться дымомъ, чаще и чаще падали люди... Графъ Орловъ въ своемъ щеголеватомъ мундирѣ, шагахъ въ десяти впереди колонны, съ обнаженной шашкой шелъ ровнымъ шагомъ, часто поворачиваясь и что-то крича солдатамъ... Оставалось до стѣны шаговъ около ста... Графъ Орловъ вдругъ покачнулся, выронилъ шашку, лѣвой рукой схва-

тился за кисть правой... Черезъ нѣсколько мгновеній онъ снова шелъ впереди, держа шашку въ лѣвой рукѣ... Шагахъ въ пятидесяти онъ снова упалъ и больше уже не могъ подняться—фальконетная пуля раздробила ему бедро... Прапорщикъ Усачевъ упалъ, какъ скошенный—пуля раздробила ему колѣно... Колонна все рѣдѣла и рѣдѣла, оставляя за собой неподвижно лежащихъ въ лужахъ крови убитыхъ, умирающихъ въ судорожной агоніи, или раненыхъ, со стономъ отползающихъ назадъ... Все ближе и ближе подходили рѣдѣвшіе ряды къ стѣнѣ... Ясно виднѣлись черныя папахи и длинные стволы фальконетовъ и винтовокъ, непрерывно извергавшихъ дождь пуль... Громкое „ура“ прогремѣло въ горсти оставшихся въ живыхъ, стремительно бросившихся бѣгомъ впередъ, съ ружьями на перевѣсъ. Еще упало нѣсколько человѣкъ, съ разбѣгу уткнувшись лицомъ въ землю... Вотъ и ровъ.. Люди прыгаютъ въ него... Нѣсколько уже лежитъ у основанія бреши и берданки ихъ непрерывно гремятъ почти въ упоръ въ эти коренастыя, черномазыя фигуры, по поясъ высовывающіяся изъ за стѣны съ шашками, копьями и пистолетами... Гардемаринъ съ своими охотниками былъ въ нѣсколькихъ шагахъ ото рва, когда увидѣлъ тэкинца, цѣлящаго въ него изъ какого-то неимовѣрно длиннаго ружья... Инстиктивно повернулся онъ правой стороной.. Секунда ожиданія... Ударъ, страшный по силѣ, но безболѣзненный,—въ правую щеку.. Револьверъ выпалъ изъ руки, схватившейся за щеку, вся рука окрасилась кровью, что-то горячее лилось изъ горла за рубашку, ротъ наполнился какой-то кашей, кровь хлынула фонтаномъ изъ носу и изо рта... Медленно, неестественно осторожно опустился морякъ на землю, сначала на колѣни, потомъ упалъ на руки... Выплюнулъ кровь и съ нею пять зубовъ съ осколками челюсти... Изъ прострѣленнаго горла не могло вырваться ни звука... Лужа крови около него все увеличивалась... Въ головѣ мелькала мысль: „неужели это смерть?!“

Пули щелкали около въ землю; ни одной живой души около не было, мертвыхъ было много, слишкомъ много... Въ нѣсколькихъ шагахъ лежалъ барабанщикъ, подвернувъ какъ то странно голову подъ грудь; на немъ были длинные, не черненаго товара сапоги, совсѣмъ рыжіе... Они обратили на себя вниманіе моряка... Прямо противъ него, на бреши, шла рукопашная схватка... Летѣли комки земли изъ-за бреши, камни... Нѣсколько солдатиковъ ползло по бреши, скатывались назадъ... Вотъ какой то офицеръ вскочилъ на вершину... За нимъ бросились солдаты... Офицеръ перевернулся и, распростерши руки, упалъ навзничь... Гардемаринъ все это видѣлъ, какъ въ туманѣ... А кровь изъ него все лилась и лилась, а съ нею вмѣстѣ уходила и жизнь... А жить такъ хотѣлось, какъ никогда... Онъ хотѣлъ крикнуть—умираю, спасите, подберите меня!—но прострѣленный языкъ и горло не повиновались—только хлынула фонтаномъ кровь. Желая подняться съ земли, онъ оперся лѣвой рукой и страшная боль въ груди, дала ему знать, что и грудь прострѣлена... Рука подогнулась и онъ упалъ на лѣвый бокъ съ глухимъ стономъ, съ сознаніемъ неминуемой смерти...

Вотъ, вотъ сейчасъ все кончится, я перестану думать, чувствовать, мучиться..... Ахъ какъ страшно, какъ хочется жить!...

Обрывки мыслей, воспоминаній тѣснятся въ головѣ... Представилась ему вдругъ фигура Изотова, деньщика его отца, водившаго его гулять маленькимъ мальчикомъ лѣтъ 5 или 6... Вотъ онъ въ своемъ тулупчикѣ играетъ въ снѣжки... Ахъ, какая масса крови около меня—мелькаетъ одновременно мысль и представленіе объ этомъ словѣ „масса“ вызываетъ въ его мозгу воспоминаніе о давно забытомъ урокѣ механики Морскаго училища... Живо, живо представляется ему фигура преподавателя и онъ самъ, сидящій на скамейкѣ съ перомъ въ рукахъ... Вспомнилось лицо

товарища и, странное дѣло, лицо человѣка, съ которымъ онъ никогда не былъ особенно друженъ и близокъ...

А кровь все льется и льется; чувство слабости овладѣваетъ имъ все больше и больше... Глаза закрываются и открывать ихъ становится все труднѣе и труднѣе... Начинается рядъ галлюцинацій... Ему кажется, что надъ нимъ склоняются дорогія ему лица... Все ближе и ближе склоняются эти лица... Онъ уже забываетъ, что раненъ... Ему хорошо... Какая-то блаженная истома овладѣваетъ всѣмъ существомъ...

— О Господи, о-хъ!.. раздается около. Снова возвращается сознаніе дѣйствительности... Рядомъ около него стоитъ на колѣняхъ прапорщикъ апшеронецъ, Каширининовъ, руки прижаты къ груди, изо-рта хлещетъ черная кровь...

— Копьемъ... О...охъ, храпитъ онъ... Лицо искажено судорогами. Вдругъ онъ вскакиваетъ, шатаясь, какъ пьяный, и бѣжитъ куда-то. Примѣръ подѣйствовалъ и на гардемарина... Какая сила подняла его—трудно сказать .. Но онъ поднялся и пошелъ, поминутно останавливаясь, отплевывая кровь, спотыкаясь... Вошелъ въ ручей, обмылъ лице, зачерпнулъ руками воды, попытался проглотить—вода вылилась черезъ горловую рану наружу... Сознаніе готово было покинуть его... Бывшій всего въ нѣсколькихъ шагахъ брустверъ нашей траншеи какъ-то удивительно подымался и опускался у него въ глазахъ... Земля стала уходить изъ подъ ногъ... Чья то рука крѣпка ухватила его вокругъ тальи... Кто это былъ—онъ не зналъ—видѣлъ только синій околышъ и красный кантъ фуражки... Лицо подхватившаго его было для гардемарина покрыто какимъ-то облакомъ... Онъ слышалъ какія-то слова, но какія—не могъ разобрать... Влѣзалъ на брустверъ... Упалъ... Сильная боль снова привела его совершенно въ себя... Онъ увидѣлъ знакомое добродушное лицо камергера Балашова... Красавецъ-докторъ Краснаго креста Малиновскій подско-

чилъ... Онъ чувствовалъ какъ его раздѣвали, разрѣзали на немъ матроскую рубашку, чувство холода заставило его стонать, острая боль въ лѣвомъ боку вызвала крикъ, онъ оттолкнулъ кого-то и увидѣлъ Малиновскаго, показывающаго что то на окровавленной ладони Балашову, безнадежно качавшему головой. Слышалъ требованіе носилокъ, чувствовалъ, что съ нимъ что то дѣлаютъ, но ему казалось что это не его укладываютъ, а кого то другаго, что онъ только смотритъ на это... Носилки закачались... Мучительнѣйшая боль и холодъ во всемъ тѣлѣ... Вотъ на встрѣчу идетъ какой то казакъ... Вглядѣлся въ лицо, снялъ папаху и перекрестился... Я значитъ уже умеръ, думаетъ морякъ, но страшная боль въ груди, отъ удара носилокъ о выступы траверза, даетъ ему знать, что онъ живетъ, чтобы страдать... Давка въ траншеяхъ страшная... Въ мѣстѣ соединенія съ двумя другими ходами сообщеній накопились десятки носилокъ, сталкивающихся между собой... Стоны безпомощнаго отчаянія раздаются съ нихъ, смѣшиваясь съ трескотней выстрѣловъ и криками „ура“! Пули свистятъ черезъ голову... Носильщики вздрагиваютъ, сбиваются съ ноги, тряска отъ этого происходящая вызываетъ припадокъ безсильной ярости въ гардемаринѣ: онъ старается достать до спины передоваго носильщика сапогомъ, бередитъ свои раны и впадаетъ въ забытье...

. . . . . .

Геокъ-Тепе взято... Земля пропитана кровью... Наступила ночь... Изъ крѣпости доносятся рѣдкіе ружейные выстрѣлы—добиваютъ найденныхъ въ ямахъ тэкинцевъ... Въ лагерѣ гремитъ музыка и пѣсенники. Вино льется рѣкой—войска пируютъ! Маркитанты-армяне больше всего въ барышахъ отъ побѣды—десятки и сотни цѣнныхъ вещей, въ особенности ковровъ, пріобрѣтено за нѣсколько бутылокъ водки... Уцѣлѣвшіе офицеры мечтаютъ о наградахъ, видятъ радужные сны и не слышатъ нарушающихъ ти-

шину ночи протяжныхъ, мучительныхъ стоновъ и вздоховъ, вылетающихъ изъ намётовъ Краснаго креста и госпиталя—это изувѣченные герои дня, изъ которыхъ многіе во мракѣ ночи призываютъ къ себѣ смерть, какъ избавительницу отъ невыносимыхъ мукъ! Они сдѣлали свое дѣло, принесли посильную жертву, товарищамъ не до нихъ... У каждаго столько своихъ хлопотъ и интересовъ, и злобы дня... Но находятся люди, которые не забываютъ ихъ—это двѣ сестры милосердія, Стрякова и графиня Милютина... Онѣ, какъ двѣ тѣни, скользятъ изъ кибитки въ кибитку, изъ намета въ наметъ и съ ними является успокоеніе для несчастныхъ раненыхъ... Заботливая, нѣжная женская рука поправляетъ умирающему подушку и его душа отлетаетъ въ то время, когда уста посылаютъ благословленіе этому существу, облегчившему послѣднюю минуту разставанія съ страдальческой жизнью... Мучимый лихорадкой, съ запекшимся отъ внутренняго жара губами, съ пересохшимъ горломъ лежитъ раненый... Съ ангельской осторожностью и заботливостью сестра подымаетъ ему голову и струя прохладной, освѣжающей воды съ виномъ льется ему въ горло... Дрожащимъ голосомъ, еле слышнымъ, говоритъ онъ: „спасибо, сестрица“; холодѣющая рука едва примѣтно пожимаетъ руку сестрицы и для нея, для этой чистой души, полной безкорыстія, эта благодарность стоитъ всякой другой... Вамъ, лучшія самоотверженнѣйшія изъ русскихъ женщинъ, обязанъ я жизнью, обязанъ больше чѣмъ жизнью—облегченіемъ мучительныхъ, нечеловѣческихъ страданій, и вамъ посвящаю послѣднія строки моихъ воспоминаній, переполненныхъ сценами кровавой борьбы, среди которой вы явились воплощенной идеей самопожертвованія на пользу страждущихъ людей...

Воспоминанія о васъ изглаживаютъ то тяжелое чувство нравственной и физической боли, которое навѣяли на меня вызванные моею памятью образы прошлаго...

Я убѣжденъ, что всѣ раненые, пользовавшіеся попеченіемъ вашимъ, до конца жизни будутъ носить въ своемъ сердцѣ самое свѣтлое впечатлѣніе о тѣхъ, кто жертвовалъ ради нихъ своимъ спокойствіемъ, здоровьемъ, жизнью изъ безкорыстнаго чувства человѣколюбія, являющагося феноменомъ въ нашемъ холодно-разсудительномъ вѣкѣ.

Майеръ.

4 III

ПЕРЕПЛЕТНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
А. ШЕРЪ,
ВЪ НИЖН. НОВГОРОДѢ.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
958.4 M28N C001
Poludennye ėkspeditsii : ocherki /
3 0112 106072611